

БОЛЬШИЕ И КНИГИ

Цао Сюэ-цинъ

СОН
В КРАСНОМ
ТЕРЕМЕ

ТОМ 1

«ИНОСТРАНКА»

Сон в красном тереме

Цао Сюэцинъ

Сон в красном тереме. Том 1

«Азбука-Аттикус»

1791

УДК 821.581
ББК 84(5Кит)-44

Сюэцинъ Ц.

Сон в красном тереме. Том 1 / Ц. Сюэцинъ — «Азбука-Аттикус»,
1791 — (Сон в красном тереме)

ISBN 978-5-389-24591-4

Роман «Сон в красном тереме», впервые целиком изданный в 1791 году, не просто входит в золотую сокровищницу китайской классической литературы (наряду с «Троецарствием», «Речными заводами» и «Путешествием на Запад»), – по стилю написания и принципу построения сюжета он сильно приближен к современному роману и, возможно, пользуется особой симпатией среди читателей. В книге рассказана история расцвета и разорения большой богатой семьи, бездумно растратившей свои богатства, что навлекло на нее множество бед и невзгод. Широкую популярность роману принесли изящный слог, фантастические события, любовные приключения и подробные описания быта. В настоящем издании «Сон в красном тереме» печатается по двухтомнику 1958 года, однако переводы многочисленных стихотворений, составляющих важную часть романа, печатаются по изданию 1997 года, для которого переводчик Лев Николаевич Меньшиков заново пересмотрел и поправил свои тексты. Роман сопровождается оригинальными иллюстрациями китайских художников. В первый том вошла вступительная статья Л. Н. Меньшикова и первые шестьдесят глав романа.

УДК 821.581
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-389-24591-4

© Сюэцинъ Ц., 1791
© Азбука-Аттикус, 1791

Содержание

Роман «Сон в красном тереме» – вершина китайской классической литературы[1]	8
Глава первая, повествующая о том, как Чжэнь Ши-инь в чудесном сне узнал об изумительной яшме и как Цзя Юй-цунь в мирской пыли мечтал о подруге жизни	20
Глава вторая, в которой говорится о том, как жена Линь Жу-хая, урожденная Цзя, умерла в городе Янчжоу и как Лэн Цзы-син рассказывал о дворце Жунго	33
Глава третья, в которой речь пойдет о том, как Линь Жу-хай через своего шурина пристроил учителя и как матушка Цзя жалела свою осиротевшую внучку	41
Глава четвертая, которая повествует о том, как юноша с несчастной судьбой повстречался с несчастной девушкой и как послушник из храма Хулумяо помог разрешить запутанное дело	57
Глава пятая, из которой читатель узнает о том, как душа Цзя Бао-юя странствовала по «Области Небесных грез» и как фея Цзин-хуань велела исполнить песни «Сон в красном тереме»	65
Глава шестая, в которой будет рассказано о том, как чувство «облака и дождя» познал Цзя Бао-юй и как впервые в дом Жунго явилась бабушка Лю	87
Глава седьмая, повествующая о том, как Цзя Лянь развлекался с женой, когда принесли цветы, и как Бао-юй во дворце Нинго познакомился с Цинь Чжуном	96
Глава восьмая, повествующая о том, что видел Бао-юй на золотом замке и как Бао-чай узнала о чудесной яшме	107
Глава девятая, из которой можно узнать о том, как Ли Гуй получил наказ наставлять дурного мальчишку и как Мин-янь, рассердившись на сорванцов, учинил скандал в школе	117
Глава десятая, в которой рассказано о том, как вдова Цинь стерпела обиду и как доктор Чжан старался найти источник болезни	124
Глава одиннадцатая, из которой читатель узнает о том, как в день рождения Цзя Цина во дворце Нинго был устроен пир и как при виде Ван Си-фын у Цзя Жуя вспыхнула страсть	130
Глава двенадцатая, повествующая о том, как безжалостная Ван Си-фын устроила ловушку тому, кто мечтал о ней, и как Цзя Жуи смотрелся в лицевую сторону «Драгоценного зеркала любви»	139
Глава тринадцатая, рассказывающая о том, как после смерти госпожи Цинь муж ее получил звание офицера императорской охраны и как Ван Си-фын взяла на себя управление дворцом Нинго	146
Глава четырнадцатая, в которой будет рассказано о том, как тело Линь Жу-хая перевезли в Сучжоу и как на дороге Цзя Бао-юй был представлен Бэйцзинскому вану	155
Глава пятнадцатая, повествующая о том, как Ван Си-фын в «кумирне Железного порога» показала свою власть и как Цинь Чжун наслаждался в монастыре Пампушек	163

Глава шестнадцатая, повествующая о том, как Цзя Юань-чунь была избрана во Дворец Больших Стилистов и как в молодые годы Цинь Чжун ушел в иной мир	174
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Цао Сюэ-цинъ

Сон в красном тереме. Том 1

Cáo Xuěqín
HÓNGGLÓUMÈNG

© В. А. Панасюк (наследник), перевод, комментарии, 2023

© Л. Н. Меньшиков (наследник), перевод стихов, статья, комментарии, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Иностранка®

Роман «Сон в красном тереме» – вершина китайской классической литературы¹

*...Какой у дочки тайный том
Дремал до утра под подушкой.*
А. Пушкин. Евгений Онегин

1. ЭПОХА ВЕЛИКИХ РОМАНОВ

Роман в китайской литературе появился сравнительно поздно. Если говорить о народном, анонимном романе, родившемся из особого рода китайского сценического искусства, так сказать, театра одного актера – «рассказывания книг» (шо шу), то первые сведения о нем обнаруживаются в исторических источниках, относящихся к XII веку. Рассказчики книг «шошуды» брали какой-то хорошо известный исторический или иной сюжет – мифологический, легендарный, бытовой – и на его основе составляли сценарий. По этому сценарию они и вели свой рассказ, точно повторявший основные узлы сценария, но в промежутках оставляли место для свободной импровизации. Сохранилось несколько таких сценариев. Это довольно обширные произведения, явно рассказывавшиеся не в один прием, а за несколько вечеров. Большинство из них – это рассказы о тех или иных периодах китайской истории, о которых в народе сложились легенды. А легенды эти, в свою очередь, были использованы рассказчиками книг. Из десятка дошедших до нас народных романов – их обычно называют словом «пинхуа» («рассказы с оценкой») – только два не могут быть строго отнесены к историческим повествованиям: «Рассказ со стихами о том, как монах Трипитака добыл сутры» и «Забутые дела годов Сюань-хэ при Великой Сун». Первый из них хотя и кладет в основу реальное путешествие в Индию за священными книгами китайского буддиста Сюань-цзана (600–664), но изложен в совершенно фантастическом плане: это описание приключений Сюань-цзана в вымышленных странах, к реальному путешествию монаха почти не имеющих отношения. Второй, также основанный на действительно происходивших событиях начала XII века, на поверку оказывается записью легенд о бурном периоде, когда Китай (называвшийся тогда Сун) пытался – далеко не всегда успешно – отражать нашествия северных соседей чжурчжэней. Окончилось это потерей государством Сун северной части страны, где чжурчжэни образовали свое государство Цзинь. Остальные дошедшие до нас пинхуа являются переложением событий из исторических сочинений с добавлением легенд, с этими событиями связанных.

Народный роман пинхуа в XIV веке лег в основу авторского романа, предназначенного уже не для слушателя, а для читателя, что исключает какую-либо импровизацию, но зато требует высокого словесного искусства. И действительно, китайский авторский роман явился как крупное литературное течение того периода, который – по тогдашнему названию страны – именуется обычно «периодом Мин» (1368–1644). Роман быстро оттеснил на задний план другие литературные направления этого периода (кроме, может быть, драмы), и очень часто о периоде Мин говорят как об эпохе великих романов. Этот новый для Китая вид литературы сохранил многие черты, указывающие на его связь с народными повествованиями пинхуа. В частности, главы в романе называются «разами» («первый раз», «второй раз» и т. д.), кончается глава («раз») на самом интересном месте (совсем как в пинхуа или в современных нам телесериалах), и потом добавляется: «Хотите узнать, что было дальше, услышите в следующий

---

¹ Статья печатается по изданию: Цао Сюэ-цинъ. Сон в красном тереме: Роман в двух томах. Т. 1. М.: Полярис, 1997.

раз» (или «прочтете в следующей главе»), а новая глава начинается со слов: «В предыдущий раз (в предыдущей главе) было рассказано, как...»

Народное повествование (все равно, пинхуа или новелла «хуабэнь») обычно начиналось со стихотворного введения, где рассказчик сообщал, о чем сегодня пойдет речь. Завершался рассказ стихотворным резюме большого эпизода или всего рассказа. В самом тексте описания природы и наружности героев излагались образной ритмической прозой. Когда завершался промежуточный эпизод, давалась его оценка в виде двустишия. Все эти приемы сохранились и в авторском романе и, может быть, наиболее неопровержимо свидетельствуют о его происхождении от народного романа пинхуа.

Для китайской литературы характерен особый путь развития. Каждый из больших периодов отмечен господством какого-то направления, когда литераторы все силы устремляют главным образом на развитие и усовершенствование именно этого вида. Во время Тан (618–907) это были размеренные стихи (ши), отмеченные именами многих великих поэтов, среди которых такие, как Ли Бо, Ду Фу, Мэн Хао-жань, Ван Вэй, Бо Цзюй-и, Ли Шан-инь и многие другие. Для времени Сун (960–1279) – разностопные стихи «на мотив» (цы) и ритмическая проза публицистического или философского характера (гувэнь). Период монгольской империи Юань (1278–1367) – это «золотой век» китайской драмы. Создание кистей великих писателей, то или иное направление достигает своего апогея в свой период, а потом, не исчезая из литературного обихода и творчества литераторов, все-таки отходит на второй план, становится традиционным. Утверждается новое течение обычно усилиями одного-двух выдающихся литераторов, их творения, произведя глубокое впечатление на современников, долгое время служат потом образцом для последующих писателей, использующих возможности открытой основателями новой формы, оттачивающих ее и доводящих ее до полного выявления всех ее возможностей. Появляются произведения одно другого прекраснее. Но потом, когда возможности направления оказываются исчерпанными, бессмертные шедевры замещаются подражаниями, и направление уступает место другим формам, проходящим аналогичный путь развития.

История авторского романа в Китае начинается с двух шедевров, впитавших в себя весь опыт предшествующего жанра пинхуа. Первый из них – «Речные заводы» (Шуй-ху чжуань) – принадлежит кисти Ши Най-аня, второй – «Троецарствие» (Сань-го яньи) – его другу и ученику Ло Гуань-чжуну. Оба автора жили на переломе, когда иноземное монгольское государство Юань в результате народного восстания было заменено национальной империей Мин. Однако правление основателя Мин Чжу Юань-чжана (на троне в 1368–1398) оказалось жестоким и кровавым и не оправдало тех надежд, которые возлагали на нового правителя его соратники. Ши Най-ань, один из участников антимонгольского движения, отказался служить новому императору и посвятил остаток своих дней написанию романа «Речные заводы». Он не успел вполне закончить свое творение, завершил его Ло Гуань-чжун. В романе изображено восстание Сун Цзяна в начале 20-х годов XII столетия (оно, кстати, составило один из эпизодов пинхуа «Забывшие дела годов Сюань-хэ»). Ши Най-ань описал лагерь благородных разбойников, бежавших от несправедливостей властей. Они организуют союз Верных и Справедливых, где все равны и где царит справедливость и доверие друг к другу. Этот утопический союз оказывается непобедимым – до тех пор пока не идет на компромисс с императорской властью, после чего все сто восемь героев один за другим погибают. Роман «Речные заводы» стал образцом для последующих приключенческих и героических романов на несколько веков.

Второй роман – «Троецарствие» Ло Гуань-чжуна – также имел своего предшественника в «Пинхуа по истории Троецарствия». Но если в народном романе главная идея – предопределение, воздаяние правителям за несправедливые дела, то роман Ло Гуань-чжуна в ряде параллельных эпизодов демонстрирует, как следует и как не следует управлять, показывает достоинства гуманного правления. Оба романа не случайно были созданы двумя друзьями и единомышленниками. В них в скрытом виде таится протест против жестокости и деспотизма.

тизма новой власти империи Мин, которой авторы отказались служить. После романа «Троецарствие» было написано множество романов на исторические темы, причем к XX веку все периоды китайской истории – от падения государства Инь и установления империи Чжоу в XII веке до н. э. до провозглашения Республики в 1911 году – оказались описанными в этих исторических эпопеях, бравших за образец роман Ло Гуань-чжуна.

Таким образом, китайский роман зародился как историческая эпопея и как повествование о героях. Тем большее впечатление произвел написанный в XVI веке роман У Чэн-эня (начало XVI в. – 1582?) «Путешествие на Запад» (Си ю цзи). Роман этот, в основу которого положено было действительное путешествие в Индию за священными книгами буддийского монаха Сюань-цзана (600–664), на самом деле представляет собой рассказ вполне легендарный о путешествии Сюань-цзана по фантастическим странам, где Сюань-цзана и его спутников – царя обезьян Сунь У-куна, бессмертного борава Чжу Ба-цзе и Монаха Песков встречает множество препятствий, преодолеваемых только с помощью волшебной силы и при поддержке самого Будды и его посланцев. И этот роман тоже стал образцом для многих более поздних произведений, описавших фантастические путешествия в разные страны света.

После исторического, героического и фантастического романов появляется и бытовой роман «Цзинь, Пин, Мэй» (названный так по именам трех ведущих женских персонажей), предтеча реалистического направления в китайской литературе. Автор скрылся под псевдонимом Насмешник из Ланьлина. Со времени написания романа в конце XVI века до нашего времени этот псевдоним раскрыть не удалось, хотя для этого предпринималось много попыток. И это неудивительно. В романе изображены очень ярко и достоверно разложение и бесчинства богатеев и властей предрежающих с очень ясными намеками на действительные дела верхушки общества. Замечателен он еще обильными эротическими сценами, равных которым по откровенности и разнообразию нет, пожалуй, во всей мировой литературе, хотя во многих литературах мира эротика сопровождала начало реалистической струи. Потом было написано много произведений густо эротических и попросту скабрёзных, но по яркости описания быта и нравов и по великолепному языку ни одно из них не идет в сравнение с этим знаменитым романом.

Во всех четырех названных выше великих романах в той или иной степени присутствовал сатирический элемент, возраставший от романа к роману. Поэтому естественным оказалось рождение сатирического романа, во главе которого встал роман У Цзин-цзы (1701–1754) «Неофициальная история конфуцианства» (Жу линь вай ши). Он оригинален по форме. Во-первых, автор отказался от традиционных стихотворных заставок, концовок и промежуточных описаний. Во-вторых, роман представляет собою длинную цепь самостоятельных новелл, в каждой из которых изображен представитель чиновничьих кругов, причем они, эти представители, лишь как исключение люди честные и дельные, в массе же они продажны, жадны, жестоки, невежественны, надменны, готовы на всяческие нарушения закона ради собственной выгоды. В конце очередной новеллы-главы появляется новый персонаж, который становится ведущим в следующей новелле.

Наконец, последним в цепи великих романов становится «Сон в красном тереме» – он же признается вершиной китайской литературы и одной из высочайших вершин мировой литературы вообще.

2. «СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ» И ЕГО АВТОР ЦАО СЮЭ-ЦИНЬ

Роман «Сон в красном тереме» (Хун лоу мэн) впервые был издан в 1791 году в печатне Чэн Вэй-юаня, с двумя предисловиями: самого издателя и некоего Гао Э; в романе было 120 глав, причем по предисловию было ясно, что автор романа не успел его закончить и что закончил его Гао Э. В следующем году «Сон в красном тереме» был еще дважды переиздан тем же

издателем с поправками – второе издание и считается каноническим текстом романа, с него перепечатывались многочисленные издания XX века, в том числе и лучшее из них 1957 года.

Роман произвел на китайскую читающую публику самое глубокое впечатление. За два века после его появления он выдержал множество переизданий – больше, чем какое-либо другое произведение китайской литературы, если, конечно, исключить главный идеологический свод – конфуцианский канон, лежавший в основе китайского классического образования. Если искать ответ на вопрос, поставленный в эпиграфе, то в Китае это несомненно «Сон в красном тереме». Роман собрал в себе все великие достижения предшествующей китайской литературы вообще и романа в частности. В нем есть и фантастика – предыстория легендарного толка, вещие сны и тому подобное, – но не безудержная, как в «Путешествии на Запад», а весьма тактичная, органически входящая в ткань вполне реалистического повествования. Есть и тщательные описания быта в его мельчайших деталях, и любовные, достаточно откровенные сцены – как в «Цзинь, Пин, Мэй», но за всеми этими деталями скрывается плавно и логично развивающееся повествование. Есть и критическое нелюбимое изображение нравов как богатых людей, так и бедняков – но в большей степени в романе важны описания обычной жизни людей, их забав, радостей и горестей. В романе много стихов. Но это не заставки, концовки, вставки, во множестве встречавшиеся в более ранних романах и бывшие (кроме «Неофициальной истории конфуцианства») неотъемлемой частью композиции повествования. Стихи эти по большей части сочиняют действующие лица романа, иногда в поэтических соревнованиях, очень распространенных в старое время в Китае, иной раз на случай, иной раз, чтобы полнее выразить свои чувства – и среди стихов, ими написанных, встречаются настоящие поэтические шедевры, особенно когда их пишут два главных героя – Цзя Бао-юй и Линь Дай-юй. В целом же стихи служат не столько украшением романа, сколько помогают характеристике героев. Сюжет романа – это история расцвета и разорения большой, богатой – несметно богатой – семьи, бездумно растратившей свои богатства, что навлекает на ее членов множество бед и невзгод.

В предисловии издателя Чэн Вэй-юаня названо имя некоего Сюэ-цин из фамилии Цао, который «несколько раз перерабатывал» роман. Далее говорится, что широко распространены восемьдесят глав романа, однако доходили слухи, что всего глав в романе сто двадцать. После долгих поисков издателю удалось найти большинство недостающих глав (около тридцати). Один друг потрудились, приводя текст в порядок («подрезая слишком длинное и надставляя слишком короткое»), и теперь он решается выпустить в свет роман, напечатав его подвижным шрифтом (вещь не вполне обычная: китайское книгопечатание до XX века предпочитало не набор, а ксилографию – печатание с резных досок). Второе предисловие, принадлежащее упомянутому в первом предисловии Гао Э, говорит о его восхищении полной редакцией романа, предоставленной ему другом Чэн Вэй-юанем. Из всего этого можно понять, что вполне завершенными оказались первые восемьдесят глав романа, последние же сорок хотя и существовали до издания Чэна, но в черновиках, которые еще пришлось приводить в порядок, каковую работу и проделал Гао Э.

Кто такой Цао Сюэ-цин, названный в предисловиях и упомянутый во вводной части первой главы романа, как якобы получивший уже готовый текст, высеченный на камне, который он лишь «десять раз читал и пять раз исправлял» и упорядочил, разделив на главы и дав главам названия, – кто этот человек, толком никто не знал до самого XX века. И это неудивительно: романы, написанные на разговорном языке байхуа, а не на классическом языке древних сочинений вэньяне, настоящей литературой в старом Китае не считались. И даже Гао Э, выразивший свой восторг словами: «Я был словно персидский раб, любующийся увиденной драгоценностью», все-таки добавляет: «Хотя книга эта и принадлежит к грубым рассказам и диким историям».

Пришел XX век – и многое изменилось в китайских воззрениях на литературу. Драма, роман, повесть и другая беллетристика, не без влияния знакомства с европейскими литерату-

рами, стали в один ряд с произведениями «высокой» прозы и поэзии и прочно вошли в историю китайской литературы как достойная и важная ее часть. Ученые нового времени Ван Го-вэй, Ху Ши, Чжэн Чжэнь-до и многие другие предприняли усердные поиски и одного за другим разыскали в китайских исторических трудах и в «описаниях уездов» (так назывались многочисленные произведения, которые мы сейчас назвали бы краеведческой литературой) авторов знаменитых романов, повестей, пьес, новелл, биографические сведения о них и другие их произведения. Среди новооткрытых великих писателей оказался и Цао Сюэ-цин.

Первая половина XVIII века, когда жил Цао Сюэ-цин, была временем великих перемен. В 1644 году в Китае вспыхнуло восстание Ли Цзы-чэна, под ударами которого империя Мин, пришедшая в 1368 году на смену монгольскому государству Юань и просуществовавшая почти триста лет, прекратила свое существование. Повстанцы вошли в столицу Пекин. В это время на северо-востоке образовалось новое государство маньчжуров. Вождь маньчжуров Нурхаци в 1616 году назвал свое государство Поздняя Цзинь – в память другого государства тоже маньчжурского племени чжурчжэней, существовавшего на севере Китая в 1118–1234 годах (маньчжурские правители считали себя наследниками чжурчжэней). Государство маньчжуров постепенно расширяло свои границы, и в 1636 году, уже выйдя к Великой Стене, приняло другое название – Цин. От дальнейшей экспансии удерживала Великая Стена. Когда Ли Цзы-чэн вошел в Пекин, один из военачальников призвал маньчжуров на помощь против повстанцев и открыл для них заставу Шаньхайгуань. Маньчжуры быстро справились с Ли Цзы-чэном, но уходить обратно не желали и вскоре захватили Китай, распространив на всю страну название Цин. Маньчжурская династия правила в Китае до 1911 года.

Предки автора «Сна в красном тереме» принадлежали к древнему роду. Предполагали даже, что он восходит к знаменитому поэту, деятелю эпохи Троецарствия (220–264) Цао Цао. Но реально генеалогия семьи Цао восходит к одному из соратников Чжу Юань-чжана, основателя империи Мин. Имя этого предка, умершего в 1372 году, было Цао Лян-чэнь, он значительно способствовал укреплению власти нового повелителя Китая. Его сын Цао Цзюнь в начале XV века переселился из Центрального Китая на север, в Ляоян, на территории нынешней северо-восточной провинции Ляонин, где его потомки оставались на государственной службе и где их застало возвышение маньчжурского предводителя Нурхаци. Внук Цао Цзюня, прапрапрадед автора романа, Цао Си-юань, прапрадед Цао Чжэнь-янь, прадед Цао Си – все служили новой империи со дня ее образования и после того, как в 1636 году маньчжуры, дошедшие уже до Великой Стены, переименовали свое государство, дав ему имя Цин.

Маньчжуры свои войска подразделяли на «восемь знамен» (по числу основных и промежуточных частей света), причем инородцы в эти войска не допускались. Но уже очень скоро были образованы аналогичные «знамена» для монголов и для китайцев, отличившихся на маньчжурской службе, зачисление их в «восьмизнаменные войска» считалось особой честью. Члены семьи Цао с самого начала были зачислены в китайское (ханьское) войско Белого Знамени и активно участвовали как в завоевании маньчжурами Китая, так и в управлении завоеванными землями. Дед Цао Сюэ-циня (по другим сведениям – двоюродный дед) Цао Инь (1658–1712) служил в южных городах в нижнем течении Янцзы: в Сучжоу, Янчжоу, Цзяннине. Он управлял ткацкими императорскими мануфактурами в Цзяннине (южнее Нанкина) и одновременно был соляным инспектором в Янчжоу. Он прославился не только как администратор, но и как выдающийся культурный деятель, создатель одной из наиболее обширных частных библиотек и организатор книгопечатания. Имя его и до сих пор входит в число восьми наиболее прославленных ученых и литераторов города Янчжоу. После его смерти его дело ненадолго воспринял его сын Цао Юн (ум. в 1715 г.), а потом – племянник и приемный сын Цао Иня – Цао Фу, отец Цао Сюэ-циня. Цао Инь при жизни своей купил большой кусок земли на окраине тогдашнего Нанкина и разбил там великолепный парк, шедевр китайского садового искусства. Потом этот парк перекупил другой крупный литератор, прозаик и поэт, Юань Мэй

(1716–1797), и под названием Сад Следования Природе (Суй юань) прославил в своих сочинениях. Но раньше того парк семьи Цао под названием «Сад Роскошных Зрелищ» (Да гуань юань) был детально описан в романе «Сон в красном тереме».

Цао Сюэ-цинъ, первое имя которого Цао Чжань, родился в 1715 году – как раз когда Цао Фу вступил в должность и во владение имуществом своего приемного отца. Цао Сюэ-цинъ рос в этом парке, и его восприятие мира в значительной степени воспитано было совершенством окружающих пейзажей. Однако как Цао Инь, так и его преемники слишком полагались на свое богатство и жили, что называется, не по средствам. Цао Фу получил в наследство не только дела и имущество, но и огромные долги, которые семейство Цао так и не смогло никогда оплатить. В 1728 году после нескольких неудачных попыток погасить долги по указу императора Юн-чжэна (на троне в 1723–1736) все имущество семьи Цао было конфисковано, и славившаяся роскошью и хлебосольством семья впала в крайнюю бедность. Мы мало знаем о жизни Цао Сюэ-цинъ вообще и в частности в этот последний период. Видимо, некоторое время после разорения семьи он жил в Янчжоу, потом перебрался на север, на северо-западной окраине Пекина купил домик недалеко от монастыря Лежащего Будды, где и писал свой роман. Сохранилось несколько обращенных к нему, а потом и оплакивающих его стихотворений, написанных его друзьями: братьями-поэтами маньчжурами Дуньчэном (ум. в 1791 г.), Дуньминем (1729–1796) и Чжан И-цюанем, о жизни которого ничего другого не известно. Из стихов и из надписей на полях рукописей романа мы знаем, что в жизни Цао Сюэ-цинъ было три женщины, одна из них рано умерла, две другие были его женами, причем последняя из них принесла ему счастье – но даже имен этих женщин мы не знаем. В 1763 году была эпидемия оспы, унесшая его сына и детей его друзей, и сам он, видимо заразившись от больного сына, умер в ночь под Новый год, который в переводе на наш календарь приходился на первое февраля 1764 года, и не дожил до своего пятидесятилетия.

Все исследователи романа «Сон в красном тереме» единодушно признают, что основой сюжета романа послужила история семьи Цао Сюэ-цинъ и что главный герой – Цзя Бао-юй во многом напоминает автора романа. В самом деле – роман посвящен описанию жизни огромной семьи, очень богатой и разветвленной, имеющей родственные связи во всех самых богатых и знатных семьях города Цзиньлина (старое название Нанкина), где, кстати, и было громадное поместье в 1967 му, купленное Цао Инем и превращенное им в парк. В этом парке, получившем в романе название «сад Роскошных зрелищ», проходит жизнь семьи в удовольствиях и развлечениях. Денег в этой семье никто не считает. Главный герой Цзя Бао-юй, единственный наследник и баловень всей семьи, живет в окружении сестер – родных, двоюродных, троюродных – и их служанок. («Красный терем» есть китайское образное обозначение теремов, в которых живут девушки.) Девочки и мальчики постепенно взрослеют. Две из двоюродных сестер, Линь Дай-юй и Сюэ Бао-чай, – предмет особо нежных чувств подрастающего мальчика, чувство к Линь Дай-юй переходит в любовь. Когда встает вопрос о женитьбе Бао-юя, семья должна выбрать между Линь Дай-юй и второй сестрой. Дай-юй – девушка болезненная, от нее не ждут здорового потомства, и поэтому выбрана Бао-чай. Происходит почти библейская история: Бао-юй узнает, что его женили на Бао-чай, только в брачную ночь, Линь Дай-юй умирает от горя, а Бао-юй исчезает из дома, и только потом его встречает его отец Цзя Чжэн – его сын стал буддийским послушником. Этот основной стержень романа развивается на фоне множества судеб героев и героинь повествования. Судьбы сначала беззаботных молодых людей после разорения семьи оказываются несчастливыми. Жизнь в «саду Роскошных зрелищ» описана в подробнейших деталях: пейзажи и интерьеры, занятия и развлечения, праздники и приемы – все есть на страницах романа, вплоть до рецептов лекарств, прописанных больным. Воистину нет в литературе более подробной и достоверной энциклопедии китайской жизни, чем этот роман.

Все действие вставлено в изящную рамку. Во время сражения древних легендарных героев было пробито небо. Богиня-повелительница Нюй-ва собрала тридцать шесть тысяч

пятьсот один камень, сплавила их вместе и залатала пролом. Но один камень остался. Побывав у нее в руках, он обрел волшебные свойства, мог увеличиваться и уменьшаться, передвигаться и разговаривать. Камень был найден двумя монахами – буддийским и даосским, они его куда-то унесли, а после камень вновь был обнаружен с записанными на нем судьбами людей в бренном мире. Про эти записи (недаром другое название романа «Записи на камне», Ши тоу цзи) как раз и говорится, что Цао Сюэ-цинь взял готовую историю и лишь обработал и упорядочил ее. Далее камень обнаруживают во рту только что родившегося Бао-юя, и он всегда носит его на шнурке на шее, не подозревая, что на камне записана вся его судьба и судьба всех его близких. Монахи еще несколько раз появляются на страницах романа и в конце концов уведут с собой его главного героя.

В истории расцвета и разорения семьи Цзя, несомненно, угадывается история семьи Цао Сюэ-циня. Но, конечно, это не точный сколок, и не только в деталях, но и в судьбах действующих лиц. Простой пример: одна из сестер Бао-юя – Цзя Юань-чунь – замужем за самим императором, и вплоть до своей смерти оказывает семье своих родителей покровительство. В семье автора среди родственников была двоюродная тетка Цао Сюэ-циня, мужем которой был член царствующего дома, но не император и даже уже не великий князь. И таких примеров можно привести много. В то же время две женщины в семье самого Цао Сюэ-циня как будто повторяют судьбу Линь Дай-юй и Сюэ Бао-чай. Это частый случай в истории мировой литературы: автор берет истинные события и реальных людей, но изменяет их судьбы так, как этого требует художественная правда.

3. ОТКРЫТИЯ XX ВЕКА И СУДЬБА РОМАНА

Предисловия к первому изданию романа говорили, что роман долгое время ходил в списках (чуть не тридцать лет), что автор не успел его закончить и что Гао Э завершил роман. Естественно, что исследователей всегда интересовало, что написал Цао Сюэ-цинь, что добавил Гао Э и не исказил ли Гао Э замысел автора. Для решения этого вопроса всегда считалось важнейшей пятой главой романа. В этой главе рассказано о сне Бао-юя. Он попадает в «Область Небесных Грез», по которой его водит фея Цзин-хуань (имя ее значит «Пробуждающая от грез»). В числе прочего они слушают музыкальное представление, где каждая из арий содержит намеки на судьбу одной из юных героинь романа (всего их двенадцать, и вместе они называются «двенадцать шпилек»). Кроме того, Бао-юй обнаруживает книги, где записаны судьбы людей, и опять эти записи полны намеков, которые он не понимает, прочесть же разгадки этих намеков фея ему не позволяет – судьбы заранее никто не должен знать. Сопоставляя эти намеки, которые в значительной части находят свою разгадку по мере развития действия в романе, ученые пытаются выяснить, каков был первоначальный замысел Цао Сюэ-циня. Исследования эти весьма многочисленны, догадки многообразны. Всех их здесь не привести, но одной загадки стоит все-таки коснуться.

Кроме двух двоюродных сестер Линь Дай-юй и Сюэ Бао-чай, судьба которых в романе напоминает отношения самого Цао Сюэ-циня и его жен, в романе есть еще третья двоюродная сестра Ши Сян-юнь. Как и две другие, она носит фамилию, отличную от фамилии Цзя, а по китайским понятиям сочетаться браком не могли мужчина и женщина с одной фамилией – значит, брак ее с Бао-юем возможен. В шестьдесят второй главе романа рассказано, как опьяневшая после угощения на дне рождения Бао-юя Ши Сян-юнь уснула в саду на каменной скамейке. Потом Бао-юй находит возле скамейки оброненную ею статуэтку единорога-цилиндра, парная же статуэтка остается у Сян-юнь. Привычная символика парных предметов обычно намекает на брачный союз, и вряд ли случайно находит эту статуэтку именно Бао-юй. В окончательном тексте романа судьба Ши Сян-юнь, как, впрочем, и других героинь, трагична. Она выдана замуж, счастлива с мужем, но муж умирает, а она становится нищенкой. Между тем в

относящихся к ней стихах, которые слышит и читает Бао-юй в своем сне, говорится о ее безбрежном счастье, «и только пора ее раннего детства была в ее жизни грустна». А если вспомнить, что в стихах друзей Цао Сюэ-цин говорится о последней его жене, с которой он был счастлив, то можно думать, что судьба Ши Сян-юнь должна была быть иной и что она должна была в конце выйти замуж за Бао-юя и принести ему счастье.

Это только один пример. В то же время намеки, рассеянные как во сне Бао-юя, так и в других частях романа, в подавляющем большинстве исследователями раскрыты, и серьезных отклонений от смысла этих намеков в последующих главах почти нет. Это лишний раз говорит о том, что Гао Э, завершая роман, старался строго следовать первоначальному замыслу Цао Сюэ-цин, однако несколько глав (около десяти) написаны не были или существовали только в набросках, и иногда можно заметить, что конечные главы как будто от авторского замысла отклонились.

Не только по предисловиям, но и по некоторым обнаруженным записям и стихам XVIII века можно видеть, что до его опубликования в печати роман ходил в рукописных копиях. Начало XX века совпало с обнаружением нескольких списков романа, причем все они, эти списки, обрывались на восьмидесятой главе, то есть содержали ту часть романа, в отношении которой авторство Цао Сюэ-цин несомненно. В настоящее время найдено тринадцать различных копий текста, причем все они друг от друга отличаются и носят на себе следы авторской правки, и только один из списков представляет собой полный текст в ста двадцати главах. Одна за другой эти рукописи издавались фотоспособом, и сегодня появилась возможность издать полный критический текст романа с учетом всех расхождений в различных рукописях и изданиях. Изучением истории текста – и тем самым изучением творческой истории романа – занимались и занимаются многие ведущие специалисты, такие, как Ху Ши (1891–1962), Лу Синь (1881–1936), Юй Пин-бо (1900–1989) и ныне здравствующий Чжоу Жу-чан. Благодаря их усердным трудам были установлены основные редакции романа. В рукописях, включающих восемьдесят глав, постоянное заглавие – «Записи на камне», но в тексте также упоминается и «Сон в красном тереме». Потом это второе название романа победило и закрепилось окончательно – в первоиздании. И хотя исследователи знают и первое название, тем не менее роман всегда называется вторым из них. Заметим, что список, включающий сто двадцать глав, тоже озаглавлен «Сон в красном тереме», и можно думать, что это тот оригинал, с которого печатали.

О популярности романа в Китае может свидетельствовать тот факт, что вскоре после так называемой культурной революции, в 1980 году, в Пекине в системе Академии общественных наук был организован отдельный Институт «Сна в красном тереме», во главе которого встал известный историк Фэн Ци-юн. Ему принадлежит заслуга координации научной деятельности многочисленных ученых и научных центров, где ведутся исследования романа. Выделилась особая отрасль науки, занимающаяся самыми разнообразными изысканиями, связанными с романом (эта отрасль науки получила название «хун сюэ», что по-русски можно перевести труднопроизносимым словом «хунлоумэноведение»). На Тайване ведущим специалистом в этой области является проф. Пань Чжун-гуй, крупный филолог и глубокий знаток текстов древнекитайской литературы.

Деятельность Института «Сна в красном тереме» не только организационная – хотя и эта деятельность очень важна: едва где-нибудь в Китае образуется новое общество любителей и исследователей романа, туда немедленно выезжает представитель института для составления общей программы. Сосредоточение всей информации в одном центре продвигает исследование романа вперед большими шагами. Продемонстрируем это на нескольких примерах.

До образования Института издание найденных списков ранних редакций производилось несистематически, многие списки оставались неизвестными широкому кругу специалистов. Так, в 1964 году Б. Л. Рифтин и автор данных строк опубликовали пространное сообщение о

неизвестном списке романа, хранящемся в Ленинграде. Хотя это сообщение и вызвало интерес (в Японии, например, вскоре вышел перевод статьи), однако вопрос об издании рукописи встал только после того, как Институт востоковедения вошел в контакт с Институтом «Сна в красном тереме». Между тем рукопись представляет значительный интерес для вопроса об истории создания романа: в ней обнаружена правка, которую нельзя признать иной чем авторской. Кроме того, ленинградский (петербургский) список оказался единственным обнаруженным за рубежом – все остальные найдены и хранятся в Китае. Она была приобретена в 1832 году членом русской православной духовной миссии в Пекине П. П. Курляндцевым (заметим, что в то время и в самом Китае рукописи романа не были известны). В 1986 году состоялось совместное издание полного текста списка фотоспособом, предисловие написали Л. Н. Меньшиков и Б. Л. Рифтин. Уже в 1987 году потребовалось переиздание: первого не хватило даже специалистам. Это издание завершило введение в науку наличных рукописей романа. Вскоре в Пекине (под редакцией Фэн Ци-юна) и в Тайбэе на Тайване (под редакцией Пань Чжун-гуя) были изданы критические издания, учитывающие разночтения во всех списках.

Другая линия исследований связана с историческим фоном, на котором создавался роман – и здесь пальма первенства, несомненно, принадлежит проф. Фэн Ци-юню. Под его руководством обнаружены и обследованы семейные кладбища семьи Цао, одно в провинции Ляонин, другие два, двух ветвей фамилии Цао, на севере современной провинции Хэбэй и на западе от Пекина. На основании найденных там записей была восстановлена подробнейшая генеалогия семьи Цао в нескольких ее ветвях в шестнадцать поколений, последним из которых оказалось поколение Цао Сюэ-цин – на этом генеалогия обрывается. Последним в ветви Цао Иня оказывается человек по имени Цао Тянь-ю. Имена автора романа Цао Чжань и Цао Сюэ-цин в родословной не обнаружены, но некоторые исследователи – одни со значительной долей сомнения, другие вполне уверенно – отождествляют его с Цао Тянь-ю. В любом случае ближайшее окружение и историю семьи удалось восстановить вполне достоверно, по подлинным документам, и параллель между семьями Цао в действительной жизни и семейством Цзя в романе устанавливается во многих деталях.

Другая находка Института и его руководителя Фэн Ци-юна – это небольшое поместье под Пекином, о котором мы уже упоминали. Это небольшой одноэтажный домик в четыре комнаты, обнесенный, как это обычно в Китае, каменной оградой выше человеческого роста. В одной из комнат, стены которой, как везде в обычном, не дворцового типа китайском жилище, покрыты штукатуркой и побелены, под поздним слоем побелки обнаружены стихотворные записи, причем одна из записей принадлежит, несомненно, хозяину дома. Это единственный автограф Цао Сюэ-цина, нам достоверно известный. В домике сейчас музей. Вокруг него обширное поле, на север – горы, с запада расположены два монастыря, выдающиеся памятники китайской храмовой архитектуры: монастырь Лежащего Будды и монастырь Бирюзовых Облаков. Почти все сохранилось в том виде, как во время жизни автора романа, и можно представить себе обстановку, в которой роман создавался. Недаром проф. Фэн Ци-юн, когда писал свои исследования о жизни автора и его предков и об истории создания романа, любил поселяться в парке Сяншань на склонах тех гор на западе, где расположен монастырь Бирюзовых Облаков.

В результате многолетних усердных поисков в литературе, современной Цао Сюэ-циню, удалось выяснить круг его друзей в последние годы жизни. Это, прежде всего, упоминавшиеся уже Дуньчэн, Дуньминь и Чжан И-цюань. К ним надо добавить еще некоего Чжиху-соу, из записи которого на полях одной из рукописей мы узнали год смерти Цао Сюэ-цина. Но, может быть, самый значительный – человек, которого мы знаем только по его псевдону Чжи-янь чжай – «Хозяин кабинета Коробочка для румян». Чжи-янь чжай оставил и на полях рукописей романа, и между строк, и в добавление к основному тексту множество своих заметок, которые дают в высшей степени важные сведения о творческой истории романа, об обстоятельствах

жизни Цао Сюэ-циня и его семьи, а также критические замечания по тексту. Исходной точкой исследования романа всегда служили эти заметки – не даром они сейчас собраны воедино в книге тайваньского ученого Чэнь Цин-хао. По всему видно, что «Хозяин кабинета» – человек очень близкий автору романа. По некоторым особенностям языка можно думать, что это – уроженец города Янчжоу, где служил дед, а потом и отец Цао Сюэ-циня. Некоторые исследователи даже думают, что это – женщина, с которой списан образ одной из центральных фигур романа, двоюродной сестры героя романа Ши Сян-юнь. А если это так, то можно думать, что это не хозяин, а «хозяйка кабинета», и, может быть, вдова Цао Сюэ-циня, упоминаемая в одном из стихотворений Дуньчэна на смерть автора романа: «Со слезами выплеснут к благим Небесам голос его вдовы».

На южной окраине Пекина по плану и под руководством Фэн Ци-юна в последние два десятилетия разбит парк под названием «сад Роскошных зрелищ». Его создатель, внимательно следуя описанию сада, дворцовых построек и павильонов в романе «Сон в красном тереме», решил восстановить этот парк. Сейчас все необходимые постройки возведены или находятся в стадии завершения, вплоть до деревушек, где на окраине парка живут слуги. Прорыты ручейки и пруды, через них переброшены мостики. Строения украшены надписями, сочиненными по роману членами семьи Цзя. Памятуя, что в романе парк разбивают к приезду старшей сестры Бао-юя, императорской жены Юань-чунь, и что в честь ее, «государыни императрицы», на подмостках в парке было устроено представление, каждый год весной в воссозданном парке тоже устраивается представление «Приезд императрицы», где действующими лицами выступают персонажи романа. Неподдельная любовь к великому произведению Цао Сюэ-циня и энтузиазм его исследователей не могут не вызвать восхищения.

Сцена «Приезд императрицы» – не единственный эпизод из романа «Сон в красном тереме», легший в основу как пьес народного театра, так и книжек-картинок для детей и новогодних поздравительных картин. Содержанием всех этих произведений может быть и глава, где Ши Сян-юнь, опьяненная, засыпает на садовой скамейке, и сценка, в которой четыре красавицы ловят рыбу в пруду, и трагические судьбы служанки Юань-ян или двух сестер Ю, дальних родственниц семейства Цзя, и комические эпизоды с деревенской старухой Лю – и многое другое. В конце восьмидесятых годов в Китае был поставлен телесериал, где глава за главой показаны почти все основные линии сюжета романа «Сон в красном тереме», и сейчас изображения артистов в роли героев и героинь романа перекочевали и на почтовые открытки, и на закладки для книг, и на иллюстрации к популярным пересказам романа...

В наше время роман находит все более и более широкого читателя. Раньше в литературных анекдотах отец, обнаружив, что дочка не спит по ночам и обливается слезами, читая роман, выражал по этому поводу свое крайнее неудовольствие. Ведь стержнем «Сна в красном тереме» все-таки является любовь Цзя Бао-юя и Линь Дай-юй, а девушке о таких вещах думать не полагалось. Теперь же при гораздо более свободных нравах никому не придет в голову запрещать детям и тем более подросткам читать ни «Сон в красном тереме», ни знаменитые пьесы о всепобеждающей любви – «Западный флигель» Ван Ши-фу (конец XIII – начало XIV вв.) или «Пионовую беседку» Тан Сянь-цзу (1550–1617) – обе пьесы, кстати, читают (тайком, конечно) две героини романа Линь Дай-юй и Сюэ Бао-чай.

4. «СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ» В РОССИИ И ЕВРОПЕ

В странах китайского культурного ареала роман «Сон в красном тереме» в течение всего XIX века переводить не приходилось: китайский язык был знаком любому образованному человеку, и в Японии или Корее роман читали в подлиннике. Перевод потребовался только в XX веке, когда классическое образование заменилось современным европеизированным и уже далеко не каждый мог читать по-китайски. Тогда-то, в 1920 году, и появились массо-

вые переводы китайской классической литературы на японский язык, в том числе и перевод «Сна в красном тереме», выполненный Юкида Роханом и Хираока Рюдзё, сопровождавшийся для желающих и подлинным китайским текстом. Потом выходили и другие переводы, издаваемые неутомимым проповедником произведений мировой литературы издательством «Иванами сётэн».

Россия и Европа по понятным причинам китайскую литературу в подлиннике не читали, для знакомства с нею потребны были переводы. И они появились – силами русских и европейских китаеведов. Первыми здесь были русские, ученики Пекинской духовной миссии. Их заслуга не только в приобретении одной из рукописей ранней редакции романа, о которой мы уже писали. Ученик миссии А. И. Кованько, возвратившись из Китая в 1836 году, опубликовал под псевдонимом Дэ Мин очерки под названием «Поездка в Китай» (журнал «Отечественные записки» за 1841–1843 годы). К заключительной части он приложил перевод вступления к первой главе «Сна в красном тереме», и это было первой попыткой в Европе продемонстрировать шедевры китайской литературы на образцах. Частичные переводы отдельных глав и фрагментов романа включались постоянно русскими китаеводами в их учебные программы в Университете. Ведущий китаист XIX века акад. В. П. Васильев впервые в мире издал «Очерк истории китайской литературы» в составе «Всеобщей истории литературы» В. Ф. Корша (1880). Подобного очерка до того не было не только в западных странах, но и в самом Китае. Включив в свой очерк китайскую повествовательную прозу, В. П. Васильев особо отметил как выдающееся произведение, могущее стать наравне с шедеврами мировой литературы, роман «Сон в красном тереме».

В европейских странах роман тоже появился сначала в избранных фрагментах. В Англии в 1868 году вышли первые восемь глав в переводе Е. Боура, в 1885 году – переводы главы тогдашнего английского китаеведения Герберта Джайлза, в 1919 году – переложение одного из знаменитейших в Англии переводчиков китайской литературы Артура Уэйли. Немецкий перевод Франца Куна вышел в 1932 году, французский в избранных фрагментах – в 1933 году.

Все перечисленные переводы были в той или иной мере адаптированы, приспособлены к привычным представлениям о литературе тех культур, на язык которых делался перевод, или представлены в избранных, наиболее, по мнению переводчиков, интересных для читателя отрывках. Перевод романа во всех деталях, составляющих его особую прелесть, казался европейским переводчикам громоздким и для западного читателя неудобочитаемым – и это несмотря на то, что сходные произведения Стерна, Филдинга, Рабле, Шодерло де Лакло читались и читаются с большим интересом и подробные их описания не отпугивают читателей.

Эту боязнь сохранения подлинного облика переводимого произведения смог преодолеть в себе русский переводчик В. А. Панасюк. Он сначала перевел на русский язык, ничего не опуская, сложный исторический роман «Троецарствие» Ло Гуань-чжуна, полный описаний сражений, перечней титулов и должностей и множества исторических подробностей. И, уже имея опыт такого перевода, приступил к «Сну в красном тереме». Переводчик старался передать по-русски все бесчисленные бытовые детали, в изобилии встречающиеся на страницах романа – и в этом преуспел, хотя, может быть, при проверке бдительным взглядом специалиста по китайскому быту кое-что может нуждаться в поправках (как это случилось после проверки знатока истории китайской одежды Л. П. Сычова – он предложил целый ряд уточнений к названиям одежды и деталей одежды), но это, видимо, дело будущего и грядущих переводчиков, ибо В. А. Панасюка уже нет в живых, он умер в 1990 году, едва начав готовить новое издание романа в исправленном переводе. Также впервые были переведены все стихи без исключения, встречающиеся в романе. Переводчик – автор данных строк – столкнулся с многими трудностями, главная из которых состояла в том, что стихи эти – не просто стихотворные вставки, они сочиняются действующими лицами романа и служат их характеристике.

Переводчик – кроме стремления к наибольшей точности перевода по тексту – старался передать также и разнообразие написанного в подлиннике.

Так или иначе, перевод В. А. Панасюка состоялся и давно уже имеет своего благодарного читателя. Думается, под впечатлением проделанной им работы был предпринят такой же полный перевод на английский язык. Первые три тома – начальные восемьдесят глав – под названием «История камня, или Сон в красном тереме» в переводе Д. Хоукса вышли в Англии в 1976–1978 годах. Еще два тома, заключительные сорок глав, в переводе Дж. Минфорда, появились в 1982 году. Англоязычная публика, таким образом, вслед за русским читателем стала обладательницей полного, неадаптированного текста великого романа.

При значительно возросшем за последние два десятилетия интересе нашего читателя к восточной, в частности китайской, классике, переиздание романа по-русски стало необходимым: первое издание, вышедшее в 1958 году, давно уже – чуть ли не с момента его выпуска в свет – стало библиографической редкостью. Переводчик В. А. Панасюк начал было сверять текст перевода для нового издания, но сделать этого не успел. Переводчик стихов в значительной части тоже проверил и поправил свои переводы, стараясь не нарушить согласования между прозаическими и стихотворными частями романа. В этом слегка поправленном виде издательство переиздает перевод Панасюка со стихами в переводе Меньшикова, надеясь удовлетворить этим читательский спрос.

Л. Н. Меньшиков

Глава первая, повествующая о том, как Чжэнь Ши-инь в чудесном сне узнал об изумительной яшме и как Цзя Юй-цунь в мирской пыли мечтал о подруге жизни

Вот первая глава, которой начинается повествование. Мне, автору этой книги, самому пришлось пережить когда-то период чудесных снов, поэтому я решил воспользоваться сказанием о чудесной яшме, чтобы поведать миру «Записи на камне», скрыв подлинные события и факты. Поэтому и героя своего я назвал «Чжэнь Ши-инь»².

О каких же событиях, о каких людях рассказывается в этой книге? – спросите вы.

И вот что я отвечу: ныне, когда жизнь окончательно сломила меня, когда удачи перестали сопутствовать мне, я вдруг вспомнил о девушках минувших дней, тщательно сравнил себя с каждой из них и пришел к выводу, что их взгляды и поступки намного возвышеннее моих собственных, а мои пышные брови и усы, право же, не стоят их шпилек и юбок. Мне стало чрезвычайно стыдно от этого, но раскаиваться было бесполезно – время ушло, теперь уж ничего не исправишь! И тогда мне захотелось рассказать Поднебесной о тех днях, когда, пользуясь милостями неба и добродетелями предков, я носил дорогие парчовые халаты и белые шелковые штаны, сладко пил и сытно ел, а потом, презрев родительские наставления и советы учителей и друзей, без пользы загубил свои, еще не развившиеся таланты и бесцельно прожил вторую половину жизни, совершив тем самым тягчайшее преступление.

Пусть сам я грешен – сознаюсь в этом, – но при чем здесь обитательницы женских покоев? Ведь не должны они оставаться в безвестности только потому, что я когда-то был непутевым, а теперь пожелал бы умолчать о своих прежних недостатках!

Да, именно поэтому я и должен писать. Ни жесткий плетеный стул, ни дымный очаг в моей убогой лачуге не могут помешать мне осуществить заветную мечту. Да и утренний ветерок и вечерняя луна, ивы у крыльца и цветы во дворе вызывают во мне желание взяться за кисть. Правда, я не отличаюсь большой ученостью, но разве я не могу воспользоваться вымышленными фразами и простыми деревенскими выражениями для того, чтобы излить свою душу?! Это поможет осветить жизнь женских покоев, развеять скуку и открыть глаза таким людям, как я сам. Не должен ли я написать книгу хотя бы ради этого? Вот почему своего второго героя я назвал Цзя Юй-цунь³.

Кроме того, в книге употребляются такие слова, как «сон», «грезы»⁴, – в них-то и заключается основная идея повествования. Я хотел бы, чтобы читатель задумался над этими словами.

Дорогой читатель, ты спросишь – с чего же начинается мой рассказ? Хотя ответ на этот вопрос граничит с вымыслом, в нем есть много интересного.

Это случилось в незапамятные времена, когда богиня Нюй-ва у подножия скалы Уцзияй в горах Дахуаншань выплавил тридцать шесть тысяч пятьсот один камень высотой в двенадцать чжанов⁵ и по двадцать четыре чжана в длину и ширину, чтобы заделать пролом в небосводе. Но употребила она лишь тридцать шесть тысяч пятьсот камней; неиспользованным остался один камень, который был брошен у подножия хребта Цингэн.

Кто бы мог подумать, что этот камень, пройдя переплавку, обретет чудесные свойства? Он научился передвигаться, увеличиваться и уменьшаться в размерах, и только одно не давало

---

² Чжэнь Ши-инь по-китайски звучит так же, как слова «скрывать подлинные события», но имеет отличное написание.

³ Имя Цзя Юй-цунь звучит так же, как слова «вымышленные фразы», но имеет другое написание.

⁴ «Сон», «грезы» – так буддисты называли земную жизнь человека.

⁵ Чжан – мера длины, равная 3,2 метра.

ему покоя и заставляло вечно роптать на свою судьбу: он не вошел в число избранных, которым выпала доля участвовать в починке небосвода. Целые дни он скорбел и страдал.

Однажды в момент отчаяния чудесный камень неожиданно увидел двух приближающихся к нему монахов, – одного буддийского, другого даосского, с необычной внешностью и манерами. Они подошли к подножию хребта Цингэн, опустились на землю и стали беседовать. Взгляд их упал на этот кристально чистый камень, который сейчас сжался и стал не больше яшмовой подвески к вееру. Буддийский монах взял камень, взвесил его на ладони и с улыбкой сказал:

– Судя по внешнему виду, ты не простой камень. Только пользы от тебя никакой нет. Надо выгравировать на твоей поверхности несколько иероглифов, чтобы кто-нибудь, увидев тебя, понял, что перед ним чудесная вещь, и унес тебя в прекрасную цветущую страну, в семью ученых, носящих кисти на шапках, в приют наслаждений и роскоши, богатства и неги, чтобы там прошел твой период грез и снов.

Услышав это, камень обрадовался и спросил:

– Не представляю себе, какие вы можете выгравировать на мне иероглифы? Куда меня унесут? Объясните мне, прошу вас.

– Пока ни о чем не спрашивай, – ответил буддийский монах, – настанет время, и все само собой прояснится.

Он взмахнул рукавом и унесся как вихрь вместе с даосом.

Много лет и много калп⁶ минуло с тех пор. Однажды монах Кун-кун, стремившийся постигнуть истину и стать бессмертным, проходил мимо скалы Уцзияй у подножия хребта Цингэн в горах Дахуаншань и увидел камень. На его поверхности он заметил отчетливо выступавшие следы иероглифов.

Оказалось, это был тот самый камень, которому не выпало счастье участвовать в починке небосвода и который был принесен в этот бренный мир учителем Ман-маном и праведником Мяо-мяо и брошен здесь, у подножия скалы. На нем было записано, где ему суждено появиться на свет из материнской утробы, перечислялись мелкие семейные события, говорилось о том, как он будет проводить время в женских покоях, приводились стихи и загадки, которыми он будет увлекаться, и только годы и название династии стерлись бесследно. И в самом конце записи была начертана гата, гласившая:

Сочтя непригодным, не им залатали
лазурного неба пролом.
Случилось попасть ему в мир этот бренный
на многие годы потом.
Здесь есть и дела до рождения в мире
и бывшие после кончины,
Но кто же составил по записям этим
чудесную повесть о нем?⁷

Прочитав написанное, даос Кун-кун понял, что у этого камня необыкновенное происхождение, и обратился к нему:

– Брат-камень, ты считаешь, что история твоя замечательна, поэтому она выгравирована на тебе, и ты хочешь, чтобы люди в бренном мире передавали ее из поколения в поколение. Но, мне кажется, в ней есть некоторые упущения: не обозначены даты, ничего не говорится

---

⁶ *Калпа* – буддийский термин. В понимании буддистов развитие мира происходило путем чередования периодов расцвета и упадка. Калпой назывался период времени от расцвета до упадка мира.

⁷ Здесь и дальше стихи в переводе Л. Н. Меньшикова печатаются по изданию 1997 года с учетом последних поправок переводчика.

о добродетельных правителях, мудро правивших государством и совершенствовавших нравы своих подданных. Здесь упоминается лишь о нескольких милых и умных либо глупых и ни на что не способных девушках, и если я даже перепишу эту историю, из нее все равно невозможно создать интересную, увлекательную книгу.

– Почему у вас такое предвзятое мнение? – решительно возразил ему камень. – Правда, во всех без исключения неофициальных историях принято говорить о знаменитых красавицах времен династий Хань и Тан⁸, а на мне, не в пример установившимся правилам, записано лишь то, что мне самому пришлось пережить, но я все же считаю, что это свежо и оригинально. К тому же авторы всех неофициальных историй клеветают на государей и их сановников либо на чужих жен и дочерей, а что касается интриг и злодеяний, описанных в этих книгах, то они вообще не поддаются исчислению. Мало того, есть еще один род книг, которые прославляют мерзость и разврат, распространяют грязь и зловоние и могут легко испортить молодое поколение. Если же говорить о книгах, посвященных талантливым людям и известным красавицам, то здесь

Вэнь-цзюнь появляется в каждой строке,
Цзы-цзяня увидишь на каждой странице.
На тысячу песен один лишь мотив,
У сотни героев похожие лица.

К тому же в этих сочинениях тоже не обходится без описания случаев безудержного разврата. Сами авторы способны написать к этим произведениям лишь одно-два любовных стихотворения или несколько од легкого содержания, в которых встречается два имени – мужское и женское, – да еще имя какого-нибудь подлого человечка, который ссорит героев, подобно театральному шуту. Но еще более отвратителен в таких книгах язык и старый литературный стиль, которым описываются самые невероятные события, не соответствующие действительности и противоречащие друг другу! И наконец, о героях. Я не смею утверждать, что девушки, которых я сам видел, лучше героинь произведений древности, но все же, читая во всех подробностях их жизнеописания, можно будет разогнать скуку и рассеять тоску. Ну а что касается несуразных стихов, то не в них главное, пусть над ними посмеются. Ведь все они говорят о радостях встреч, о горестях разлуки, о возвышениях и падениях, отражают действительные события, и я не смел прибегать в них к вымыслу, чтобы не отступить от истины. Мне хочется лишь одного – пусть люди, которые просыпаются после тяжелого опьянения или бегут от мира, прочтут мою повесть ради развлечения: может быть, это поможет им сберечь силы и здоровье и они перестанут думать о пустом и гоняться за призрачным. Вы согласны с моими рассуждениями, учитель?

Даос долго размышлял, потом еще раз перечитал запись, сделанную на камне, и, заметив, что в ней главным образом говорится о чувствах, правдиво излагаются факты и нет ничего такого, что могло бы испортить современные нравы и посеять разврат, переписал всю историю от начала до конца, чтобы поведать миру и передать потомкам эту удивительную повесть.

С этих пор Кун-кун увидел в небытии форму, из формы родились чувства, чувства вновь обрели форму, а форма опять обратилась в небытие. Познав сущность небытия, Кун-кун переименовал свое имя на Цин-сэн – Монах, познавший чувства, а «Записи на камне» назвал «Записками Цин-сэна».

Еще прошло время, и Кун Мэй-ци из Восточного Лу дал повести название «Драгоценное зеркало любви». Потом рукопись попала на «террасу Скорби по ушедшему счастью», где ее десять раз читал и пять раз исправлял Цао Сюэ-цин. Он выделил в ней главы и разделы,

⁸ Хань – династия, правившая Китаем с 206 г. до н. э. по 220 г. н. э. Тан – династия, правившая с 618 по 907 г. н. э.

составил оглавление и дал новое название – «История двенадцати головных шпилек из Цзинь-лина», и все остальные названия сразу отпали. Так и появились на свет «Записи на камне».

В стихах, сложенных по этому поводу, говорится:

Хотя бумага
вся в словах невнятных,
Но горечь слез
в себе таит она.
Все люди скажут:
бестолковый автор, —
Но кто поймет,
чем грудь его полна?

Таким образом, происхождение «Записей на камне» вам уже известно. Остается выяснить: о ком и о чем рассказывается в ней?

Слушай же, читатель! В записи, сделанной на камне, сказано:

В те времена, когда земля обрушилась на юго-восточной стороне Поднебесной, там находился город Гусу, один из кварталов которого назывался Чанмынь. Здесь царили роскошь и разврат. За городскими воротами находился поселок Шилигай, и там в переулке Жэньцинсян стоял древний храм. Место это было довольно тесное, и жители называли храм – Хулумяо, то есть храм Тыквы-горлянки.

Неподалеку от храма жил отставной чиновник Чжэнь Фэй, известный также под именем – Чжэнь Ши-инь. Его жена, урожденная Фын, слыла умной и добродетельной женщиной и хорошо разбиралась в том, что такое этикет и долг. Правда, семья Чжэнь Ши-иня не отличалась особым богатством, но здешние жители считали ее знатной.

Сам Чжэнь Ши-инь был человек тихий и флегматичный. Он не стремился ни к подвигам, ни к славе, вел жизнь праведника и находил удовольствие лишь в том, что ухаживал за цветами, сажал бамбук, пил вино да читал нараспев стихи. И только одного ему не хватало: прожил он более пятидесяти лет, а сыновей у него не было – одна лишь трехлетняя дочка по имени Ин-лянь.

Однажды в знойный летний день Чжэнь Ши-инь сидел в своем кабинете с книгой в руках. Утомившись, он отбросил книгу, облокотился о столик и задремал. Неожиданно ему почудилось, что все вокруг заволгло туманом и он оказался в незнакомом месте. Откуда-то сбоку появились два монаха – буддийский и даосский. Они шли, разговаривая между собой.

– Куда ты собираешься идти с этой вещицей? – слышит он, как спрашивает даосский монах у буддийского.

– Не беспокойся, – отвечает тот. – Скоро должно быть вынесено решение по делу развратников и прелюбодеев. Люди эти еще не родились на свет, и я, воспользовавшись случаем, подсуну эту вещицу – пусть и она идет в мир.

– Я знаю, что прелюбодеев ждет земное перевоплощение, – промолвил даосский монах, – но скажи мне, откуда они явились? В какие края попадут?

– Это забавная история, – ответил буддийский монах. – Камень этот скитается по свету лишь потому, что в свое время богиня Нюй-ва не использовала его. Однажды он явился к бессмертной фее Цзин-хуань. Зная о его происхождении, та оставила его у себя во дворце Алой зари и дала ему имя «Хрустально-блещущего служителя дворца Алой зари». Здесь ему часто приходилось гулять по западному берегу реки Душ – Линхэ, где на самом краю прибрежного обрыва он увидел среди «Камней трех жизней» траву бессмертия – «Пурпурную жемчужину», прелестную и милую. День за днем он орошал ее сладкой росой, и только благодаря этому травка смогла прожить долгие годы и месяцы. Вобрав в себя все лучшее, что могут дать Небо

и Земля, эта травка, окропленная сладкой росой, покинула свою растительную оболочку и, воплотившись в девичье тело, целыми днями бродит за пределами той небесной сферы, где не существует ненависти, вкушает «плоды сокровенного чувства», пьет «вливающую печаль воду». Но она бесконечно скорбит, что до сих пор еще не смогла отблагодарить камень за ту влагу, которую он когда-то дал ей. Она часто восклицает: «Он осыпал меня милостями, орошая дождем и росой, а мне нечем вернуть ему эту влагу. Если он явится в бренный мир в человеческом образе, я вместе с ним пройду период грез и отдам ему слезы всей моей жизни!» И вот сейчас собрали множество прелюбодеев, чтобы послать их в бренный мир. Травка бессмертия тоже находится среди них. Поскольку и этому камню суждено переродиться в человека, я взял его на суд бессмертной феи Цзин-хуань – пусть она запишет его в свою книгу и пошлет на землю, чтобы с этим делом раз и навсегда покончить.

– Право смешно: мне никогда не приходилось слышать, чтобы за благодеяние платили слезами! – заметил даос. – Может быть, спуститься в мир и помочь некоторым из этих людей освободиться от бремени земного существования? Разве мы не совершим тем самым доброе дело?

– Именно так думал и я, – сказал буддийский монах. – Только давай сначала отправимся во дворец феи Цзин-хуань и выясним, с кем связана судьба этого несчастного. А потом, когда души прелюбодеев снизойдут в бренный мир, спустимся вместе с ними. Пока перевоплотилась только половина из них, а остальные еще не явились на землю.

– Если так, я согласен, – заключил даос.

Услышав все это, Чжэнь Ши-инь не выдержал и подошел к монахам. Поздоровавшись с ними, он сказал:

– Разрешите побеспокоить вас, святые отцы!

– Пожалуйста, пожалуйста, – проговорил буддийский монах, торопливо отвечая на приветствие.

– Я только что слышал вашу беседу о судьбах прелюбодеев и о возмездии, ожидающем их, – проговорил Чжэнь Ши-инь. – Такие суждения редко удается услышать в мире смертных, и я, человек невежественный, не понял их до конца. Если вы окажетесь столь любезны и согласитесь просветить меня в моей тупости, я готов промыть себе уши и самым внимательным образом выслушать вас. Может быть, мне удастся познать истину и в свое время избежать гибели.

– Здесь кроется небесная тайна, – с улыбкой отвечали оба бессмертных, – и мы не имеем права преждевременно разглашать ее. Не забывай нас, и когда придет твое время, мы поможем тебе спастись из пекла.

Чжэнь Ши-инь внимательно слушал, но, так как расспрашивать больше было неудобно, он улыбнулся и произнес:

– Конечно, небесные тайны разглашать нельзя. Но мне послышалось, будто вы в своем разговоре упомянули слово «несчастный». Нельзя ли узнать, о ком шла речь?

– Ах вот оно что! Ты спрашиваешь об этой вещице! – проговорил буддийский монах. – В ней заключена лишь половина всей истории.

С этими словами он вынул яшму и протянул ее Чжэнь Ши-иню.

Чжэнь Ши-инь осмотрел ее со всех сторон – это оказался кусок чистейшей драгоценной яшмы, на котором сохранились четкие следы иероглифов «Тунлинбаоюй» – «Драгоценная яшма, в которую вселилась душа». На обратной стороне яшмы тоже имелась надпись, но когда Чжэнь Ши-инь собрался прочесть ее, буддийский монах отнял у него камень со словами:

– Мы уже подошли к границе мира грез!

Он взял под руку даоса и увел его под каменную арку, на которой висела надпись: «Область Небесных грез».

По обе стороны арки висела вертикальная парная надпись:

Когда за правду ложь сочтут,
тогда и правда – ложь;
там, где ничто есть бытие,
и бытие – ничто.

Чжэнь Ши-инь хотел пройти через арку вместе с монахами, но тут раздался удар грома – будто рухнули горы и разверзлась земля.

Громко вскрикнув, Чжэнь Ши-инь проснулся. В окне сияло ослепительное солнце, на ветру мерно раскачивались густо растущие бананы. Все, виденное только что во сне, он почти забыл.

Потом пред ним предстала кормилица с Ин-лянь на руках. И как-то вдруг сразу Чжэнь Ши-иню бросилось в глаза, что девочка день ото дня становится умнее и смысленнее и хорошеет, как яшма, которую все время полируют. Он протянул руки, взял дочку и вместе с нею отправился посмотреть на уличную сутолоку. Возвращаясь домой, он заметил, что к нему направляются два монаха: один буддийский и один даосский. Они приближались, оживленно беседуя и жестикулируя. Буддийский монах с коростой на голове был босой, у даоса были включены волосы, и он заметно хромал.

Увидев Чжэнь Ши-иня с Ин-лянь на руках, буддийский монах вдруг запричитал и обратился к Чжэнь Ши-иню:

– Благодетель, зачем ты несешь на руках это несчастное создание, которое навлечет беду на своих родителей?

Чжэнь Ши-инь решил, что монах сумасшедший, и даже не обратил на него внимания.

Тогда буддийский монах воскликнул:

– Поддай несчастному! Пожалей!

Чжэнь Ши-инь разозлился. Прижав к себе Ин-лянь, он повернулся и хотел уйти. Но буддийский монах, указывая на него пальцем, расхохотался и прочел четверостишие:

Смеюсь над глупостью того,
кто дочку так лелеет!
Не может лилия цвести,
коль снег шумит над нею⁹.
Смотри же – в праздник Юань-сяо¹⁰,
когда промчится ночь,
Рассвет погасит все огни
и дым от них развеет.

Когда Чжэнь Ши-инь услышал эти слова, в душу его закралось подозрение. Он хотел обратиться к буддийскому монаху, но тут даос сказал:

– Нам незачем идти вместе. Давай расстанемся здесь и будем зарабатывать на пропитание отдельно друг от друга. Через три калпы я буду ждать тебя у подножия Бэйманшаня. Оттуда мы отправимся в «Область Небесных грез», чтобы вычеркнуть запись из реестров бессмертной феи Цзин-хуань.

– Прекрасно! – ответил буддийский монах.

С этими словами они разошлись.

---

⁹ Под «лилией» подразумевается Ин-лянь, под «снегом» подразумевается Сюэ Пань, один из персонажей, который появится в дальнейших главах романа.

¹⁰ Праздник фонарей Юань-сяо приходится на 15-е число первой луны по старому (лунному) календарю. В эту ночь китайцы украшают свои жилища разноцветными фонарями, а днем на улицах устраиваются праздничные шествия с изображениями дракона.

«Наверное, они явились неспроста, – подумал Чжэнь Ши-инь. – Нужно было расспросить их. Но теперь все равно уже поздно!»

И как раз в тот момент, когда Чжэнь Ши-инь шел, погруженный в размышления, ему повстречался ученый-конфуцианец, живший по соседству в храме Хулумяо. Звали этого человека Цзя Хуа, а прозвище у него было Ши-фэй. Кроме того, он был известен под именем Цзя Юй-цунь. Он направлялся навстречу Чжэнь Ши-иню.

Цзя Юй-цунь происходил из образованной чиновничьей семьи округа Хучжоу. Появился он на свет в то время, когда их семья переживала период упадка и состояние, нажитое его предками, почти полностью иссякло. Остальные члены семьи либо отправились в иной мир, либо разбрелись по свету, и Цзя Юй-цунь оказался один-одинешенек. На родине оставаться больше не было никакого смысла, и Цзя Юй-цунь отправился в столицу, надеясь выдержать экзамены и поправить дела своей семьи. Сюда он попал два года назад и задержался, найдя приют в храме. На жизнь себе он зарабатывал тем, что переписывал и составлял деловые бумаги. Чжэнь Ши-инь часто сталкивался с ним.

Завидев Чжэнь Ши-иня, Цзя Юй-цунь поздоровался с ним и спросил:

– Что это вы, почтенный, стоите, прислонившись к воротам, и так внимательно смотрите на улицу? Что-нибудь случилось?

– Нет, – с улыбкой отвечал Чжэнь Ши-инь. – Дочка заплакала, и я решил выйти ее развлечь. А вообще – скучно. Как хорошо, что вы пришли, брат Цзя Юй-цунь! Заходите, пожалуйста, скоротаем вместе этот бесконечный день!

Он передал девочку на попечение служанки, взял Цзя Юй-цуня под руку и направился в кабинет.

Мальчик-слуга подал чай. Но едва завязалась беседа, как кто-то из домочадцев прибежал к Чжэнь Ши-иню с вестью:

– Пришел почтенный господин Янь и желает справиться о вашем здоровье.

– Простите, – вскакивая с места, проговорил Чжэнь Ши-инь, обращаясь к собеседнику, – я вас на некоторое время покину.

– Как вам будет угодно, почтенный друг, – ответил Цзя Юй-цунь, тоже подымаясь. – Ведь я у вас частый гость – что за беда, если придется немного подождать?!

Чжэнь Ши-инь вышел из кабинета и отправился в гостиную.

Оставшись в одиночестве, Цзя Юй-цунь от нечего делать взял книгу стихов и стал ее перелистывать. Нождаанно под окном послышался кашель. Цзя Юй-цунь встал и выглянул наружу – оказалось, это служанка рвала возле дома цветы. Красавицей ее назвать нельзя было, но изящные манеры, тонкие брови и чистые глаза привлекали внимание и вызывали волнение.

Пораженный Цзя Юй-цунь, сам того не замечая, стал пристально следить за каждым ее шагом. А девушка, собрав букет, намеревалась уходить. Случайно подняв голову, она заметила в окне человека в старой одежде, с потрепанной повязкой на голове. С первого взгляда можно было определить, что он беден, но дородная плотная фигура, широкий лоб, большой резко очерченный рот, густые, похожие на изогнутый нож, брови, прямой нос, округлые щеки и глаза, сияющие, как звезды, выдавали в нем человека необыкновенного.

Девушка быстро повернулась и убежала, думая про себя: «Какой представительный с виду, а одет в лохмотья! У нас в семье как будто нет бедных родственников и друзей. Должно быть, это тот самый Цзя Юй-цунь, о котором все время говорит хозяин. И наверное, он прав, когда утверждает, что Цзя Юй-цунь «не такой человек, которому придется долго жить, в нужде». Моему хозяину давно хочется помочь ему деньгами, но все не представляется случая!»

Она невольно обернулась еще раз. Цзя Юй-цунь заметил это и решил, что понравился девушке.

«Эта девушка, – подумал он, – совсем необычная и, пожалуй, могла бы стать верной подругой среди жизненных треволений».

Такая мысль доставила Цзя Юй-цуню необыкновенную радость.

Потом вошел мальчик-слуга, от которого Цзя Юй-цунь узнал, что гость остался ужинать. Дальше ждать было бесполезно, и Цзя Юй-цунь незаметно удалился через боковую калитку.

Вскоре Чжэнь Ши-инь распрощался с гостем и вернулся в кабинет. Узнав об уходе Цзя Юй-цуня, он не пошел за ним.

Наступил праздник середины осени¹¹. Когда окончилось семейное торжество, Чжэнь Ши-инь распорядился приготовить угощение у себя в кабинете, а вечером сам отправился в храм, чтобы пригласить Цзя Юй-цуня.

Между тем Цзя Юй-цунь, увидевший в доме Чжэнь Ши-иня служанку, все время вспоминал о ней, мысленно называя ее подругой жизни. И вот сейчас, в праздник середины осени, он не выдержал и, обратив свой взор к луне, сочинил стихотворение:

Мог ли я думать:
всей жизни моей устремленье
Душу все больше
мою наполняет тоской.
Грусть появилась,
виски мои туго стянула;
Ты же ушла,
оглянувшись и раз и другой.
Тень промелькнула,
летевшая быстро как ветер;
Кто же подругой
может мне стать под луной?
Свет этот лунный,
как будто желая ответить,
Прежде всего
засиял над твоей головой!

Прочитав стихи, Цзя Юй-цунь вдруг вспомнил, к чему он стремился в жизни, вспомнил то время, когда ему еще не приходилось сталкиваться с лишениями, и, почесав затылок, снова обратился к небу и со вздохом прочитал двестише:

Нефрит в шкатулку заключен,
ждет, кто его оценит;
Заколка в ларчик заперта,
взлететь она готова.

В это время к Цзя Юй-цуню незаметно подошел Чжэнь Ши-инь и, услышав стихи, с улыбкой сказал:

– А у вас и в самом деле необыкновенные устремления, брат Юй-цунь!

– Что вы! – поспешно возразил Цзя Юй-цунь. – Я просто произнес стихи, написанные нашими предками. Почему вы меня так расхваливаете? – и затем спросил у Чжэнь Ши-иня: – Что привело вас сюда, почтенный друг?

– Сегодня ночью – праздник середины осени, или, как говорят в народе, «праздник полной луны», – улыбаясь, проговорил Чжэнь Ши-инь. – Живя в храме, вы, наверное, скучаете,

---

¹¹ Праздник середины осени приходится на 15-е число восьмого месяца по старому (лунному) календарю.

уважаемый брат, поэтому я приготовил угощение и приглашаю вас в свое убогое жилище. Осмелюсь спросить, не согласитесь ли вы отведать моего скромного угощения?

Цзя Юй-цунь не стал уклоняться от приглашения и с улыбкой сказал:

– Я удостоился такой милости незаслуженно – как же я посмею отказываться?

Они оба отправились в кабинет. Там они выпили чаю, потом перед ними поставили кубки и блюда. Нечего и говорить о том, какие были поданы великолепные вина и изысканные яства.

Друзья не торопясь выпили вина. Беседа постепенно оживилась, и они стали все чаще поднимать кубки. В соседних домах тоже веселились, повсюду слышались звуки свирелей, флейт и дудок, во всех дворах играли и пели.

И вот на небосклон всплыла ослепительно-яркая луна и застыла в радужном сиянии. При лунном свете беседа друзей потекла еще веселее и непринужденнее, они не переставая осушали свои кубки. Вскоре Цзя Юй-цунь был пьян. Охваченный безумным весельем, он обратился к луне и произнес такие стихи:

За новолунием пятнадцатый день —
время для полной луны.
Снова перила из яшмы в садах
чистым сияньем полны.
Диск округлившийся только один
миру с небес засиял;
Подняли взоры сто тысяч людей,
светом его пленены.

– Великолепно! – вскричал Чжэнь Ши-инь, выслушав друга. – Я всегда говорил, что вы, брат мой, не из тех людей, которые долгое время остаются ниже других! Стихи, которые вы только что продекламировали, настолько хороши, что я склонен считать их добрым предзнаменованием. Я уверен, что в скором времени вы вознесетесь в заоблачные выси. Заранее поздравляю вас!

Цзя Юй-цунь осушил кубок, наполненный Чжэнь Ши-инем, но потом вдруг вздохнул и произнес:

– Не подумайте, что я болтаю спяна! По знаниям я вполне мог бы вписать свое имя в число экзаменуемых в столице! Но, к сожалению, на переписке бумаг не скопишь столько денег, чтобы приобрести все необходимое для поездки в столицу и оплатить дорожные расходы.

– Почему, брат мой, вы не сказали мне об этом раньше? – перебил его Чжэнь Ши-инь. – Я давно хотел вам помочь, но при встрече мне ни разу не удавалось завести об этом речь. Признаюсь, я человек бездарный, но знаю, что такое «справедливость» и «благодетель». В будущем году состоятся большие экзамены¹², и вам надо поскорее попасть в столицу. Лишь в том случае, если вы добьетесь успеха, учение не пропадет даром. Все дорожные расходы я беру на себя – может быть, хоть этим я немного оправдаю свое знакомство с вами, которого я не достоин.

Он тотчас же приказал мальчику-слуге упаковать две пары зимней одежды и пятьдесят лян серебра, а затем добавил:

– Девятнадцатого числа счастливый день, и вы можете нанять лодку и отправиться на запад. Разве для меня не будет великой радостью, если вы возвыситесь и мы с вами встретимся на будущую зиму?!

---

¹² Имеются в виду государственные экзамены на чиновничью должность, проводившиеся в столице один раз в три года.

Приняв деньги и одежду, Цзя Юй-цунь только сдержанно поблагодарил и продолжал пить вино, беседовать и смеяться.

Оба друга расстались лишь после третьей стражи¹³. Чжэнь Ши-инь сразу лег спать и проснулся, когда солнце уже высоко стояло над землей.

Подумав о том, что произошло накануне вечером, Чжэнь Ши-инь решил написать в столицу два рекомендательных письма, чтобы Цзя Юй-цунь мог навестить одного служилого человека и временно остановиться у него. Однако посланный за Цзя Юй-цунем слуга вскоре возвратился и доложил:

– Монах сказал мне, что господин Цзя Юй-цунь на рассвете во время пятой стражи отправился в столицу и велел передать вам: «Ученый человек не верит в счастливые или несчастные дни. Для него главное – суть дела. Не имею времени проститься с вами лично».

Чжэнь Ши-иню пришлось удовольствоваться этим ответом.

Время летело незаметно, и вот наступил праздник фонарей. Чжэнь Ши-инь велел служанке Хо-ци взять Ин-лянь и пойти на улицу полюбоваться новогодними фонарями. В полночь служанке захотелось сходить по малой нужде. Она посадила Ин-лянь на пороге какого-то дома, а сама отошла. Вернувшись, она хотела взять Ин-лянь на руки и тут обнаружила, что девочка исчезла.

Долго искала она девочку, но так и не нашла. Наступил рассвет. Не смея возвратиться к хозяевам, Хо-ци скрылась.

Чжэнь Ши-иня и его жену очень обеспокоило, что служанка с их дочерью долго не возвращается, и они послали людей на поиски. Но те вскоре возвратились и сообщили, что не обнаружили никаких следов пропавшей.

Можно представить себе горе родителей, у которых пропало единственное дитя! Дни и ночи плакали они и совершенно перестали заботиться о себе. Через месяц заболел Чжэнь Ши-инь. Госпожа Чжэнь тоже почувствовала себя плохо, каждый день приглашала лекаря да занималась гаданием о судьбе.

Случилось так, что в пятнадцатый день третьего месяца в храме Хулумяо совершалось жертвоприношение; монах по неосторожности опрокинул светильник, и от него загорелась бумага в окне¹⁴. Может быть, так распорядилась судьба, но во всяком случае, во всех домах были деревянные стены и бамбуковые ограды, и пожар быстро охватил всю улицу. На помощь подоспели солдаты, но спасти ничего не удалось. Пожар бушевал всю ночь, в огне погибло множество людей.

Чжэнь Ши-инь жил рядом с храмом, и дом его превратился в груду пепла; только жена его да несколько домашних благодаря счастливой случайности не пострадали. Взволнованный и расстроенный Чжэнь Ши-инь, спотыкаясь, бродил вокруг пожарища и горестно вздыхал.

Потом он посоветовался с женой и решил перебраться на жительство в деревню. Но, как назло, в последние годы был неурожай, да еще появились разбойники. Хотя их вылавливали правительственные войска, в деревне было неспокойно. Пришлось себе в убыток продать все имущество и вместе с женой и двумя служанками переехать к тестю.

Тестя Чжэнь Ши-иня звали Фын Су. Он был уроженцем округа Дажучжоу и хотя занимался только земледелием, все же жил богато. Теперь, когда зять оказался в затруднительном положении и явился к нему, старик почувствовал неудовольствие. К счастью, у Чжэнь Ши-иня были деньги, вырученные от продажи имущества, и он попросил Фын Су на собственное усмотрение купить для него дом и немного земли, чтобы можно было кое-как одеваться и кор-

---

¹³ В старом Китае ночное время делилось на отрезки времени продолжительностью в два часа, которые назывались стражей. Стража наступала с 7 часов вечера. Таким образом, третья стража приходилась на отрезок времени с 11 часов вечера до 1 часа ночи.

¹⁴ В Китае окна обычно заклеивались плотной бумагой, заменявшей стекло.

миться. Однако Фын Су обманул зятя – он утаил часть денег, а Чжэнь Ши-иню купил участок земли похуже и полуразвалившийся домишко.

Чжэнь Ши-инь был человек образованный, он не привык заниматься хозяйством, и потому через два года совсем обеднел. Правда, Фын Су обращался с ним вежливо, но за глаза любил позлословить, что, мол, зять его не умеет жить, ленится работать, а любит лишь вкусно поесть да сладко попить.

Чжэнь Ши-иню становилось неприятно, когда он узнавал о таких разговорах. К тому же в памяти его еще были живы картины минувших лет. Посудите сами, каково человеку, дожившему до преклонного возраста, выдерживать один за другим безжалостные удары судьбы?

Сам того не желая, Чжэнь Ши-инь стал время от времени подумывать о смерти. Однажды, опираясь на костыль, он вышел на улицу, чтобы немного рассеяться, и увидел безумного даосского монаха в лохмотьях и грубых матерчатых туфлях, который приближался к нему и бормотал:

Понятна любому отшельника святость,
любого отшельник влечет.
Однако мечта о почете и славе
никак у людей не пройдет.
Вельмож и воителей было немало —
куда же девались они?
Курган утопает в бурьяне высоком,
коль время их жизни пройдет.

Понятна любому отшельника святость,
любого отшельник влечет.
Да только мечта о богатстве несметном
никак у людей не пройдет.
Всю жизнь человека одно занимает:
что мало богатства ему.
Накопит богатство, закроются очи,
и все за мгновенье пройдет.

Понятна любому отшельника святость,
любого отшельник влечет.
Да только мечта о соблазнах красавиц
никак у людей не пройдет.
Красавица вас каждый день уверяет,
что вам благодарна она.
Но вот вы умрете, другой подвернется,
и страсть ее разом пройдет.

Понятна любому отшельника святость,
любого отшельник влечет.
Да только забота о детях и внуках
никак у людей не пройдет.
Мы знаем родителей, сердцем скорбящих,
и ныне и в древние дни,
А будешь искать благодарных потомков,
и жизнь твоя даром пройдет.

Приблизившись к монаху, Чжэнь Ши-инь спросил:

– Что это вы такое говорите, я только слышу «влечет» да «пройдет»?

– Если вы слышали слова «влечет» и «пройдет», значит вы все поняли! – засмеялся даос. – Ведь вам же известно, что «влечет» все то, что «пройдет», а «пройдет» все то, что «влечет», не «пройдет» все то, что не «влечет», и не «влечет» то, что не «пройдет». Поэтому моя песенка и называется «О том, что влечет и что пройдет».

Чжэнь Ши-инь был человек догадливый и, когда услышал слова монаха, улыбнулся и сказал:

– Постойте, разрешите мне дать толкование вашей песенке «О том, что влечет и что пройдет»!

– Что же, пожалуйста, толкуйте! – сказал монах.

Чжэнь Ши-инь прочитал:

В брошенных ныне пустынных покаях
Столики прежде
    табличек гостей не вмещали;
Желтые травы под ивой сухою
Скрыли то место,
    где пели и где танцевали.
Здесь паутину густую паук
    сплел по резным потолкам;
Бедные окна шелками зелеными
    ныне украсились там.
Густо румяна лежат,
Пудра струит аромат, —
Но почему-то седеют виски,
    инеем белым блестят.
Только вчера над костями насыпан
    холмик могильный из желтой земли;
Ныне ж под шелковым пологом красным
    в брачную ночь молодые легли.
Золотом полон сундук,
Полон сундук серебром, —
Станешь ты нищим в мгновение ока,
    люди злословят кругом.
Ныне вздыхаешь, что краткую жизнь
    прожил другой человек, —
Можешь ли знать, что, придя с похорон,
    сам ты окончишь свой век?
Все наставленья на свете
Часто не могут помочь – и тиранами
    вскоре становятся дети.
Тонкие яства вкушая,
Кто ожидает, что жизнь он окончит,
    в грязных притонах скитаясь?
Те презирали
    шапки ничтожных по чину, —
Нынче за это

в шейных колодках стоят!
Эти ходили
в рваной холодной одежде, —
Ныне ничто им
длинный вельможи халат.
Вся наша жизнь — суета:
Только окончишь ты песню свою, —
песня раздастся моя;
Земли, что были чужими вчера,
завтра — родные края.
Все наши хлопоты — вздор:
Мы ведь в конце-то концов
Людям другим — не себе —
К свадьбе готовим убор.

Даос радостно захлопал в ладоши и воскликнул:

— Разгадал, разгадал!

— Что ж, пошли! — произнес Чжэнь Ши-инь.

Он взял у даоса суму, перекинул ее через плечо и, не заходя домой, последовал за ним. Едва они скрылись из виду, как на улице поднялся переполох, люди из уст в уста передавали о случившемся.

Госпожа Чжэнь была совершенно убита известием об исчезновении мужа. Посоветовавшись с отцом, она отправила людей на поиски, но все было напрасно — посланные возвратились ни с чем. Делать было нечего — пришлось госпоже Чжэнь жить за счет родителей.

К счастью, при ней были две преданные служанки. Они помогали своей хозяйке вышивать, та продавала вышивки и, таким образом, частично возмещала расходы отца на ее содержание. Правда, Фын Су все время роптал, но, так как выхода никакого не было, вынужден был мириться с создавшимся положением.

Однажды служанка из семьи Чжэнь, покупая нитки у ворот дома, услышала на улице крики:

— Дорогу! Дорогу!

— Это едет наш новый начальник уезда! — говорили прохожие.

Девушка украдкой выглянула за ворота и увидела, как мимо нее беглым шагом прошли солдаты и служители ямыня, а за ними в большом паланкине пронесли чиновника в черной шапке и красном шелковом халате. У служанки подкосились ноги от страха, и в голове ее пронеслась мысль:

«Какое знакомое лицо у этого чиновника! Где я его видела?»

Девушка вернулась в дом и вскоре позабыла о случившемся. А вечером, когда все собирались спать, раздался страшный стук в ворота и гул множества голосов:

— Начальник уезда требует хозяина дома на допрос!

Фын Су онемел от испуга и только бессмысленно таращил глаза.

Если вы хотите знать, что произошло дальше, прочтите следующую главу.

Глава вторая, в которой говорится о том, как жена Линь Жу-хая, урожденная Цзя, умерла в городе Янчжоу и как Лэн Цзы-син рассказывал о дворце Жунго

Услышав крики, Фын Су вышел за ворота и с подобострастной улыбкой спросил, в чем дело.

– Подавай нам господина Чжэнь! – кричали люди.

– Моя фамилия Фын, а не Чжэнь, – робко улыбаясь, возразил Фын Су. – Правда, у меня был зять по фамилии Чжэнь, но вот уже два года, как он ушел из дому. Вы, может быть, о нем спрашиваете?

– Мы ничего не знаем! – отвечали служители ямыня. – Нам все равно – «Чжэнь» или «Цзя»¹⁵. Раз твоего зятя нет, мы тебя самого доставим к начальнику уезда.

Они схватили Фын Су и, грубо толкая его, удалились.

В доме Фын Су поднялся переполох, никто не знал, что случилось. И когда во время второй стражи Фын Су вернулся, домашние бросились к нему с расспросами.

– Оказывается, начальник уезда – старый друг моего зятя, – объяснил Фын Су. – Зовут его Цзя Юй-цунь. Увидев у ворот нашу служанку Цзяо-син, которая покупала нитки, он решил, что мой зять живет здесь, и прислал за ним. Когда я подробно изложил господину начальнику все обстоятельства дела, он тяжело вздохнул, затем спросил меня о внучке. Я ответил: «Внучка пропала в праздник фонарей». – «Ничего, погоди немного, – пообещал он мне. – Я pošлю людей, и они непременно ее разыщут». А когда я собрался уходить, он подарил мне два лян серебра.

Разговор этот расстроил госпожу Чжэнь, и за весь вечер она не проронила ни слова.

На следующее утро посланцы Цзя Юй-цуня принесли госпоже Чжэнь два лян серебра, четыре куса узорчатого атласа, а Фын Су вручили запечатанное письмо, в котором содержалась просьба начальника уезда, чтобы он уговорил госпожу Чжэнь отдать ему в наложницы служанку Цзяо-син.

Фын Су расплылся в счастливой улыбке. Ему так хотелось угодить начальнику уезда, что он тут же на все лады принялся уговаривать свою дочь, и в тот же вечер в небольшом паланкине отправил Цзяо-син в ямынь. На радостях Цзя Юй-цунь прислал в подарок Фын Су еще сто лян серебра и щедро одарил госпожу Чжэнь, чтобы она могла безбедно существовать в ожидании, пока отыщется ее дочь.

Цзяо-син была той самой служанкой, которая когда-то оглядывалась на Цзя Юй-цуня в саду Чжэнь Ши-иня. Взгляд, украдкой брошенный на Цзя Юй-цуня, принес девушке счастье. Трудно и представить себе более удивительное стечение обстоятельств!

Но мало того – судьба оказалась вдвойне благосклонной к ней: не прошло и года, как она родила сына, а еще через полгода умерла от болезни законная жена Цзя Юй-цуня, и Цзяо-син сделалась полновластной хозяйкой в доме. Вот уж поистине:

Она оглянулась
один-единственный раз —
И вдруг оказалась
возвышенной над людьми.

---

¹⁵ «Чжэнь», «цзя» – игра слов. «Чжэнь» – значит истинный, «цзя» – ложный.

А произошло все это так: Цзя Юй-цунь взял деньги, данные ему Чжэнь Ши-инем на дорогу, и шестнадцатого числа отправился в столицу; там он блестяще выдержал экзамены, благодаря чему получил степень цзиньши¹⁶, попал в число кандидатов на вакантные должности вне столицы и сейчас был назначен начальником этого уезда.

Цзя Юй-цунь обладал незаурядными способностями, но был корыстолюбив, завистлив и жесток. Возгордившись своими талантами, он вел себя надменно, и сослуживцы всегда смотрели на него искоса. Таким образом, уже через год высшее начальство подало императору доклад о том, что Цзя Юй-цунь лишь «с виду способен, душою – коварен и хитер». Поэтому одного обвинения, что он связался с деревенскими шэньши¹⁷, потворствовал мелким взяточникам и казнокрадам, оказалось достаточным, чтобы император разгневался и повелел снять его с должности. Когда пришел приказ из ведомства, чиновники всего уезда открыто обрадовались. Цзя Юй-цунь, конечно, был удручен и пристыжен, но не выразил ни малейшего недовольства – шутил и смеялся как ни в чем не бывало.

Сдав служебные дела, он собрал накопленные за год деньги, отправил их вместе с семьей и со всеми домочадцами на родину, а сам, как говорится, оставшись с ветром в мешке да с луной в рукаве, пустился странствовать по прославленным историческим местам Поднебесной.

Попав однажды в Вэйян, Цзя Юй-цунь прослышал, что сборщиком соляного налога в этой местности в нынешнем году назначен Линь Жу-хай, уроженец города Гусу.

Линь Жу-хай значился третьим в списках победителей на предыдущих экзаменах и ныне возвысился до положения дафу Орхидеевых террас¹⁸. Получив указ императора о назначении на должность сборщика соляного налога, он недавно прибыл к месту службы.

Когда-то предок Линь Жу-хая в пятом колене получил титул лехоу¹⁹. Первоначально титул был пожалован с правом наследования в течение трех поколений. Но так как ныне правящий император славится своими добродетелями, он милостиво распорядился продлить привилегии еще на одно поколение – до отца Линь Жу-хая включительно, а Линь Жу-хай и его потомки должны были уже добиваться звания на государственных экзаменах.

Линь Жу-хай был выходцем из служилой семьи, члены которой могли наследовать должности, не сдавая экзаменов. Но тем не менее семья его относилась к числу образованных. К сожалению, род Линь был немногочислен, и хотя он насчитывал еще несколько семей, все их члены приходились отдаленными родственниками Линь Жу-хаю и не имели с ним прямого кровного родства.

Линь Жу-хаю было пятьдесят лет. Его единственный сын в прошлом году умер трех лет от роду. Кроме законной жены, у Линь Жу-хая было несколько наложниц, но судьба не послала ему сыновей – и тут уж ничего поделать было невозможно. Одна лишь законная жена, урожденная Цзя, родила ему дочь, которой дали имя Дай-юй. Сейчас ей исполнилось пять лет, и супруги берегли ее как зеницу ока.

Линь Дай-юй была умной и способной девочкой, и родители, не имея прямого наследника, решили учить ее грамоте и воспитывать так, как воспитывали бы сына, пытаясь тем самым хоть немного скрасить свое одиночество.

Между тем Цзя Юй-цунь, живя в гостинице, простудился и заболел. Оправившись от болезни, он решил во избежание лишних расходов где-нибудь на время пристроиться, чтобы, как говорится, можно было снять с плеч ношу. Случайно ему повстречались два старых друга,

¹⁶ Цзиньши – ученая степень в старом Китае, дававшая право на занятие чиновничьей должности.

¹⁷ Шэньши – деревенские богачи, составлявшие господствующую прослойку в старой китайской деревне.

¹⁸ Дафу Орхидеевых террас – литературное обозначение цензора.

¹⁹ Лехоу – княжеский титул второй степени в феодальном Китае.

которые были знакомы со сборщиком соляного налога. Они знали, что Линь Жу-хай собирается пригласить учителя для своей дочери, и рекомендовали ему для этой цели Цзя Юй-цуня.

Ученица была еще мала, слаба здоровьем, и для занятий время твердо не устанавливалось. С нею вместе учились лишь две девочки-служанки. Таким образом, Цзя Юй-цуню не приходилось особенно утруждать себя, и вскоре он поправился.

Цзя Юй-цунь не успел оглянуться, как снова пролетел год. И тут случилось несчастье – мать ученицы, госпожа Цзя, заболела и вскоре умерла.

Дай-юй ухаживала за матерью во время болезни, подавала ей лекарства, а после ее смерти строго соблюдала траур. Она слишком много плакала и убивалась, а так как от природы была слабой и хилой, вскрылась ее старая болезнь, и она долгое время не могла посещать занятия.

Цзя Юй-цунь, скучавший от безделья, в ясные солнечные дни после обеда отправлялся гулять. Однажды, желая насладиться живописным деревенским пейзажем, он вышел за город и, бродя без цели, очутился в незнакомом месте. Вокруг высились крутые поросшие лесом горы, в ущелье бурлила река, берега которой поросли густым бамбуком, а немного поодаль, среди зелени, виднелся древний буддийский храм. Ворота его покосились, со стен обвалилась штукатурка, но над входом сохранилась горизонтальная надпись: «Кумирня, где постигают мудрость». По обе стороны ворот видны были две старые, полустертые надписи, которые гласили:

Кто после себя оставляет богатство,
о нем и в гробу вспоминает;
Кто перед собой не увидит дороги,
вернуться назад помышляет.

Прочитав надпись, Цзя Юй-цунь задумался: «Слова как будто самые простые, но в них скрыт глубочайший смысл. Я обошел много знаменитых гор, бывал в монастырях, но нигде не встречал подобного изречения. Наверное, здесь есть человек, познавший истину. Может быть, зайти?»

Цзя Юй-цунь вошел в храм и увидел дряхлого монаха, варившего рис. Он не обратил внимания на преклонный возраст монаха, подошел к нему и задал вопрос, затем другой, но монах оказался глухим и невежественным, вдобавок у него давно выпали зубы, язык едва ворочался, и в ответ на вопросы Цзя Юй-цуня он шамкал что-то, но совсем не то, о чем его спрашивали.

Цзя Юй-цунь потерял терпение и вышел из храма с намерением зайти в сельский трактир и выпить кубка три вина, надеясь, что оно поднимет его интерес к здешним живописным местам.

Переступив порог трактира, Цзя Юй-цунь заметил нескольких посетителей, сидевших за столиками. Вдруг один из них встал, громко рассмеялся и с распростертыми объятиями бросился к Цзя Юй-цуню, восклицая:

– Вот так удивительная встреча! Вот так встреча!

Цзя Юй-цунь внимательно присмотрелся и узнал Лэн Цзы-сина, торговца антикварными изделиями, с которым он давно познакомился в столице.

Цзя Юй-цунь всегда восхищался энергией и способностями Лэн Цзы-сина, а тот в свою очередь часто пользовался услугами Цзя Юй-цуня, благодаря чему они крепко сдружились.

– Когда вы сюда прибыли, мой почтенный брат? – заулыбавшись, спросил Цзя Юй-цунь. – Я и не предполагал встретиться с вами! Право, нас свела судьба!

– В конце прошлого года я приехал домой, – объяснил Лэн Цзы-син. – Сейчас мне пришлось возвращаться в столицу. По пути я завернул к старому другу, и он задержал меня на два дня у себя. Кстати, у меня нет срочных дел, и я могу тронуться в путь в середине месяца! Но сегодня мой друг занят, и я от нечего делать забрел сюда. И вот неожиданная встреча!

Он предложил Цзя Юй-цуню место на циновке, заказал вина и закусок, потом они сели и принялись рассказывать друг другу о том, что им пришлось пережить после того, как они расстались.

– Вы получали какие-нибудь новости из столицы? – спросил Цзя Юй-цунь.

– Пожалуй, никаких, – ответил Лэн Цзы-син. – Только вот в семье вашего уважаемого родственника произошел довольно странный случай.

– У меня в столице нет никаких родственников, – улыбнулся Цзя Юй-цунь. – К чему вы это сказали?

– У вас одна и та же фамилия, и разве это не означает, что вы принадлежите к одному роду? – спросил Лэн Цзы-син.

– Какому роду?

– Роду Цзя из дворца Жунго, – ответил Лэн Цзы-син. – Неужто вы считаете для себя зазорным иметь такую родню?

– Так вот вы о ком! – воскликнул Цзя Юй-цунь. – Если так рассуждать, то в нашем роду действительно людей немало. Еще при Цзя Фу, жившем во времена Восточной Хань²⁰, появилось множество отпрысков рода Цзя, которые расселились по всем провинциям, так что доподлинно невозможно установить, кто кому и каким родственником приходится. Что касается рода Жунго, то мы с ним действительно принадлежим к одной родословной ветви. Однако род Жунго настолько прославился, что нам стало неудобно заявлять о своем родстве с ним, вот почему между нами возникло отчуждение.

– Зря вы так говорите, почтенный учитель! – вздохнул Лэн Цзы-син. – Нынешнее положение домов Жунго и Нинго не сравнить с прежним – во всем там чувствуется упадок и запустение.

– Но ведь еще недавно во дворцах Жунго и Нинго была уйма народу! – удивился Цзя Юй-цунь. – О каком запустении идет речь?

– Право же, это длинная история, – сказал Лэн Цзы-син.

Цзя Юй-цунь продолжал:

– В прошлом году я проезжал через Цзиньлин. Намереваясь осмотреть исторические памятники эпохи Шести династий²¹, я побывал в Шитоучэне, и мне довелось проходить мимо этих дворцов. Они расположены совсем рядом и занимают добрую половину улицы, дворец Нинго находится на ее восточной стороне, дворец Жунго – на западной. У главных ворот действительно было пусто и безлюдно. Я заглянул внутрь через наружную каменную ограду: там высились залы и гостиные, башни и палаты, а за ними в саду все так же пышно зеленели густые деревья, громоздились искусственные каменные горки. Ничто не напоминало семью, пришедшую в упадок.

Лэн Цзы-син усмехнулся:

– Сразу видно, что вы добиваетесь всего только трудом! Поэтому ничего и не поняли! Ведь древние говорили, что «сороконожка и после смерти не падает». Правда, живут эти семьи сейчас не так роскошно, как в прежние годы, но намного лучше, чем простые служилые люди. Ныне у них с каждым днем становится все многочисленнее, усложняется хозяйство, господа и слуги наслаждаются покоем и богатством, и никто из них не думает о хозяйственных делах и не заботится о том, чтобы жить поскромнее. Спесь все еще не сошла с них, но карман уже давно пуст. Да это все пустяки, есть кое-что поважнее: в такой приличной и знатной семье, где каждое приглашение к столу торжественно возвещается ударами гонга, нынешнее молодое поколение – сыновья и внуки – все более и более деградирует.

---

²⁰ Восточная Хань – династия, правившая с 25 по 220 г.

²¹ Шесть династий – период в истории Китая с III по VI в.

– Неужели в таких порядочных семьях столь пренебрежительно относятся к воспитанию детей? – усомнился Цзя Юй-цунь. – Я не могу ничего сказать о других ветвях рода Цзя, но мне всегда казалось, что семьи Нинго и Жунго в этом отношении могут служить примером. И как они дошли до такого положения?

– А речь идет именно об этих двух семьях, – вздохнул Лэн Цзы-син. – Сейчас я вам все расскажу. Нинго-гун²² и Жунго-гун были единоутробными братьями. Старший, Нинго-гун, имел двух сыновей. После смерти Нинго-гуна должность перешла по наследству к старшему сыну – Цзя Дай-хуа, у которого тоже было двое сыновей. Старшего из них звали Цзя Фу, и умер он в возрасте восьми-девяти лет. В живых остался только второй сын – Цзя Цзин, который и унаследовал титул и должность отца. Ныне он увлекся учением даосов, плавит киноварь, прокаливает ртуть, пытается найти эликсир бессмертия, и больше ничем в мире не интересуется. Счастье еще, что у него в молодости родился сын – Цзя Чжэнь, и Цзя Цзин, которым овладела единственная мечта – сделаться бессмертным, передал ему свою должность, а сам свел знакомства с какими-то даосами, не желает жить дома и все время проводит за городом. Цзя Чжэнь имеет сына – Цзя Жуна, которому в нынешнем году минуло шестнадцать лет. Цзя Цзин совершенно не интересуется делами, а Цзя Чжэню заниматься ими недосуг, ибо у него на уме одни лишь развлечения, он перевернул вверх дном дворец Нинго, и никто не смеет его одернуть. А теперь послушайте о дворце Жунго: именно здесь произошла та странная история, о которой я только что упомянул. После смерти Жунго-гуна должность его по наследству перешла к старшему сыну Цзя Дай-шаню, который в свое время женился на девушке из знатного цзиньлинского рода Ши-хоу. Она родила ему двух сыновей, старшего из которых зовут Цзя Шэ, а младшего – Цзя Чжэн. Цзя Дай-шаня уже давно нет в живых, и его жена живет вдовой. Должность унаследовал старший сын Цзя Шэ. Это человек весьма посредственный, хозяйственными делами он совсем не занимается. И только брат его – Цзя Чжэн – с самого детства отличался честностью и прямоотой, любил науки, и дед, не чаявший в нем души, хотел, чтобы он сдал государственные экзамены и получил должность. Будучи уже на смертном одре, Цзя Дай-шань написал прошение императору, и государь, всегда благосклонно относившийся к своему преданному слуге, повелел ему передать титул и должность старшему сыну, а всех остальных сыновей немедленно представить ему. Благодаря этому Цзя Чжэн получил тогда должность делопроизводителя. Ныне он возвысился до положения внештатного лана²³. Его жена – урожденная Ван – родила ему сына Цзя Чжу, который в возрасте четырнадцати лет поступил в школу и вскоре женился: у него родился мальчик, а сам он заболел и умер, не дожив даже до двадцати лет. Затем госпожа Ван родила дочь, которая появилась на свет в первый день Нового года, что само по себе уже очень удивительно. Прошло еще более десяти лет, и вдруг у нее опять рождается сын. И самое удивительное то, что едва мальчик вышел из материнского чрева, как во рту у него обнаружили кусок яшмы, сверкавшей всеми цветами радуги, и на поверхности ее сохранились следы иероглифов! Ну скажите, разве это не новость?

– В самом деле, удивительно, – улыбнулся Цзя Юй-цунь. – Пожалуй, у этого мальчика необыкновенная история.

– Так все говорят, – усмехнулся Лэн Цзы-син, – потому и бабушка его любит. Когда мальчику исполнился год, господин Цзя Чжэн решил испытать его наклонности. Он разложил перед ним самые разнообразные предметы, чтобы посмотреть, к чему сын потянется. Но неожиданно для него мальчик протянул ручонки, схватил белила, румяна, шпильки и кольца и начал ими играть. Это очень не понравилось господину Цзя Чжэну, он сказал, что сын будет увлекаться только вином и женщинами. И с тех пор отец невзлюбил его. Только бабушка без ума от внука. Но вот что поразительно: сейчас ему десять лет, и хотя он избалован, однако умен и развит

²² Гун – титул знатности I степени в феодальном Китае.

²³ Лан – звание чиновников в высших государственных учреждениях в старом Китае.

не по годам – едва ли найдется один такой на сотню детей его возраста! И рассуждения у него странные. «Женщины, – говорит он, – созданы из воды, мужчины – из грязи. При виде женщин меня охватывают радость и блаженство, а когда я вижу мужчин, от их зловония меня тошнит». Не смешно ли это? Наверное, из него выйдет отчаянный повеса!

– Не совсем так, – произнес Цзя Юй-цунь, и лицо его приняло суровое выражение. – Мне очень жаль, что вы не понимаете истории происхождения этого мальчика! Мне кажется, что господин Цзя Чжэн в одном из своих прежних воплощений был ошибочно принят за развратника. Но все это может понять только тот, кто прочел много книг и не щадил своих сил, стремясь постигнуть сущность вещей, познать истину и осмыслить первопричины жизни.

Серьезный тон Цзя Юй-цуна заставил Лэн Цзы-сина насторожиться, и он попросил своего собеседника разъяснить ему смысл всего вышесказанного.

– Небо и Земля рожают людей, – сказал ему Цзя Юй-цунь, – но все они мало чем разнятся друг от друга, если, конечно, не принимать в расчет людей великой гуманности и великих злодеев. Люди гуманные рождаются по предопределению доброй судьбы, а злодеи – по велению злого рока. Первые являются в мир, чтобы установить в нем порядок, вторые – чтобы принести ему бедствия и невзгоды. Яо, Шунь, Юй, Чэн Тан, Вэнь-ван, У-ван, Чжоу-гун, Шао-гун, Кун-цзы, Мын-цзы, Дун Чжун-шу, Хань Юй, Чжоу Дунь-и, Чэн Хао, Чжу Си, Чжан Цзай – родились по предопределению судьбы: Чи-ю, Гун-гун, Цзе-ван, Чжоу-ван, Цинь Ши-хуан, Ван Ман, Цао Цао, Хуань Вэнь, Ань Лу-шань, Цинь Куай – явились в мир по велению рока. Люди великой гуманности приводили Поднебесную в порядок, а великие злодеи сеяли в ней смуту. Чистота и разум – проявление доброго начала Вселенной – свойственны людям гуманным. Жестокость и коварство – проявление злого начала Вселенной – свойственны злодеям. Ныне, когда наступили дни великого счастья и благоденствия, мира и спокойствия, дух чистоты и разума властвует безраздельно повсюду, начиная от императорского дворца и кончая самыми глухими уголками страны. Накопившись в избытке, он обильно растекается вокруг, превращается в сладкую росу и ласковый ветерок, которые окропляют и овевают весь мир. Сейчас, когда сияет яркое солнце, дух зла и коварства не может распространяться в воздухе, он сгущается и заполняет глубокие рвы и расселины. Подавляемый ветром и облаками, он стремится вырваться на свободу хотя бы тонкой, как шелковинка, струйкой. Дух чистоты и разума не допускает зла и коварства, а зло и коварство всегда стремятся нанести вред чистоте и разуму. Эти две силы не могут уничтожить друг друга, они борются друг с другом подобно ветру и воде, грому и молнии. Вырвавшись в небольшом количестве на свободу, дух зла проявляется в людях, и если рождаются мужчины или женщины, в которых он успел вселиться, то они не могут стать ни людьми гуманными, ни великими злодеями. Но сопоставьте их с другими, и вы убедитесь, что по уму и способностям они окажутся выше, а по лживости и коварству ниже миллионов простых людей. Рожденные в знатных и богатых домах, они в большинстве случаев становятся развратниками; рожденные в образованных, но обедневших семьях, делают отшельниками и приобретают известность; родившись даже в несчастной обездоленной семье, они становятся либо выдающимися актерами, либо знаменитыми гетерами, но никогда не доходят до того, чтобы стать рассыльными или слугами и добровольно подчиняться и угождать какому-нибудь пошлому, тупому обывателю. В древние времена к таким людям относились Сюй Ю, Тао Цянь, Юань Цзи, Цзи Кан, Лю Лин, Ван Дань-чжи и Се Ань, Гу Ху-тоу, Чэньский Хоу-чжу, Танский Мин-хуан, Сунский Хуэй-цзун, Лю Тин-чжи, Вэнь Фэй-цин, Ми Нань-гун, Ши Мань-цин, Лю Ци-цин, Цинь Шао-ю, а также Ни Юнь-линь, Тан Бо-ху, Чжу Чжи-шань, Ли Гуй-нянь, Хуан Фань-чо, Цзин Синь-мо, Чжо Вэнь-цзюнь, Хун Фу, Сюэ Тао, Цуй Ин, Чао Юнь. Все эти люди из разных мест, но подчиняются общему правилу.

– По-вашему выходит, что удача делает князем, а неудача – разбойником? – спросил Лэн Цзы-син.

– Именно это я имею в виду, – подтвердил Цзя Юй-цунь. – Ведь вам неизвестно, что после того, как меня сняли с должности, я в течение двух лет странствовал по разным провинциям и видел множество детей. Но в конечном счете всех их можно разделить на две категории, о которых я только что упоминал. Когда вы заговорили о Бао-юе, я почти угадал в нем такого человека. Можно привести еще пример. Вам знаком господин Чжэнь, который живет в Цзиньлине и занимает должность начальника провинциальной палаты Благотворительности?

– Кто его не знает?! – воскликнул Лэн Цзы-син. – Семья Чжэнь состоит в родстве с семьей Цзя и очень тесно с нею связана. Даже мне не раз приходилось иметь с ними дела.

Цзя Юй-цунь улыбнулся и продолжал:

– Так вот, в прошлом году, когда я был в Цзиньлине, меня рекомендовали учителем в семью Чжэнь. Я поступил туда, и оказалось, что в этой богатой и знатной семье, несмотря на роскошь, царят весьма строгие нравы, и более подходящего места мне было не сыскать. Правда, с этим учеником, только начинавшим учиться грамоте, заниматься было намного труднее, чем с человеком, уже выдержавшим экзамены. Забавнее всего было то, что он всегда говорил: «Пусть со мной вместе занимаются две девочки – только тогда я смогу запомнить иероглифы и понять ваши объяснения, иначе я навсегда останусь глупым и неученым». Кроме того, он часто поучал сопровождавших его слуг: «Слово „девочка“ – самое чистое и святое. Перед девочками я испытываю больше благоговения, чем перед сказочными животными и редкими птицами, чудесными цветами и необыкновенными травами. И вам, сквернословам, я запрещаю без надобности произносить это слово. Запомните! Но если без этого слова вы обойтись не можете, прежде чем произнести его, прополощите рот чистой водой или ароматным чаем! Я выбью зубы и выколю глаза каждому, кто осмелится нарушить мое приказание». Все виды жестокости и бесчеловечности сочетались в нем, но стоило ему вернуться с занятий и увидеть девочек, как облик его совершенно менялся, он становился ласковым и покорным, остроумным и изящным. За это отец несколько раз до полусмерти избивал его палкой, но так ничего и не добился. Лишь всякий раз, когда боль становилась невыносимой, мальчик начинал кричать: «сестрицы», «сестрички». Девочки над ним насмехались: «Почему это, когда тебя бьют, ты все кричишь „сестрицы“ да „сестрички“? Может быть, думаешь, что мы станем просить, чтобы тебя пощадили? Как тебе не стыдно?» Отвечал он совершенно изумительно: «Всякий раз, когда мне особенно больно, стоит только воскликнуть „сестрицы“, „сестрички“, как мне кажется, что становится легче: вот я и обрел тайное средство – когда боль невыносима, я начинаю звать „сестричек“. Ну разве не смешно? Однако бабушка до безумия любит внука и после каждого наказания бранила меня, как учителя, и порицала сына. Поэтому мне и пришлось отказаться от места. Подобные дети не умеют хранить наследия предков и не поддаются увещаниям своих учителей и друзей. Мне только жаль, что у этого мальчика сестры, каких редко встретишь на свете!

– В семье Цзя тоже есть три чудесные девушки, – заметил Лэн Цзы-син. – Старшая дочь господина Цзя Чжэна, по имени Юань-чунь, за мудрость и благочестие, добродетели и таланты взята в императорский дворец. Вторая барышня, по имени Ин-чунь – дочь господина Цзя Шэ и его наложницы, третья барышня, по имени Тань-чунь, родилась от наложницы господина Цзя Чжэна; а четвертая барышня, имя которой Си-чунь, приходится родной сестренкой господину Цзя Чжэню из дворца Нинго. Старая госпожа Цзя очень любит своих внучек, они у нее в доме живут и учатся, и, как я слышал, это неплохие девочки.

– В семье Чжэнь существует странный обычай, – вставил Цзя Юй-цунь. – Там все имена девочкам дают по тем же правилам, что и мальчикам, и не пользуются такими пышными словами, как «Чунь» – «Весна», «Хун» – «Красный», «Сян» – «Благоухание», «Юй» – «Яшма». Не пойму, как попал такой банальный обычай в семью Цзя!

– Вы не совсем правы, – возразил Лэн Цзы-син. – Старшая барышня родилась в первый день Нового года, с которого начинается весна, поэтому ее и называли Юань-чунь – Начало

весны, а потом и в именах остальных дочерей стало встречаться слово «чунь». На других членов семьи этот обычай не распространяется. Приведу вам доказательство: ведь жену вашего хозяина господина Линя – родную сестру гунов Цзя Шэ и Цзя Чжэна – дома звали Цзя Минь. Если сомневаетесь, вернитесь домой и справьтесь!

– Совершенно верно! – воскликнул Цзя Юй-цунь, всплеснув руками. – Мою ученицу зовут Дай-юй. Я замечал, что иероглиф «минь» она произносит как «ми», а при написании сокращает его на одну-две черты, и меня всякий раз охватывало недоумение. Теперь, когда я услышал ваш рассказ, все сомнения разрешились. Сейчас меня не удивляет, что речь и манеры у моей ученицы совсем не такие, как у других девочек! Я давно предполагал, что мать ее из знатного рода, иначе у нее не могла бы родиться такая дочь. Раз она принадлежит к роду Жунго, то тут все ясно. Жаль только, что мать ее в прошлом месяце скончалась.

– Ведь это была самая младшая из трех сестер старшего поколения, – сокрушенно вздохнул Лэн Цзы-син. – И та умерла. Интересно, кому достанутся в жены сестры младшего поколения?

– Да, интересно, – согласился Цзя Юй-цунь. – Но если не считать сына господина Цзя Чжэна, что родился с яшмой во рту, а также его малолетнего внука, есть ли у них еще мальчики? Есть ли хоть один сын у Цзя Шэ?

– После Бао-юя наложница господина Цзя Чжэна родила ему еще одного сына, – проговорил Лэн Цзы-син, – но я о нем ничего сказать не могу. Таким образом, пока у господина Цзя Чжэна два сына и один внук, а что будет дальше, судить невозможно. Что же касается Цзя Шэ, то у него тоже есть сын по имени Цзя Лянь. Сейчас ему двадцать лет, и вот уже четыре года, как он женат на Ван Си-фын – племяннице жены господина Цзя Чжэна. Этот Цзя Лянь купил себе должность, но служебными делами не интересуется, живет в доме господина Цзя Чжэна и помогает ему по хозяйству. А когда он женился, все в доме от мала до велика стали восхищаться его женой, и Цзя Ляню пришлось уступить ей первенство. Жена его красива, бойка на язык, ловка и находчива – даже среди мужчин редко встречаются такие.

– Вот это еще раз подтверждает, что я не ошибся, – улыбнулся Цзя Юй-цунь, выслушав Лэн Цзы-сина. – Я уверен, что люди, о которых мы только что говорили, явились в мир либо как носители духа «добра», либо как носители духа «зла».

– Пусть добрые будут добрыми, а злые – злыми, – произнес Лэн Цзы-син, – не нам об этом судить. Давайте лучше выпьем по чашке вина!

– Я уже осушил несколько чашек, пока мы беседовали, – ответил Цзя Юй-цунь.

– Ничуть не сомневаюсь, – засмеялся Лэн Цзы-син. – Когда болтаешь о чужих делах, вино пьется особенно легко. Но что мешает выпить еще?

– Уже поздно, как бы не заперли городские ворота, – проговорил Цзя Юй-цунь, взглянув на окно. – Пойдемте вместе в город и дорогой продолжим разговор.

Оба встали и рассчитались за вино. Но едва они собрались уходить, как позади услышали возглас:

– Брат Цзя Юй-цунь, поздравляю. Я пришел сообщить тебе радостную весть.

Цзя Юй-цунь обернулся... Если вас интересует, кого он увидел, прочтите третью главу.

Глава третья, в которой речь пойдет о том, как Линь Жу-хай через своего шурина пристроил учителя и как матушка Цзя жалела свою осиротевшую внучку

Обернувшись, Цзя Юй-цунь увидел, что перед ним стоит не кто иной, как Чжан Жу-гуи – его бывший сослуживец, который одновременно с ним был снят с должности. Уроженец этой местности, Чжан Жу-гуи жил сейчас дома. Недавно он узнал, что в столице утверждено ходатайство о восстановлении в должности всех уволенных чиновников, и, случайно встретившись с Цзя Юй-цунем, поспешил высказать ему свою радость.

Они поздоровались, и Чжан Жу-гуи рассказал Цзя Юй-цуню все, что ему было известно. Обрадованный Цзя Юй-цунь, поболтав с ним, поспешил распрощаться, ибо ему не терпелось поскорее вернуться домой.

Лэн Цзы-син, слышавший весь их разговор, тотчас же посоветовал Цзя Юй-цуню попросить Линь Жу-хая, чтобы тот разрешил ему отправиться в столицу и дал рекомендательное письмо к Цзя Чжэну.

Цзя Юй-цунь прибежал домой и, схватив правительственный вестник, удостоверился, что Чжан Жу-гуи был прав.

На следующий день он отправился к Линь Жу-хаю, чтобы посоветоваться с ним.

– Счастливое совпадение, – сказал Линь Жу-хай. – Моя жена недавно покинула мир, и теща, которая живет в столице, обеспокоенная судьбой моей дочери, прислала за ней лодку. Девочка еще не совсем поправилась и пока живет у меня, но в ближайшее время я намереваюсь отправить ее в столицу. Удостоившись ваших наставлений, я до сих пор не имел возможности вас отблагодарить. Неужели я теперь не окажу вам услугу?! Откровенно говоря, все это я обдумал давно и заготовил рекомендательное письмо для вас к моему шурину. Если только он сумеет вам помочь, я буду рад, что исполнил свой долг. О расходах вам незачем беспокоиться – я сообщил о них в письме к шурину.

Цзя Юй-цунь низко поклонился, и слова благодарности долго не сходили с его уст.

– Нельзя ли мне узнать, какой пост занимает ваш высокий родственник? – поинтересовался он. – А то, пожалуй, при своей грубости я не осмелюсь ему представиться!

– Уж если говорить о моем родственнике, то он принадлежит к той же семье, что и вы, почтенный брат, – улыбнулся Линь Жу-хай, – ведь он внук Жунго-гуна. Старший брат моей жены имеет звание полководца первого класса, – его зовут Цзя Шэ, по прозвищу Энь-хоу. Второй брат жены – Цзя Чжэн, по прозвищу Цунь-чжоу, занимает должность внештатного лана в ведомстве работ. Он скромн и добр, не в пример другим богатым бездельникам, и по характеру во многом напоминает деда. Только поэтому я осмеливаюсь побеспокоить его своей просьбой. Если бы я этого не сделал, я запятнал бы себя и оскорбил вас.

Теперь Цзя Юй-цунь окончательно убедился, что Лэн Цзы-син был прав, и снова поблагодарил Линь Жу-хая.

– Дочь моя уезжает во второй день следующего месяца, – сказал Линь Жу-хай. – Не хотите ли вы отправиться вместе с нею? Разве это не будет удобнее для вас?

Цзя Юй-цунь был доволен и кивал головой. Затем Линь Жу-хай занялся сборами в дорогу, а Цзя Юй-цунь только принимал все, что ему предлагали.

Ученице ни за что не хотелось покидать родной дом, но бабушка настоятельно требовала, чтобы она приехала, да и сам Линь Жу-хай убеждал дочь:

– Мне уже за пятьдесят, и снова жениться я не собираюсь. Ты еще мала, много болеешь, у тебя нет матери, которая занималась бы твоим воспитанием, и нет сестер, которые могли бы

за тобой ухаживать. А там возле тебя будет бабушка, двоюродные сестры, да и у меня хлопот станет меньше. Почему ты не хочешь ехать?

Выслушав отца, Линь Дай-юй в слезах поклонилась ему на прощание, вместе со своей кормилицей и несколькими пожилыми женщинами-служанками, присланными за нею из дворца Жунго, села в лодку, и они отправились в путь. Цзя Юй-цунь следовал за нею в отдельной лодке, в которой, кроме него, находилось еще двое мальчиков-слуг.

Прибыв в столицу, Цзя Юй-цунь первым делом привел в порядок парадную одежду и, захватив с собой визитную карточку, на которой значилось «родной племянник», в сопровождении слуги отправился к воротам дворца Жунго.

В это время Цзя Чжэн уже успел прочесть письмо зятя и немедленно приказал просить Цзя Юй-цуня.

Величественная внешность и изысканная речь Цзя Юй-цуня произвели на Цзя Чжэна благоприятное впечатление. Цзя Чжэн, во многих отношениях унаследовавший характер своего деда, больше всего уважал людей ученых, и даже с низшими по званию был вежлив и обходителен, стараясь помогать им в затруднительных случаях; к тому же Цзя Юй-цуня рекомендовал зять, поэтому Цзя Чжэн принял его с особенной любезностью и приложил все усилия, чтобы помочь ему. На первом же приеме у императора он добился восстановления Цзя Юй-цуня в должности. Не прошло и двух месяцев, как Цзя Юй-цунь получил назначение в область Интяньфу, попрощался с Цзя Чжэном и, выбрав счастливый для отъезда день, отбыл к месту службы. Но об этом мы здесь рассказывать не будем.

И вот Линь Дай-юй покинула лодку и сошла на берег, где ее ожидали паланкины и коляска для перевозки багажа, специально присланные за нею из дворца Жунго.

Мать часто рассказывала Дай-юй, что семья ее бабушки многим отличается от других семей. Теперь она сама убедилась, что сопровождающие ее служанки третьего класса едят и одеваются не как простые люди, и составила себе представление о той среде, в которую ей предстояло вступить. Ей казалось, что здесь нужно следить за каждым своим поступком, все время быть настороже, опасаться сделать лишний шаг или произнести лишнее слово, чтобы не вызвать насмешек.

Когда паланкин, в котором сидела Линь Дай-юй, вступил в город, она осторожно выглянула из-за шелковой занавески: на улице царила сутолока, сновали люди, по обе стороны громоздились жилые дома, – все совсем не так, как в других городах. Паланкин двигался довольно долго, как вдруг на северной стороне улицы девочка заметила двух каменных львов, присевших на задние лапы, и огромные с тремя пролетами ворота, украшенные головами диких зверей. У ворот в ряд сидело около десятка людей в роскошных головных уборах и дорогих одеждах. Над главными воротами на горизонтальной доске красовалась сделанная крупными иероглифами надпись: «Созданный по высочайшему повелению дворец Нинго».

«Вот и дом моего дедушки», – подумала Дай-юй.

Немного западнее стояли точно такие же большие ворота с тремя входами, но это уже был дворец Жунго. Вступили в него не через главный, а через западный боковой вход.

На расстоянии примерно одного полета стрелы от входа сделали поворот, паланкины остановились, и женщины-служанки вышли из них. Четыре слуги лет семнадцати-восемнадцати, в шапках и халатах, сменив старых носильщиков, понесли паланкин Линь Дай-юй дальше. Служанки последовали за ними пешком.

У вторых ворот паланкин опустили на землю, молодые слуги с достоинством удалились, а подросшие женщины раздвинули занавески и помогли Дай-юй выйти.

Опираясь на руки служанок, Дай-юй вступила во вторые ворота. В обе стороны от них уходили полукругом крытые галереи, прямо напротив высился проходной зал, перед входом в

который стоял мраморный экран²⁴ на ножках из сандалового дерева. Далее одна за другой следовали три небольшие приемные и затем большой двор перед главным строением. Прямо впереди расположился господский дом из пяти покоев с резными балками и расписными колоннами. По обе стороны от него раскинулись флигеля с террасами, на которых были развешаны клетки с попугаями и другими редкими птицами.

---

²⁴ *Мраморный экран* – щит, помещавшийся перед входом в дом для предохранения от злых духов, которые, согласно верованиям китайцев, могли двигаться только по прямой линии.

На ступенях крыльца сидело несколько молодых служанок в нарядных разноцветных халатах. Едва заметив вошедших, они бросились навстречу.

– Хорошо, что вы приехали, старая госпожа только что о вас вспоминала!

Три или четыре из них бросились к двери, чтобы поднять занавес, и одновременно чей-то голос возвестил:

– Барышня Линь Дай-юй!

Линь Дай-юй вошла в дом и сразу увидела старуху с белыми, как серебро, волосами, которая шла ей навстречу, поддерживаемая под руки служанками. Дай-юй поняла, что это и есть ее бабушка, хотела поклониться ей, но старуха торопливо удержала ее, заключила в объятия и со слезами на глазах воскликнула:

– О мое дорогое дитя!

Растроганные этой картиной, присутствующие тоже прослезились. Дай-юй не выдержала и заплакала. Все бросились ее утешать.

Наконец Дай-юй поклонилась бабушке, и та стала знакомить ее с родными.

– Это твоя старшая тетя, – сказала она. – Это – вторая тетя. А вот жена твоего покойного старшего двоюродного брата – госпожа Цзя Чжу.

Каждой из них Дай-юй в отдельности поклонилась, а матушка Цзя продолжала:

– Позовите сюда барышень! Сегодня к нам из дальних краев приехала гостья, и они могут не ходить на занятия.

Две служанки кивнули и вышли. Вскоре явились три барышни в сопровождении трех мамок и пяти или шести девушек-служанок: первая из барышень – полненькая, среднего роста, стройная, с немного приплюснутым носом и смуглыми, как плод личи, щеками, но в общем очень миловидная, держалась скромно и просто. Вторая – высокая, стройная, с узкими покатыми плечами, овальным, как утиное яйцо, лицом, с большими глазами и густыми бровями, казалось, обладала изысканными манерами и вела себя непринужденно, заставляя отбросить всякую мысль о чем-то пошлом или вульгарном. Что же касается третьей, то она была еще слишком мала. Шпильки и кольца, юбки и кофты у всех трех были одинаковы. Дай-юй встала, чтобы приветствовать их, и они представились друг другу.

Затем все снова сели, и служанки подали чай.

Разговор зашел о болезни матери Дай-юй, о лекарствах, которые она принимала, о ее похоронах. Матушка Цзя, разумеется, опять расстроилась и сказала Дай-юй:

– Из всех своих дочерей я больше всего любила твою мать. Ну как же мне печалиться, если она умерла раньше меня и в последний момент я даже не смогла ее видеть!

С этими словами она взяла Дай-юй за руку и разрыдалась. Насилу ее утешили.

Дай-юй была еще мала, но речь и манеры ее отличались изысканностью и утонченностью. По внешнему виду и некоторой вялости движений все поняли, что она нездорова. Посыпались вопросы:

– Какие ты принимаешь лекарства? Неужели до сих пор не выздоровела?

– Я всегда была такой, – отвечала Дай-юй. – С тех пор как я научилась есть, я все время пью лекарства. Какие только знаменитые врачи меня не осматривали! Но пользы никакой! Помню, когда мне было три года, приходил к нам один буддийский монах с коростой на голове. Он сказал, что меня надо отдать в монастырь. Но мои родители и слышать об этом не хотели. «Раз вы не в состоянии отказаться от нее, – сказал тот монах, – пожалуй, ей за всю жизнь не вылечиться. А если хотите, чтобы она поправилась, не позволяйте ей плакать, и пусть она не встречается ни с кем из родственников, кроме отца и матери, – только в этом случае она благополучно проживет жизнь». Монах этот, конечно, был сумасшедший, и никто не внял его речам. И сейчас я все время пью пилюли из женьшеня.

– Вот и хорошо, – вставила матушка Цзя, – у нас как раз готовят лекарства, и я велю заготовить побольше.

Едва она произнесла эти слова, как во дворе послышался смех и кто-то сказал:

– Как поздно я пришла! Не успела встретить дальнюю гостью!

«Здесь все так сдержанны, – подумала про себя Дай-юй, – кто же это осмелился вести себя так свободно и бесцеремонно?»

Тут из внутренних покоев в сопровождении нескольких молодых и старых служанок вышла какая-то красавица. Наряжена она была не так, как девушки: расшитые узорами одежды на ней сверкали, как у феи. Сложенные узлом волосы были перевиты нитями с жемчугом и заколоты шпильками в виде пяти жемчужных фениксов, обративших свои взоры к сияющему солнцу, на шее – ожерелье с подвесками в виде свернувшихся в клубок золотых драконов; на молодой женщине была узкая атласная кофта, вытканная золотыми бабочками; на фоне ярких цветов, поверх нее – накидка из темно-серого серебристого набивного шелка и креповая юбка с цветами по зеленому полю. Над треугольными, слегка раскосыми глазами изгибались брови, подобные листочкам ивы, свисавшим с ветки. Во всей фигуре женщины чувствовалась легкость и стремительность, густо напудренное лицо выглядело добродушно, и хотя алые губы были сжаты, на них играла улыбка.

Дай-юй поспешила подняться ей навстречу.

– Ты ее не знаешь? – спросила матушка Цзя. – Это наш знаменитый «перец» или «колючка», как говорят в Нанкине. Зови ее просто Фын-колючка.

Дай-юй растерялась, не зная, как назвать вошедшую, и сестры поторопились выручить ее из затруднительного положения.

– Это жена твоего второго двоюродного брата Цзя Ляня.

Дай-юй никогда не видела красавицу, но от матери часто слышала: «Сын твоего старшего дяди Цзя Шэ – по имени Цзя Лянь, женился на племяннице твоей второй тетки, урожденной Ван, которую с самого детства воспитывали, как воспитывают мальчиков, и ей дали школьное имя – Ван Си-фын».

Дай-юй тут же с улыбкой приветствовала молодую женщину и назвала ее «тетушкой».

Ван Си-фын взяла Дай-юй за руку, внимательно оглядела, потом посадила рядом с матушкой Цзя и сказала:

– Право же, бывают в Поднебесной люди с такой прекрасной внешностью! А я только сейчас впервые увидела! И вид у нее не такой, как у внучки по материнской линии, она похожа скорее на внучку по мужской линии. Неудивительно, что вы все время только и вспоминали о ней! Жаль, что моей сестричке не повезло: и почему ее матушка так рано умерла?

С этими словами она поднесла к глазам платочек и вытерла слезы.

– Я едва успокоилась, а ты пришла меня расстраивать, – упрекнула ее матушка Цзя. – Да и твоя сестрица только что с дороги! Она очень слаба здоровьем, ее тоже насилу утешили. Поговорила бы лучше о чем-нибудь другом!

Печаль Ван Си-фын мгновенно сменилась весельем, она засмеялась и сказала:

– И в самом деле! Как только я увидела сестрицу, мне стало и радостно и больно, и я совсем позабыла, что вы, бабушка, находитесь здесь. Ох и бить меня надо!

Она снова схватила Дай-юй за руку и как ни в чем не бывало спросила:

– Сколько тебе лет, сестричка? Ты, наверное, учишься? Какие пьешь лекарства? По дому не скучай! Если захочешь поесть или поиграть, скажи мне! Будешь недовольна служанками, жалуйся прямо мне!

Дай-юй кивала головой в знак согласия. Затем Ван Си-фын обратилась к служанкам и спросила:

– Внесли вещи барышни Линь Дай-юй? Сколько с нею приехало служанок? Подите сейчас же и приведите в порядок две комнаты, пусть они отдохнут.

Пока шел этот разговор, служанки внесли чай и фрукты, и Ван Си-фын пригласила всех к столу.

– Деньги слугам за этот месяц уже розданы? – спросила ее вторая тетка.

– Розданы, – ответила Ван Си-фын. – Мы со служанками только что ходили наверх искать тот самый атлас, о котором вчера говорила госпожа, но так и не нашли. Видимо, госпожа запмятовала.

– Какая важность – нашли или не нашли! – заметила госпожа Ван. – Возьми два любых куска на платье сестрице. Я вечером пришло за ними служанку.

– Я рассчитала заранее, – ответила Ван Си-фын, – зная, что сестрица приедет на днях, я все приготовила и немедленно пришло вам посмотреть.

Госпожа Ван улыбнулась, кивнула и больше ничего не сказала.

Служанки убрали со стола, и матушка Цзя приказала двум старым мамкам отвести Дай-юй повидаться с двумя дядями – братьями ее матери.

– Позвольте мне проводить племянницу, – промолвила жена Цзя Шэ – госпожа Син, вставая с циновки, – так, пожалуй, будет удобнее.

– Хорошо, – улыбнулась матушка Цзя. – Иди, чего зря сидеть!

Госпожа Син кивнула, взяла Дай-юй за руку и попрощалась с госпожой Ван. Их проводили до вторых ворот перед проходным залом.

Слуги подали крытую синим лаком коляску с зеленым верхом, госпожа Син и Дай-юй сели в нее, и служанки опустили занавески. Затем слуги вынесли коляску на более просторное место и впрягли в нее смиренного мула.

Выехав через западные боковые ворота, коляска с госпожой Син и Дай-юй направилась к главному восточному входу дворца Жунго, миновала окрашенные черным лаком большие ворота и подъехала ко вторым внутренним воротам.

Госпожа Син вышла из коляски и, взяв Дай-юй за руку, направилась во двор. Дай-юй показалось, что здесь находится сад дворца Жунго.

Они миновали трехъярусные ворота и увидели главный дом с маленькими изящными флигелями и террасами, совершенно непохожими на внушительные, величественные строения той части дворца Жунго, где жила матушка Цзя. Двор был усажен деревьями, среди которых то там, то сям высились живописные каменные горки.

Едва они переступили порог зала, как их встретила целая толпа наложниц и служанок в нарядных платьях с дорогими украшениями.

Госпожа Син предложила Дай-юй сесть и послала служанку в кабинет пригласить Цзя Шэ.

Служанка вскоре вернулась и доложила:

– Господин велел передать, что ему нездоровится и он не выйдет, так как боится, что если он увидит барышню, то они оба расстроятся. Он просит барышню не грустить, потому что у бабушки и у тети ей будет не хуже, чем дома. «Сестры ее, правда, глупы и невежественны, – сказал он, – но все же вместе с ними ей будет веселее. Может быть, она чем-нибудь будет недовольна, пусть не стесняется и говорит».

Дай-юй встала и несколько раз почтительно кивнула. Затем посидела еще немного и стала прощаться.

Госпожа Син настойчиво просила ее остаться покушать, но Дай-юй с улыбкой ответила ей:

– Вы так любезны, тетя, что отказываться неудобно. Но мне нужно еще пойти поклониться второму дяде, и если я опоздаю, это сочтут неуважением с моей стороны. Я побываю у вас в другой раз, а сейчас, надеюсь, вы меня простите.

– Что ж, ладно, – согласилась госпожа Син и приказала двум мамкам отвезти Дай-юй обратно в коляске. Она попрощалась с девочкой, проводила ее до ворот, дала еще несколько указаний слугам и, когда коляска отъехала, вернулась в дом.

Дай-юй возвратилась в ту часть дворца Жунго, откуда приехала, вышла из коляски и увидела перед собой мощеную аллею, начинавшуюся прямо от ворот. Мамки и няньки тотчас

окружили ее, повели в восточном направлении через проходной зал, растянувшийся с востока на запад, и у ритуальных ворот перед входом во двор остановились. Дай-юй снова увидела величественные строения, флигеля и сводчатые двери, но непохожие на те, которые она видела до сих пор. Только сейчас она поняла, что это и есть женские покои.

Когда Дай-юй подходила к залу, в глаза ей бросилась доска с девятью золотыми драконами по черному полю, на которой было написано: «Зал счастья и благоденствия». А под ними строка мелких иероглифов: «Такого-то года, месяца и числа сей автограф пожалован императором Цзя Юаню, удостоенному титула Жунго-гуна». Далее следовала императорская печать.

На красном столике из сандалового дерева с орнаментом в виде свернувшихся драконов стоял позеленевший от времени древний бронзовый треножник высотой в три чи²⁵, а за ним на стене висела выполненная тушью картина, изображавшая сцену ожидания приема в императорском дворце. По одну сторону картины стояла резная золотая чаша, по другую – хрустальный кубок, а на полу в ряд – шестнадцать стульев из кедрового дерева. Кроме того, в зале висела парная надпись на двух досках из черного дерева с врезанными в них золотыми иероглифами, восхвалявшая детей дома Жунго:

В пышных покоех блещут жемчуга,
будто бы солнце с луной;
В доме узорном покровы горят,
как облака на заре.

Ниже следовала строчка мелких иероглифов: «Собственноручная надпись, сделанная потомственным наставником Му Ши, пожалованным за особые заслуги титулом Дунъаньского вана».

Обычно госпожа Ван жила не в главном доме, а в небольшом трехкомнатном восточном флигеле, поэтому мамки провели Дай-юй прямо туда.

Возле окна на широком кане, застланном бордовым заморским ковром, стояла продолговатая красная подушка с вышитым золотыми нитками драконом и лежал большой тюфяк с рисунком, изображающим дракона на желтом фоне. По обе стороны от него стояли два маленьких лакированных столика, по форме напоминавших цветки сливы; на столике слева стоял треножник времен Вэнь-вана, а рядом с ним – коробочка с благовониями и ложечка; на столике справа стояла прекрасная, переливающаяся всеми цветами радуги Жучжоуская ваза²⁶ с редчайшими живыми цветами. У западной стены стояли в ряд четыре больших стула в чехлах из красного с серебристым отливом шелка с цветами, и перед ними – четыре скамеечки для ног. Справа и слева от них тоже стояли два высоких столика с чайными чашками и вазами для цветов. Остальную обстановку подробно описывать не будем.

Мамка предложила Дай-юй сесть на кан, на краю которого лежали два небольших парчовых матраца. Однако Дай-юй, зная свое положение в доме, не поднялась на кан, а опустилась на стул, стоявший в восточной стороне комнаты. Девушки-служанки тотчас налили ей чаю. Прихлебывая чай, Дай-юй с интересом разглядывала одежду и украшения служанок и, наблюдая за их движениями и манерами, думала, что эти девушки отличаются от служанок из других семей.

Не успела Дай-юй выпить чай, как к ней подошла служанка в красной шелковой кофте с оборками и синей отороченной тесьмой безрукавке и, улынувшись, сказала:

– Госпожа просит барышню Линь Дай-юй к себе.

²⁵ Чи – мера длины, равная 0,32 метра.

²⁶ Жучжоуская ваза – так назывались фарфоровые вазы, выделявшиеся при династии Сун в округе Жучжоу (пров. Хэнань).

Старая мамка повела Дай-юй в юго-восточный трехкомнатный домик. Здесь прямо против входа на кане стоял низенький столик, на котором грудой лежали книги и была расставлена чайная посуда; к восточной стене была прислонена черная атласная подушка, какие обычно подкладывают под спину, чтобы удобнее было сидеть. Сама госпожа Ван, подоткнув под спину точно такую же подушку, сидела у западной стены и при появлении Дай-юй сделала ей знак сесть с восточной стороны. Дай-юй решила, что это место Цзя Чжэна, и потому, заметив перед каном три стула, покрытых раскрашенными чехлами, присела на один из них. Лишь после того, как госпожа Ван несколько раз повторила приглашение, Дай-юй наконец села рядом с нею.

– Твой дядя сегодня постится, – сказала ей госпожа Ван, – повидеешься с ним в другой раз. Он только велел сказать тебе, что три твои двоюродные сестры – замечательные девочки, ты вместе с ними будешь учиться читать и писать, заниматься вышиванием. Надеюсь, вы поладите. Меня беспокоит только одно: есть здесь у нас корень всех бед и источник зол – «злой дух нашего суетного мира». Сегодня он уехал в храм и еще не вернулся, но вечером ты его непременно увидишь. Не обращай на него внимания, твои сестры тоже стараются не задирать его.

Дай-юй давно слышала от матери: «Есть у меня племянник, родившийся с яшмой во рту, страшно упрямый и непослушный, учиться не хочет и только любит баловаться в женских покоях. Но бабушка души в нем не чаёт, и никто не решается его одергивать».

Сейчас из слов госпожи Ван она сразу поняла, что речь идет о ее двоюродном брате.

– Это вы, тетя, говорите о том самом, который родился с яшмой во рту? – с улыбкой спросила она. – Мне помнится, когда я жила дома, мама часто говорила, что брата зовут Бао-юй, он на год старше меня и, хотя по-детски шаловлив, к сестрам относится очень хорошо. К тому же я, разумеется, буду жить с сестрами, а он живет с братьями совсем на другом дворе, в другом доме – какие же у меня могут быть поводы затрагивать его?

– Ты ничего не знаешь, – засмеялась госпожа Ван. – В том-то и дело, что он не такой, как другие. Пользуясь тем, что бабушка с малых лет любит и балует его, он и привык жить вместе с сестрами. Когда сестры не обращают на него внимания, он ведет себя спокойно; но стоит одной из них сказать ему лишнее слово, он приходит в такой восторг и начинает творить такие дела, что хлопот не оберешься. Поэтому я тебя предупреждаю, чтобы ты не обращала на него внимания. Он то ведет разумные речи, то вдруг на него находит какое-то затмение и он начинает болтать всякий вздор. Ты ему не очень верь!

Дай-юй только кивала головой.

Неожиданно вошла служанка и сказала госпоже Ван:

– Старая госпожа приглашает ужинать.

Госпожа Ван заторопилась, подхватила Дай-юй под руку и вместе с нею вышла из дому через черный ход. Они прошли немного по галерее в западном направлении, вышли из нее через боковую дверь и очутились на мощеной дорожке, тянувшейся с юга на север. В южном конце ее находился небольшой зал с пристройками, а на севере дорожка упиралась в белый каменный экран, за которым скрывалась небольшая дверь маленького домика.

– Это домик твоей старшей сестры Фын-цзе, – объяснила госпожа Ван, называя Ван Си-фын именем, которым ее обычно называли дома. – Если она тебе понадобится, ты всегда можешь найти ее здесь. Если тебе что-нибудь будет необходимо, говори только ей.

У ворот дворика тоже стояли наготове несколько мальчиков-слуг в возрасте, когда только начинают отпускать волосы²⁷ и собирают их в пучок на макушке.

Госпожа Ван и Дай-юй миновали проходной зал, попали во внутренний дворик матушки Цзя и вошли в дом через заднюю дверь. При появлении госпожи Ван ожидавшие здесь служанки сразу же принялись расставлять столы и стулья.

²⁷ По старому китайскому обычаю, малолетних детей стригли наголо; волосы отпускали только подростки.

Жена Цзя Чжу – госпожа Ли Вань, подала кубки, Ван Си-фын разложила палочки для еды, и после этого госпожа Ван внесла суп. Матушка Цзя сидела на тахте, справа и слева от нее стояло четыре пустых стула. Ван Си-фын поспешно подвела Дай-юй к первому стулу с левой стороны и пригласила ее сесть. Смущенная Дай-юй стала отказываться.

– Не стесняйся, – с улыбкой сказала ей матушка Цзя, – твоя тетя и жены старших братьев кушают не здесь, а ты у нас гостя и по праву должна сидеть на этом месте.

Только тогда Дай-юй попросила разрешения сесть и опустилась на стул. Матушка Цзя велела госпоже Ван тоже занять свое место. Затем Ин-чунь и две ее сестры получили разрешение сесть. Ин-чунь села первой справа, Тань-чунь – второй слева и Си-чунь – второй справа. Возле них встали служанки с мухогонками, полоскательницами и полотенцами в руках. У стола распоряжались Ли Вань и Ван Си-фын.

В передней толпилось множество женщин и девушек-служанок, но стояла полная тишина, не слышно было даже покашливания.

Едва окончился ужин, служанки подали чай. Дома мать всегда учила Линь Дай-юй не пить чай сразу после еды, чтобы не расстроить желудок. Здесь все было иначе, но приходилось делать так, как делали остальные. Как только Дай-юй взяла чашку с чаем, служанка поднесла ей полоскательницу, и Дай-юй прополоскала рот. Потом все умыли руки, и был снова подан чай, на этот раз уже для питья.

– Вы можете уйти, – проговорила матушка Цзя, обращаясь к старшим, – а мы здесь немного побеседуем.

Госпожа Ван встала, произнесла несколько ничего не значащих фраз и вышла в сопровождении Ли Вань и Фын-цзе.

Матушка Цзя стала расспрашивать Дай-юй, какие она читала книги, и Дай-юй ей отвечала:

– Недавно прочла «Четверокнижие»²⁸.

Затем Дай-юй в свою очередь спросила, какие книги прочли ее двоюродные сестры.

– Какие там книги! – махнула рукой матушка Цзя. – Они только выучили по несколько иероглифов!

Разговор был прерван, так как снаружи слышались шаги, и вслед за тем вошла служанка, доложив матушке Цзя, что пришел Бао-юй.

«Наверное, этот Бао-юй – вялый и невзрачный на вид...» – подумала про себя Дай-юй.

Взор ее обратился к двери, и тут Дай-юй увидела перед собой стройного юношу в красной, шитой золотом и украшенной драгоценными камнями шапочке, которая придерживала связанные в пучок на макушке волосы; лоб его почти до самых бровей скрывала повязка с изображением двух драконов, играющих жемчужиной. На нем была темно-красная парчовая куртка с узкими рукавами и с рисунком из пестрых бабочек, порхающих среди цветов, перехваченная по талии вытканым цветами поясом с длинной бахромой в виде колосьев; поверх куртки была накидка из темно-зеленого японского атласа, обшитая бахромой, на ногах черные атласные сапожки на белой подошве. Лицо юноши напоминало светлую луну в середине осени и свежестью своей не уступало цветку, распустившемуся весенним утром; волосы на висках у него были гладкие и ровные, будто подрезанные ножом, брови – густые и черные, словно подведенные тушью, нос прямой, а глаза чистые и прозрачные, как воды Хуанхэ осенью. Казалось, даже в моменты гнева он улыбается и во взгляде его всегда сквозит нежность. На шее у него сверкало ожерелье с подвесками из золотых драконов, и на шелковой тесьме, сплетенной из разноцветных ниток, висела великолепная яшма.

---

²⁸ «Четверокнижие» – канонические конфуцианские книги: «Луньюй» («Изречения»), «Дасюэ» («Великое учение»), «Чжуньюн» («Учение о середине») и Сочинения философа Мын-цзы.

Дай-юй испуганно вздрогнула, и в голове у нее мелькнула мысль: «Странно! Кажется, я его уже где-то встречала! Как знакомо мне его лицо!..»

Бао-юй справился о здоровье матушки Цзя, затем та сказала ему:

– Навести свою мать и возвращайся!

Бао-юй повернулся и вышел. Когда он возвратился, на нем был другой наряд. Волосы вокруг головы были заплетены в тонкие косички, каждая из которых заканчивалась узенькой красной ленточкой; затем все косички собирались на макушке и заплетались в одну большую черную и блестящую, как лак, косу, в которой сверкали четыре большие жемчужины и украшение из драгоценных камней в золотой оправе. Одет юноша был в серебристо-красную шелковую куртку с цветами и дымчато-зеленые штаны из набивного сатина; на ногах – черные чулки с парчовой каймой и красные туфли на толстой подошве; на шее по-прежнему висели драгоценная яшма, ладанка с именем, ожерелье и амулеты. Лицо Бао-юя казалось густо напудренным, губы – словно накрашены помадой, взор нежный и ласковый, а на устах неизменная улыбка. Все изящество, которое способна дать природа, воплотилось в изгибе его бровей; все чувства, свойственные живому существу, светились в уголках его глаз. Во всяком случае, он обладал прекрасной, совершенной внешностью, и только трудно было разгадать, что таится под нею.

Потомки сложили о нем два стихотворения на мотив песни «Луна над Сицзяном», где с предельной точностью сказано:

Без всякой причины
тоска и печаль на него нападают;
Бывают минуты —
он словно безумен, он глуп без предела.
Хотя оболочка из кожи неплохо
его при рожденье одела,
Но глубже копните —
нескладной душою наполнено тело.

Он жизни не знает,
и не понимает он дел повседневных
И как неразумный
ученье бросает и книги бросает.
Поступки его никому не понятны,
характер все странным считают,
Но нет ему дела,
что в мире молва о нем ходит такая.

И далее:

Богатым и знатым
не знал, что работа дает нам отраду;
Когда же стал бедным,
невзгоды и стужа его одолели.
Как жаль, что потратил он лучшие годы,
не сделав полезного дела!
Надежды страны
и надежды семьи оправдать не сумел он.

Во всей Поднебесной,
пожалуй, не сыщешь таких непутевых;
Ни встарь, ни сегодня
таких непочтительных к предкам не встретим.
Сказать бы построже богато одетым,
не знающим голода детям:
Пускай они лучше
ни в чем не равняются с мальчиком этим.

Между тем матушка Цзя, увидев вошедшего Бао-юя, с улыбкой спросила его:
– Зачем ты переоделся? Ведь ты еще не поздоровался с гостьей! Познакомься! Это твоя сестрица!

Бао-юй обернулся и, увидев перед собой хрупкую, прелестную девочку, сразу догадался, что это и есть дочь его тетки Линь. Он поспешно подошел и поклонился ей. Вернувшись затем на свое прежнее место, он сел и стал внимательно разглядывать Дай-юй. Она показалась ему необыкновенной, совсем не похожей на других девочек. Поистине:

Обвитые дымкой, изгибы бровей
как будто печальны, – но нет, не печальны.
Таящее чувство сияние глаз
как будто с улыбкой, – но нет, без улыбки.
Скрывается в ямочках щек
души ее вечная грусть.
Усилил телесный недуг
нестойкость ее красоты.
Чуть видно, чуть видно мерцание слез,
Чуть слышно, чуть слышно дыхание уст.
Тиха – словно нежный цветочек,
    глядящийся в зеркало вод;
Гибка – будто тонкая ива,
    пригнутая ветром к земле.
Понятливым сердцем – и сердце Би Ганя
могла бы она превзойти;
Во время болезни – прелестную Си-цзы
сумела бы, верно, затмить.

Глядя на Дай-юй, Бао-юй улыбнулся и сказал:

– Эту сестрицу я уже где-то видел.

– Глупости! – проговорила матушка Цзя. – Где ты мог ее видеть?

– Может быть, и не видел, – согласился Бао-юй, – но мне кажется, мы давно знакомы и как будто встретились снова после долгой разлуки.

– Ну ладно, ладно! – махнула рукой матушка Цзя. – Это значит, что вы с ней быстрее подружитесь.

Бао-юй пересел поближе к Дай-юй, еще раз окинул ее пристальным взглядом и спросил:

– Ты уже училась, сестрица?

– Почти нет, – отвечала Дай-юй. – Всего один год ходила на занятия и выучила некоторые иероглифы.

– Как тебя зовут?

Дай-юй назвала имя.

– А второе?

– Второго имени нет, – ответила девочка.

Бао-юй засмеялся.

– Я придумаю, – предложил он. – По-моему, лучше всего назвать тебя Чернобровой. Это очень красивое имя!

– Где ты нашел такое имя? – спросила его Тань-чунь.

– Недавно я читал книгу «Описание людей, живших в древности и живущих в настоящее время», – ответил Бао-юй, – там сказано, что в западных странах имеется камень, который называется «дай» и заменяет краску для бровей. А у сестрицы тонкие, словно чем-то подведенные брови – разве ей не подойдет такое имя?!

– Опять выдумываешь? – засмеялась Тань-чунь.

– Кроме «Четверокнижия», вообще все выдуманно, – заметил Бао-юй и спросил Дай-юй: – А у тебя есть яшма?

Никто ничего не понял. Однако Дай-юй сразу сообразила: «У него есть яшма, поэтому он задает мне такой вопрос».

– У меня нет яшмы, – ответила она. – Ведь твоя яшма – вещь очень редкая, – разве она может быть у каждого?

Едва она произнесла эти слова, как Бао-юем овладело безумие, он сорвал с шеи яшму, со злостью швырнул ее в сторону и стал возмущаться:

– Подумаешь, какая редкость! Все говорят только о ней, а меня и не вспоминают! Не нужна мне эта дрянь!

– У твоей сестрицы тоже была яшма, – прикрикнула на него матушка Цзя, – но когда умерла ее мать, она унесла яшму с собою, так как хотела сохранить память о дочери. Твоя сестрица была обязана положить в гроб вещи, которые любила ее мать, да и твоя покойная тетя при виде этой яшмы всегда будет думать, что видит дочь. Вот Дай-юй и сказала, что у нее нет яшмы – неудобно было хвалиться. Надень свою яшму, а то как бы твоя мать не узнала, что ты безобразничаешь!

С этими словами она взяла яшму из рук служанки и повесила на шею Бао-юя. Юноша сразу притих и замолчал.

Вскоре пришла кормилица и спросила, где будет жить барышня.

– Переселите Бао-юя в теплую комнату в моем флигеле, – сказала матушка Цзя, – пусть барышня Линь зиму проживет под голубым пологом, а весной подыщем другое место.

– Дорогая бабушка! – сказал Бао-юй, – мне будет удобно на кровати за пологом. Зачем переезжать и беспокоить вас?

– Ну ладно, – подумав немного, согласилась матушка Цзя и распорядилась, чтобы за Дай-юй с Бао-юем постоянно присматривали мамки и служанки, а вся остальная прислуга по ночам дежурила бы в прихожей. Ван Си-фын, со своей стороны, приказала людям расставить там светло-коричневый полог и перенести туда атласный матрац, парчовое одеяло и остальные постельные принадлежности.

Дай-юй привезла с собой только двух служанок: свою кормилицу мамку Ван и десятилетнюю девочку Сюэ-янь.

Сюэ-янь была еще слишком мала, а мамка Ван слишком стара, поэтому матушка Цзя сочла, что они не подходят для обслуживания Дай-юй, и отдала ей свою служанку по имени Ин-гэ. Теперь у Дай-юй, как и у Ин-чунь, кроме кормилицы, четырех мамок и двух служанок, которые ведали ее платьями, украшениями и подавали ей умываться, было еще четыре или пять девочек, подметавших комнаты и выполнявших самые разнообразные поручения.

Мамка Ван и Ин-гэ прислуживали Дай-юй под голубым пологом, а няня Ли, кормилица Бао-юя, и старшая служанка Си-жэнь прислуживали Бао-юю.

Си-жэнь, собственно, была служанкой матушки Цзя, и по-настоящему звали ее Хуа Жуй-чжу. Матушка Цзя любила Бао-юя и, опасаясь, что другие служанки не смогут ему угодить, отдала внуку Жуй-чжу, которая отличалась добротой и преданностью. Бао-юй знал, что «хуа» – означает «цветок». К тому же в одном древнем стихотворении он прочел фразу: «Ароматом цветок привлекает людей...» Поэтому, с позволения матушки Цзя, он переименовал имя служанки на Си-жэнь – Привлекающая людей.

Си-жэнь была преданна сверх меры: прислуживая матушке Цзя, она только о ней и думала; теперь она служила Бао-юю и думала только о Бао-юе. Юноша был избалован, Си-жэнь всякий раз усовещивала его, и если он не слушался, она искренне огорчалась. И вот вечером, когда Бао-юй и мамка Ли заснули, Си-жэнь заметила, что Дай-юй и Ин-гэ все еще не отдыхают. Она сняла с себя украшения, бесшумно вошла в комнату Дай-юй и спросила:

– Барышня, почему вы до сих пор не ложитесь?

Дай-юй тотчас же предложила ей место.

– Садитесь, пожалуйста, сестрица!

– Барышня Линь Дай-юй очень огорчена, – добавила Ин-гэ. – Она все время утирает слезы и говорит: «Я только приехала и уже успела расстроить брата. Если бы он разбил свою яшму, разве не я была бы виновата?!» Мне насилу удалось ее успокоить.

– Барышня, не убивайтесь, – проговорила Си-жэнь. – Я уверена, что вам придется увидеть кое-что более удивительное! Не стоит по всякому поводу огорчаться и расстраиваться. Не принимайте ничего близко к сердцу!

– Все, что вы сказали, сестры, я запомню, – отозвалась Дай-юй.

Они поговорили еще немного и разошлись отдыхать.

На следующее утро Дай-юй, навестив матушку Цзя, пришла к госпоже Ван. Госпожа Ван и Ван Си-фын только что прочли письмо, полученное из Цзиньлина, и о чем-то шептались с женщинами, приехавшими от старшего брата госпожи Ван.

Дай-юй ничего не поняла, но Тань-чунь и ее сестры знали, что речь идет о старшем сыне тетушки Сюэ, по имени Сюэ Пань; он жил в Цзиньлине и недавно кого-то убил. Он думал, что это сойдет ему с рук, поскольку он богат и принадлежит к влиятельной семье. Но разбором его дела занялся суд области Интяньфу, и его дядя, Ван Цзы-тэн, получив об этом письмо, решил предупредить госпожу Ван, а также сообщал ей, что ее сестра с детьми едет в столицу.

Чем окончилось это дело, вы узнаете в следующей главе.

Глава четвертая, которая повествует о том, как юноша с несчастной судьбой повстречался с несчастной девушкой и как послушник из храма Хулумяо помог разрешить запутанное дело

Итак, Дай-юй и ее сестры пришли к госпоже Ван и услышали, что она беседует с женщинами, присланными женой ее старшего брата, и речь идет о том, что кто-то подал в суд на ее племянника Сюэ Паня, обвиняя его в убийстве. Так как госпожа Ван была занята важными делами, сестры покинули ее и отправились к вдове Ли Вань.

Эта Ли Вань прежде была женой Цзя Чжу. Цзя Чжу умер в молодых годах, но, к счастью, после него остался сын по имени Цзя Лань, которому сейчас исполнилось пять лет, и он уже начал посещать школу.

Ли Вань была дочерью известного чиновника из Цзиньлина. Ее отца звали Ли Шоучжун, когда-то он занимал должность возлиятеля жертвенного вина²⁹ в императорской академии Гоцзы цзянь. Раньше в их роду все мужчины и женщины учились. Однако, начиная с Ли Шоучжуна, в отношении женщин стали придерживаться правила: «Чем меньше девушка талантлива, тем больше в ней добродетелей». Поэтому, когда родилась Ли Вань, ей не позволили учиться по-настоящему. Она прочла лишь «Четверокнижие для девушек» да «Жизнеописания знаменитых женщин», выучила кое-какие иероглифы и запомнила несколько имен мудрых и добродетельных женщин, живших при прежних династиях. На этом дело и кончилось. Главным занятием ее сделалось прядение и рукоделие, поэтому, собственно, ей и дали имя Вань, а прозвище – Гун-цай³⁰.

В ранние годы потеряв мужа, Ли Вань, несмотря на то что жила в довольстве и роскоши, исхудала, стала похожей на засохшее дерево или мертвый пепел, перестала интересоваться окружающим. Все ее внимание сосредоточилось на воспитании сына и на служении родителям покойного мужа; в свободное время она вместе со служанками занималась вышиванием или читала вслух.

Таким образом, Дай-юй хотя и жила здесь как гостя, сестры относились к ней по-дружески, и ей оставалось беспокоиться только о своем престарелом отце.

Теперь вернемся к Цзя Юй-цуню, который, как говорилось выше, получил назначение и отправился к месту службы. Едва он прибыл в Интяньфу и вступил в должность, как в суд на рассмотрение поступила жалоба: две семьи оспаривали покупку одной служанки, ни одна сторона не желала уступать, благодаря чему дело дошло до убийства. Цзя Юй-цунь немедленно распорядился арестовать истца и доставить к нему на допрос.

– Убит был мой хозяин, – говорил истец. – В тот день он купил себе девочку, вовсе не предполагая, что покупает ее у торговца живым товаром, который похитил ее с целью продажи. Торговец получил с нас деньги, и мой молодой хозяин сказал, что третий день будет счастливым и тогда он введет девочку в дом. За это время торговец вторично продал девочку в семью Сюэ. Мы об этом узнали, бросились искать продавца, чтобы отнять у него купленную нами девочку. К несчастью, семья Сюэ принадлежит к числу цзиньлинских деспотов, пользуется огромным влиянием, и когда мы пришли, толпа здоровенных слуг набросилась на моего хозяина и избила его так, что он вскоре умер. Убийцы – хозяин и слуги его – скрылись бес-

---

²⁹ *Возлиятель жертвенного вина* – чиновник, член Гоцзыцзяня. Его обязанностью было совершать возлияния вина во время принесения жертв Конфуцию.

³⁰ *Вань* – в переводе значит «тонкий белый шелк», *Гун-цай* – «мастерица шить».

следно, осталось лишь несколько человек, совершенно непричастных к делу. Целый год я подавал жалобы, но никто не пожелал заняться их рассмотрением. Прошу вас, уважаемый господин начальник, сделайте доброе дело, арестуйте злодеев, и я до конца дней своих буду благодарить вас за великую милость!

– Как это так? – возмутился Цзя Юй-цунь, выслушав его. – Убили человека и безнаказанно сбежали! Неужели никого не задержали?

Он тотчас же распорядился выдать доверительную бирку на право ареста и послать слугителей суда, чтобы те немедленно взяли под стражу семью убийцы и учинили допрос под пыткой. Но неожиданно Цзя Юй-цунь заметил, что стоящий у стола привратник глазами делает ему знак не торопиться.

В голове Цзя Юй-цуня мелькнуло подозрение, и он остановился. Покинув зал и пройдя в потайную комнату, он отпустил слуг, оставив при себе только привратника.

Когда все ушли, привратник приблизился к нему, спросил, как его здоровье, и с улыбкой сказал:

– Прошло уже почти девять лет, как вы начали подниматься по служебной лестнице, господин! Наверное, вы меня забыли?

– Лицо твое кажется знакомым, – произнес Цзя Юй-цунь. – Только не могу припомнить, где мы с тобой встречались.

– Неужели вы забыли родные места, господин? – снова улыбнулся привратник. – Вы не помните, как жили в храме Хулумяо девять лет назад?

Только сейчас у Цзя Юй-цуня в памяти всплыли события тех дней. Привратник оказался маленьким послушником из храма Хулумяо. После пожара, оставшись без крова, он принялся размышлять, как бы полегче заработать на пропитание; когда ему стало невмоготу терпеть холод и стужу, он, живя во дворе храма, отпустил себе волосы и поступил привратником в ямынь. Однако Цзя Юй-цунь и подумать не мог, что это тот самый послушник!

– Так вот в чем дело! – воскликнул Цзя Юй-цунь, беря привратника за руку. – Оказывается, мы старые друзья!

Он предложил привратнику сесть, но тот отказался.

– Ведь ты был моим другом в те дни, когда я терпел бедствия и нужду, – с улыбкой сказал ему Цзя Юй-цунь. – Мы здесь одни, помещение не служебное, не стесняйся, можешь садиться.

Лишь после этого привратник осторожно присел на краешек стула.

– Почему ты мне только что делал знак не выдавать доверительную бирку на арест? – спросил Цзя Юй-цунь.

– Неужели, получив назначение, вы не переписали себе «Охранную памятку чиновника» для этой провинции? – в свою очередь спросил его привратник.

– Что это за «Охранная памятка чиновника»? – удивился Цзя Юй-цунь.

– В нынешнее время каждый чиновник, получающий должность в провинции, имеет список, куда заносятся имена и фамилии наиболее влиятельных и богатых местных шэньши, – объяснил привратник. – Так делается в каждой провинции. Если по неведению, случайно придется столкнуться с одним из подобных людей, то не только за должность и звание, но и за жизнь трудно поручиться. Вот почему такой список и называется «Охранной памяткой чиновника». Семейю Сюэ, о которой только что шла речь, вы никоим образом не должны затрагивать! Нынешнее дело разрешить несложно, и до сих пор не решено оно лишь потому, что прежние начальники ради своих личных интересов предпочитали поступиться долгом и честью.

С этими словами он вытащил из сумки переписанную им «Охранную памятку чиновника» и протянул ее Цзя Юй-цуню. Тот пробежал ее взглядом и увидел, что это всего лишь несколько пословиц и поговорок, сложенных в народе о самых могущественных и именитых здешних семьях. Там говорилось:

Семейство Цзя головы не клонит,
Из белой яшмы у них палаты, из золота кони.

Дворец Эфан³¹ На триста ли раскинулся вширь,
Но он вместить не сумел бы
семейство цзиньлинских Ши.

Когда в Восточном море мало
нефритовых кроватей,
В Цзиньлин, в семейство Ван,
драконов ван³² идет занять их.

Как снегом богат урожайный год,
семейство Сюэ богато:
Не меньше, чем глины, у них жемчугов,
и словно железа – злата.

Цзя Юй-цунь не успел дочитать, как послышался голос:

– Почтенный господин Ван прибыл с поклоном.

Цзя Юй-цунь торопливо привел в порядок одежду и головной убор и вышел навстречу гостю. Прошло примерно столько времени, сколько требуется для того, чтобы пообедать, когда он вернулся и снова стал расспрашивать привратника.

– Четыре семьи, которые перечислены в памятке, связаны родственными узами, – рассказывал привратник, – ущерб для одной семьи – это ущерб для них всех, слава для одной – слава для всех. Тот Сюэ, которого нынче обвиняют в убийстве, принадлежит к семье Сюэ, о которой сказано: «Как снегом в урожайный год, семейство Сюэ богато». Он не только пользуется поддержкой трех остальных семей, у него еще множество родственников и друзей в столице и в других местах. Кого же вы, почтенный господин начальник, собираетесь арестовывать?

– Выходит, вынести решение по этому делу невозможно? – выслушав привратника, спросил Цзя Юй-цунь с улыбкой. – Ты, вероятно, знаешь, в каком направлении скрылись убийцы?

– Не стану обманывать вас, господин, – признался привратник, – не только знаю, куда скрылись убийцы, но и того торговца живым товаром прекрасно знаю и с покойным покупателем был знаком. Если позволите, я вам все подробно расскажу. Убитый был сыном мелкого деревенского чиновника, и звали его Фын Юань. Родители его умерли, братьев у него не было, и владел он лишь небольшим состоянием, полученным по наследству. Ему было лет восемнадцать-девятнадцать, он занимался мужеложством и ненавидел женщин. Но, видимо, это было возмездием за грехи его прежней жизни, – он случайно повстречался с той девочкой, и она ему так приглянулась, что он тут же вознамерился купить ее и сделать своей наложницей. При этом он поклялся никогда больше не предаваться пороку и не брать в дом других женщин. Вот почему он отнесся к этому делу так серьезно и решил взять девочку только на третий день. И кто бы мог подумать, что торговец после этого продаст девочку в семью Сюэ? Возможно, он хотел получить деньги с обоих и сбежать; только это ему не удалось – оба покупателя поймали его и избили до полусмерти. Но никто из них не желал брать обратно деньги, каждый требовал девочку. Тогда этот Сюэ кликнул слуг, и те так избили молодого господина Фын Юаня, что на нем живого места не осталось. Его отнесли домой, и через три дня он умер. Что же касается Сюэ Паня, то он еще раньше собрался ехать в столицу и выбрал для этого счастливый день.

---

³¹ Эфан был построен Цинь Ши-хуаном (246–209 гг. до н. э.); отличался необычайной роскошью.

³² Лун-ван – царь драконов, по преданию живший на дне восточного моря.

Избив человека и отняв девочку, он вместе с семьей как ни в чем не бывало уехал своей дорогой – ему и в голову не приходило бежать. Это убийство для него пустяк, он уверен, что слуги и братья все уладят. Но не будем говорить об этом. А знаете ли вы, господин, кто та девочка, которую продали?

– Откуда же мне знать это? – удивился Цзя Юй-цунь.

Привратник усмехнулся:

– А ведь ее отец оказал вам большую милость, господин! Она дочь господина Чжэнь Шиня, который жил возле храма Хулумяо, и ее детское имя – Ин-лянь.

– Так это она! – воскликнул пораженный Цзя Юй-цунь. – Я слышал, что ее похитили в пятилетнем возрасте. Неужели ее продали лишь год тому назад?

– Торговцы живым товаром крадут только малолетних детей, кормят их лет до двенадцати-тринадцати, а затем уводят в другие места и там продают, – пояснил привратник. – В детстве Ин-лянь часто приходила играть в наш храм, поэтому мы все хорошо ее знали. За семь или восемь лет она успела вырасти, похорошела, но внешностью не очень изменилась, и я легко ее узнал. К тому же у нее между бровей было родимое пятнышко величиной с рисовое зерно. Торговец снимал комнату у меня в доме, и в его отсутствие я часто разговаривал с девочкой. Она была забита и запугана, ничего не осмеливалась говорить и только твердила, что торговец – ее отец и продает ее лишь потому, что ему негде взять денег для уплаты долга. Я пытался задобрить ее, но она принималась плакать и говорила: «Я не помню, что со мной было, когда я была маленькой!» Конечно, сомневаться тут не в чем. И вот в один прекрасный день ее увидел Фын Юань и купил. Когда он заплатил деньги, торговец напился пьяным, а Ин-лянь, облегченно вздыхая, говорила: «Наступил день искупления моих грехов!» Но, узнав затем, что ей только через три дня предстоит перейти в новый дом, она вновь сделалась грустной. Я не выдержал и, когда торговец ушел, послал жену утешить девочку: «Господин Фын Юань непременно хочет дождаться счастливого дня, чтобы взять тебя к себе в дом, – говорила жена, – а это значит, что он будет обращаться с тобой не как со служанкой. Он человек состоятельный и не повеса; он ненавидел женщин, и если сейчас не постоял за ценой, чтобы купить тебя, все должно быть ясно без слов. Потерпи еще денька два-три – зачем грустить?» Услышав такие речи, девочка немного успокоилась и решила, что отныне у нее будет постоянное пристанище. Но в Поднебесной случаются самые неожиданные вещи. На следующий день торговец продал ее в семью Сюэ. Хоть бы куда-нибудь в другое место, а то к этому Сюэ Паню, которому дали кличку «глупый деспот». Это первый сумасброд на всю Поднебесную и деньгами швыряется, как песком. Он так избил Фын Юаня, что того утащили полумертвого, а сам уехал и увез Ин-лянь, так что о дальнейшей судьбе девочки мне ничего не известно. Остается лишь пожалеть о Фын Юане, которому не повезло: и деньги зря истратил, и жизни лишился!

– Все это далеко не случайно! – вздохнул Цзя Юй-цунь. – Это ему возмездие за грехи, которые он совершил в прежней жизни! Иначе, почему Фын Юаню понравилась именно Ин-лянь? Да и Ин-лянь несколько лет терпела жестокое обращение со стороны торговца, пока перед нею открылся путь к покою и счастью. Она девочка добрая, и было бы замечательно, если б они соединились. Нужно же было, чтобы произошла такая история! Пусть даже семья Сюэ богаче и знатнее семьи Фын, но, подумать только, что это за люди! Сюэ Пань безудержно распутствует, наложниц у него хватает, и я уверен, что он не стал бы хранить верность одной женщине, как Фын Юань. Поистине, так предопределила судьба, пожелавшая, чтобы несчастный юноша встретился с не менее несчастной девушкой. Однако довольно болтать, надо подумывать, какое решение вынести по этому делу!

– Раньше вы были решительным и проницательным человеком! – заметил ему привратник. – Почему вы стали таким нерешительным теперь? Я слышал, господин, что вы получили эту должность благодаря могуществу домов Цзя и Ван. Сюэ Пань же приходится родственником дому Цзя. Почему бы вам не пустить, как говорится, лодку по течению и не вынести при-

говор, руководствуясь лишь собственными интересами и чувством благодарности к его родственникам? Кроме того, и вам будет удобнее завязать близкие отношения с семьями Цзя и Ван.

– Ты, конечно, прав! – согласился Цзя Юй-цунь. – Но ведь речь идет о человеческой жизни! Меня назначил на должность государь, и я должен приложить все усилия, чтобы отблагодарить его за милость. Можно ли во имя личных соображений нарушать закон? Это недопустимо!

На губах привратника мелькнула холодная усмешка.

– Конечно, вы рассуждаете правильно, господин, – согласился он, – но для нашего времени такие рассуждения не подходят! Разве вам не известно изречение древних: «Великий муж действует в соответствии с требованиями времени»? Или другое: «Совершенен тот, кто стремится к счастью и избегает несчастья». А если поступать, как говорите вы, то не только невозможно послужить государю, но и собственную жизнь не удастся сберечь. Надо трижды обдумать, прежде чем решить.

– Как же, по-твоему, я должен поступить? – опустив голову, задумчиво спросил Цзя Юй-цунь.

– По этому поводу я могу дать вам хороший совет, – проговорил привратник. – Завтра, когда будете сидеть в зале, напустите на себя грозный вид, перелистайте бумаги и выдайте доверительную бирку на арест убийц. Тех, конечно, не поймают. Истец будет настаивать, и вы распорядитесь доставить на допрос нескольких членов семьи Сюэ да нескольких слуг. А я тайно подстрою все так, чтобы они показали, что, мол, Сюэ Пань «умер от тяжелой болезни», – это могут подтвердить все родственники и местные власти. Тогда вы заявите, что хотите посоветоваться с духами, поставите в зале жертвенник, и пусть стражники и остальные люди наблюдают за вами. Вы же объявите: «Духи утверждают, что между покойным Фын Юанем и Сюэ Панем еще в прежних воплощениях существовала вражда. Ныне они встретились на узкой дорожке, и исполнилось то, что было предопределено судьбой. Преследуемый душой Фын Юаня, Сюэ Пань заболел неизвестной болезнью и умер. Во всех несчастьях виноват торговец живым товаром, его по закону следует наказать, остальные к делу непричастны...» И так далее. Потом я уговорю торговца признаться в преступлении. Когда все увидят, что предсказание духов и показания торговца сходятся, сомнения сразу рассеются. Семья Сюэ богата, и вы можете присудить ей штраф в тысячу или в пятьсот лян в пользу семьи Фын, якобы для покрытия расходов на погребение убитого. Все эти родственники Фын Юаня не столь уж важные люди, и шумят они больше из-за денег. Стоит им получить деньги, как они сразу умолкнут. Подумайте, господин, подойдет ли такой план?

– Нет, не подойдет, – сказал Цзя Юй-цунь. – Хотя, погоди, дай подумать, а пока держи язык за зубами.

На том и порешили.

На следующий день Цзя Юй-цунь явился в зал суда и приступил к допросу обвиняемых. Он действительно убедился, что в семье Фын людей не густо и они хотят возместить деньги, истраченные на устройство похорон, а люди из семьи Сюэ, пользуясь своим могуществом, говорят неправду. Видя, что все равно тут ничего не добьешься, Цзя Юй-цунь махнул рукой на закон и вынес приговор. Родственники Фын Юаня получили деньги и успокоились. Цзя Юй-цунь тотчас же написал два письма: одно – Цзя Чжэну, другое – генерал-губернатору столицы Ван Цзы-тэну, в которых сообщал: «Дело Вашего племянника окончено, можете больше не беспокоиться...»

Устроить все это помог новый привратник – бывший послушник из храма Хулумяо. Однако Цзя Юй-цунь был им недоволен, опасаясь, что он может рассказать людям о тех временах, когда он, Цзя Юй-цунь, жил в бедности и нищете. Воспользовавшись как-то мелким

проступком привратника, Цзя Юй-цунь постарался отослать его подальше. На том дело и кончилось.

Не будем пока рассказывать о Цзя Юй-цуне, а обратимся к Сюэ Паню, который купил Ин-лянь и избил Фын Юаня.

Сюэ Пань был уроженцем Цзиньлина и принадлежал к потомственной чиновничьей семье. В детстве он лишился отца, и мать, оставшись вдовой, жалела и баловала единственного сына. Сейчас Сюэ Пань стал взрослым, но ничему не научился. Семья владела огромным состоянием и получала деньги из казны.

Сюэ Пань был груб и заносчив, любил сорить деньгами. Хотя он учился в школе, ему удалось лишь с грехом пополам заучить несколько иероглифов; все время он тратил на петушинные бои, конные скачки, бродил по горам, любовался пейзажами, и только. Числясь в списках купцов – поставщиков товаров для императорского двора, он не имел ни малейшего представления о торговых делах; только благодаря заслугам своего деда он формально числился поставщиком императорского двора, но все дела за него вели приказчики и служащие.

Мать Сюэ Паня – урожденная Ван – приходилась сестрой нынешнему генерал-губернатору столицы Ван Цзы-тэну и госпоже Ван, жене Цзя Чжэна из дворца Жунго. Ей было уже около пятидесяти лет. Кроме Сюэ Паня, у нее была дочь, годом младше брата, по имени Бао-чай, обладавшая цветущей внешностью и изящными манерами.

Отец до безумия любил дочь, позволял ей читать книги и учиться писать, благодаря чему Бао-чай по своему развитию стояла намного выше Сюэ Паня. После смерти отца Бао-чай, видя, что старший брат не способен утешить материнское сердце, оставила учение и занялась хозяйственными делами, стараясь облегчить горе матери и принять часть ее забот на себя.

В последнее время государь стал особенно покровительствовать наукам. Он собирал вокруг себя знаменитых и талантливых людей и осыпал их щедрыми милостями; дочери знатных сановников должны были лично являться ко двору, и помимо того, что из них выбирали жен и наложниц императору, наиболее способных и талантливых девушек зачисляли в свиту императорских дочерей, с которыми они должны были вместе учиться и подавать им пример в занятиях.

После смерти Сюэ-старшего главный управляющий и приказчики из провинциальных торговых контор, пользуясь молодостью и неопытностью Сюэ Паня в житейских делах, принялись без зазрения совести обманывать его, в результате чего его торговые дела в столице расстроились.

Сюэ Пань давно слышал, что столица – это цветущая благодатная земля, и задумал совершить туда поездку под предлогом представить младшую сестру ко двору, навестить родственников, а также лично побывать в ведомстве, чтобы рассчитаться по старым счетам и получить новые заказы. В действительности цель его поездки заключалась в одном: познакомиться со столичными нравами. Поэтому он заранее рассчитал дорожные расходы, прикинул, что может понадобиться в пути, для друзей и родственников приготовил подарки из наиболее редких вещей местной выделки и избрал счастливый день для отъезда, как неожиданно ему подвернулся торговец живым товаром и предложил купить Ин-лянь.

Ин-лянь обладала незаурядной внешностью, и Сюэ Пань купил ее, намереваясь в будущем сделать своей наложницей. Но тут семья Фын вздумала отнять девочку, и Сюэ Пань, сознавая свое могущество, кликнул слуг, которые до смерти избили Фын Юаня. Затем Сюэ Пань поручил все свои дела старым и преданным слугам, а сам вместе с матерью и сестрой отправился в далекое путешествие.

Убийство и суд он рассматривал как забаву. «Придется истратить немного денег, – говорил он себе, – и все обойдется».

Я не знаю, сколько дней он провел в пути. Но незадолго перед приездом в столицу Сюэ Пань узнал, что его дядя Ван Цзы-тэн получил повышение по службе, назначен инспектором

девяти провинций и в соответствии с высочайшим повелением выехал из столицы, чтобы проверить состояние дел на окраинах.

Сюэ Пань в душе даже обрадовался этому известию и подумал:

«А я-то печалился, что приеду в столицу и буду находиться под надзором дяди, даже кутнуть как следует не удастся. Его повышение и отъезд доказывают, что мне покровительствует Небо!»

Он решил посоветоваться с матерью и сказал ей:

– У нас в столице есть несколько домов, но вот уже десять лет, как в них никто не живет, и люди, которые за ними присматривали, разумеется, без нашего ведома сдавали их внаем. Придется сначала послать людей, чтобы они привели помещения в порядок.

– К чему это? – возразила мать. – Мы едем в столицу навестить родных и друзей, а остановимся у твоего дяди или в семье мужа твоей тетки. Дома у них просторные, места хватит. Поживем там, а тем временем слуги приведут в порядок наши дома. Разве так не будет спокойнее?

– Дядя собирается уезжать, – ответил ей Сюэ Пань, – в доме идут сборы в дорогу. Удобно ли будет всем нам к нему ввалиться?

– Пусть даже дядя уезжает, но ведь есть еще семья мужа твоей тетки, – продолжала настаивать мать. – Они уже несколько лет приглашают нас. Если мы приедем и твой дядя будет занят сборами в дорогу, тетя из семьи Цзя непременно оставит нас у себя. Разве не вызовет удивление, если мы поспешно начнем приводить в порядок свои дома? Я понимаю твою мысль: живя у дяди или у тети, ты будешь чувствовать себя стесненно, и конечно, это не так приятно, как жить одному и делать все, как захочется. Коль на то пошло, выбирай сам, где жить, а я несколько лет не видалась с тетей и сестрами и пару дней поживу с ними. Твою сестру Баочай я возьму с собой. Согласен?

Сюэ Пань понял, что ему все равно не переубедить мать, и отдал приказание людям ехать во дворец Жунго.

Госпожа Ван к этому времени уже знала, что дело Сюэ Паня разбиралось в суде и что Цзя Юй-цунь выручил ее племянника, поэтому она успокоилась. Вместе с тем ей было немного грустно, что брат уезжает и теперь у нее в столице останется еще меньше близких родственников.

Прошло несколько дней, как неожиданно ей сообщили:

– Ваша сестра с сыном и дочерью прибыли в столицу. Они уже выходят из колясок у ворот дворца.

Обрадованная госпожа Ван в сопровождении служанок поспешила в гостиную встречать сестру. О том, как они встретились, делились своими горестями и радостями, рассказывать не будем.

Затем госпожа Ван повела сестру поклониться матушке Цзя и поднести подарки. После этого госпожа Сюэ повидалась с остальными членами семьи, и было устроено угощение.

Сюэ Пань пошел поклониться Цзя Чжэну и Цзя Ляню, а те провели его к Цзя Шэ и Цзя Чжэню.

Затем Цзя Чжэн послал человека передать госпоже Ван:

– Сестра твоя уже в годах, а племянник слишком молод и неопытен, и если он будет жить где-нибудь на стороне, – боюсь, пойдут неурядицы. В юго-восточном углу нашего дворца есть «двор Душистой груши» и дом из десяти комнат, который ныне пустует. Пусть твоя сестра с сыном и дочерью поживут в нем.

Госпожа Ван и сама хотела оставить гостей у себя, да и матушка Цзя прислала служанку сказать:

– Очень просим госпожу поселиться здесь, поближе ко всем. Тетушке Сюэ тоже хотелось пожить вместе с родственниками, чтобы хоть немного сдержать сына, ибо она боялась, что,

если они будут жить отдельно, Сюэ Пань из-за своего строптивого характера может навлечь на себя неприятности. Она сразу же приняла предложение госпожи Ван, а затем по секрету сказала ей:

– Мы могли бы пожить у вас подольше, если б вы сняли с себя повседневные расходы на нас.

Госпожа Ван не хотела их стеснять и предоставила им возможность поступать по своему усмотрению. После этого мать и дочь Сюэ поселились во «дворе Душистой груши».

Во «дворе Душистой груши» Жунго-гун провел на покое последние годы своей жизни. Здесь находился десятикомнатный дом с гостиной и внутренними покоями. Кроме того, тут были ворота, выходившие прямо на улицу, ими и пользовались все члены семьи Сюэ. В юго-западном углу двора – небольшая калитка, через которую можно было попасть в узенький переулочек, а оттуда на восточный двор главного дома, где жила госпожа Ван.

Каждый вечер или после обеда тетушка Сюэ приходила побеседовать с матушкой Цзя либо поговорить с госпожой Ван. Бао-чай целые дни проводила в обществе Дай-юй, Ин-чунь и других сестер. Они читали книги, играли в шахматы или же занимались вышиванием и были вполне удовлетворены обществом друг друга.

Вначале один только Сюэ Пань не хотел жить во дворце Цзя, ибо опасался, что дядя будет его сдерживать и он не всегда сможет поступать так, как ему захочется. Однако мать осталась твердой в своем решении поселиться здесь, да и все в доме Цзя были очень внимательны и настойчиво просили остаться у них. Поэтому Сюэ Паню пришлось временно поселиться здесь, хотя он тотчас же послал слуг привести в порядок собственный дом, намереваясь в дальнейшем перебраться туда.

Не прошло и месяца, как Сюэ Пань успел перезнакомиться почти со всеми, такими же, как и он сам, избалованными и распушенными сыновьями и племянниками рода Цзя, а всем этим молодым бездельникам в свою очередь нравилось дружить с ним. Они пили вино, любовались цветами, затем дело дошло до азартных игр и проституток. От таких соблазнов Сюэ Пань стал еще хуже, чем был прежде.

Хотя и говорили, что Цзя Чжэн умеет воспитывать сыновей и распоряжаться в доме, но семья была большая и народу в ней множество – за всеми не уследишь; кроме того, главой в доме был Цзя Чжэнь – старший внук из дворца Нинго, к которому по наследству перешла должность деда, и сейчас всеми делами рода ведал он; однако и Цзя Чжэнь, обладая беспечным характером, не интересовался делами и все свободное от службы время читал книги или играл в шахматы. К тому же «двор Душистой груши» отделялся от главного дома дворца двумя рядами строений, имел отдельные ворота, ведущие на улицу, благодаря чему у Сюэ Паня была полная возможность приходить и уходить, когда ему заблагорассудится; таким образом, молодая компания безудержно веселилась и развлекалась. Мысль о переезде в свой дом у Сюэ Паня постепенно исчезла.

Кто хочет знать о дальнейших событиях, пусть прочтет следующую главу.

Глава пятая, из которой читатель узнает о том, как душа Цзя Бао-юя странствовала по «Области Небесных грез» и как фея Цзин-хуань велела исполнить песни «Сон в красном тереме»

В предыдущей главе мы описывали жизнь семьи Сюэ во дворце Жунго и пока о ней больше говорить не будем.

Сейчас рассказ пойдет о том, как матушка Цзя нежно полюбила Линь Дай-юй, поселившуюся во дворце Жунго, заботилась о ней так же, как о Бао-юе, а трем остальным внукам, Ин-чунь, Тань-чунь и Си-чунь, она стала уделять меньше внимания.

Тесная дружба Бао-юя и Дай-юй тоже была необычной, совсем не такой, как у других детей. Целые дни они проводили вместе, вечером одновременно ложились спать, слова и мысли их всегда гармонировали – поистине, они были неразделимы, как лак с клеем. И вот неожиданно приехала Бао-чай. Хотя она была немного старше Дай-юй, но обладала прямым характером и очаровательной внешностью, и все стали поговаривать, что Дай-юй во многих отношениях далеко до нее.

Бао-чай была великодушна, по мере сил старалась приспособливаться к обстановке, не была такой замкнутой и гордой, как Дай-юй, благодаря чему снискала глубокую симпатию всех без исключения служанок. Даже маленькие девочки-служанки и те подружились с нею. Все это вызывало в душе Дай-юй недовольство, но Бао-чай этого не замечала.

Бао-юй тоже был еще ребенок с увлекающимся и несдержанным характером. На всех братьев и сестер он смотрел одинаково, не делая различия между родными и чужими, близкими и дальними. Живя вместе с Дай-юй в доме матушки Цзя, Бао-юй, разумеется, был к ней ближе, чем к другим сестрам, и эта близость породила у него чувство симпатии к Дай-юй, которое могло привести к печальной развязке и вызвать незаслуженные нарекания.

Однажды, по неизвестной причине, между Бао-юем и Дай-юй произошла размолвка, Дай-юй в одиночестве сидела дома и проливала слезы. Бао-юй раскаивался, что был чересчур резок с ней, бросился просить прощения, и только после этого к Дай-юй вернулось прежнее расположение духа.

Надо вам сказать, что как раз в то время в саду восточного дворца Нинго пышно расцвели сливы, и жена Цзя Чжэня, госпожа Ю, решила устроить угощение и пригласить матушку Цзя, госпожу Син, госпожу Ван и других полюбоваться цветами. Утром она сама в сопровождении Цзя Жуна и его жены явилась во дворец Жунго, чтобы пригласить матушку Цзя на другой день приехать к ней погулять и отдохнуть в «саду Слияния ароматов», выпить чаю, вина. В этом небольшом семейном празднестве принимали участие только родственники из дворцов Нинго и Жунго, и там не произошло ничего такого, о чем стоило бы рассказать.

Бао-юй быстро утомился и захотел спать. Матушка Цзя приказала служанкам уговорить его немного отдохнуть, а затем прийти снова.

Тогда поспешила вмешаться жена Цзя Жуна, госпожа Цинь. Улыбнувшись, она сказала матушке Цзя:

– Для второго дяди Бао-юя у нас приготовлена комната. Не беспокойтесь и предоставьте это дело нам!

И затем обратилась к мамкам и служанкам Бао-юя со словами:

– Проводите второго дядю Бао-юя за мной!

Матушка Цзя считала госпожу Цинь во всех отношениях достойной и совершенной женщиной – прелестная и хрупкая с виду, она всегда была ласковой и нежной и нравилась матушке Цзя больше других жен ее внуков и правнуков; и когда она отправилась устраивать Бао-юя, матушка Цзя, разумеется, сразу успокоилась.

Следом за госпожой Цинь служанки с Бао-юем направились во внутренние покои. Бао-юй переступил порог; подняв голову, он увидел перед собой искусно нарисованную картину «Лю Сян пишет при горящем посохе» и ощутил смутное неудовольствие. Рядом висели парные надписи – дуйлянь, гласившие:

Чтобы постигнуть все в мире дела,
должно усердно учиться;
Чтобы воспитывать чувства людей,
нужно изящное слово.

Прочитав эти фразы, Бао-юй даже не стал смотреть на прекрасное помещение и роскошную постель и заявил, что не останется здесь.

– Идемте скорее отсюда! Скорее! – твердил он.

– Если вам не нравится здесь, куда же идти? – улыбнувшись, спросила госпожа Цинь. – Может быть, в мою комнату?

Бао-юй кивнул головой и засмеялся.

– Где это видано, чтобы дядя спал в комнате жены своего племянника? – запротестовала одна из мамок.

– А что тут страшного? – возразила госпожа Цинь. – Ведь дядя еще совсем мальчик – какие для него могут существовать запреты? Помнишь, в прошлом месяце приезжал мой младший брат? Правда, он одних лет с Бао-юем, но ростом, кажется, немного выше...

– Почему же я его не видел? – перебил ее удивленный Бао-юй. – Приведите его ко мне! Все рассмеялись.

– Как же его привести, если он находится за двадцать – тридцать ли отсюда? – сказала госпожа Цинь. – Когда он снова приедет – непременно познакомлю вас.

Разговаривая между собой, они отправились в спальню госпожи Цинь.

Когда они вошли, какой-то неведомый тонкий аромат защекотал в носу Бао-юя, и он почувствовал, что глаза его слипаются, а по всему телу разливается сладостная истома.

– Какой приятный аромат! – воскликнул он.

Бао-юй огляделся. Прямо перед ним на стене висела картина Тан Бо-ху «Весенний сон райской яблоньки», а по обе стороны от нее свешивались парные надписи, принадлежавшие кисти Цинь Тай-сюя. Надписи гласили:

Легкий морозец, скрепляющий сон, —
значит, весна холодна;
Запах приятный, влекущий людей, —
это вина аромат.

На небольшом столике стояло драгоценное зеркало, некогда украшавшее зеркальные покои У Цзэ-тянь, а рядом с ним – золотое блюдо с фигуркой Чжао Фэй-янь. На блюде лежала айва, такая же крупная, как та, которой когда-то Ань Лу-шань бросал в Тай-чжэнь и ранил ее в грудь. На возвышении стояла роскошная кровать, на которой в давние времена во дворце Ханьчжан спала Шоучанская принцесса, и над кроватью возвышался жемчужный полог, вышитый принцессой Тун-чан.

– Вот здесь хорошо! – сдерживая улыбку, произнес Бао-юй.

– В моей комнате, наверное, не отказались бы жить даже бессмертные духи! – засмеялась в ответ госпожа Цинь.

Она откинула чистое, вымытое когда-то самой Си Ши, легкое шелковое одеяло и поправила мягкую подушку, какую прижимала когда-то к своей груди Хун-нянь.

Уложив Бао-юя, мамки и няньки разошлись, и при нем остались только Си-жэнь, Цин-вэнь и Цю-вэнь. Госпожа Цинь послала девочек-служанок присматривать, чтобы под навес крыши не забрались кошки и не наделали шума.

Едва Бао-юй сомкнул глаза, как погрузился в глубокий сон; далеко впереди ему почудились очертания фигуры госпожи Цинь, он последовал за нею и попал в какое-то незнакомое место. Видит – перед ним красная ограда и яшмовые ступени, деревья и прозрачный ручеек, но всюду пусто и безмолвно, ни малейшего признака присутствия человека.

«Как прелестно! – сквозь сон подумал Бао-юй. – Остаться бы тут навсегда! Это куда интереснее, чем все время находиться под присмотром родителей и учителей!»

Пока он предавался несбыточным мечтам, откуда-то из-за горки донеслось пение:

Весенние грезы
    рассеются, как облака.
Цветы опадают,
    их быстро уносит река.
Скажите поосторожнее
    девицам и юношам всем:
Пусть вас не пленяет
    гнетущая сердце тоска!

Бао-юй прислушался – это был девичий голос. И как только смолкла песня, из-за склона появилась грациозная, стройная красавица, совершенно непохожая на обычных людей.

В доказательство этому есть ода:

Она показалась из ивовой рощи,
Явилась она из узорных покоев.
Где легкой ступила ногою,
Испуганно птицы взлетали над нею.
И вот уже близко она,
Прошла ее тень круговой галереей.
Ее рукава словно ветер кружатся,
Духов орхидеи струя аромат;
Качается платье, как лотос тихонько,
Подвески из яшмы на платье звенят.
Лицо улыбнется – как персик весенний,
Прическа, как туча, – а в ней изумруд;
Слегка приоткроются вишенки-губы —
Как зерна в гранате в них зубы блеснут.
Так плавно колеблется стан ее гибкий,
Как вьются снежинки от ветра зимой;
Украшена жемчугом и изумрудом,
Как зеленую утку, как гусь желтизной.
То выглянет вдруг, то закрыта цветами,
И в меру смеется, и в меру грустит;
Проходит неслышно над озером тихим,

То словно поплыла, то словно летит.
Почти что срastaются бабочки-брови,
Промолвили что-то, сказали без слов;
Чуть видно идут ее лотосы-ноги,
То словно бы стали, то двинулись вновь.
К досаде красавиц сравним ее тело
С отборною яшмой, с прозрачнейшим льдом;
На зависть красавицам платье с цветами,
Огнями сверкают узоры на нем.
Редка меж красавиц подобная внешность, —
Как холм благовоний, как гладкий нефрит;
Затмила красавиц изящной осанкой, —
Так мчится дракон или феникс парит.
Что может сравниться с ее белизною? —
Под снегом цветущая слива весной.
Что может сравниться с ее чистотою? —
Под инеем лотос осенней порой.
Что может сравниться с ее простотою? —
Сосна молодая в ущелье пустом.
Что может сравниться с ее красотою? —
Угасший закат над прозрачным прудом.
Что с грацией может сравниться такую? —
Дракона извивы над тихой водой.
Что можно сравнить с ее чистой душою? —
Студеную речку под ясной луной.
Си Ши среди древних она посрамила,
Ван Цян³³ из недавних пред нею бледна.
В каком же краю родилась эта дева?
Откуда на землю спустилась она?
Когда не пришла она с пира бессмертных,
Подобной не видывал Яшмовый пруд!
Заставьте ее поиграть на свирели —
В пурпурных чертогах такой не найдут!

Увидев, что это бессмертная фея, Бао-юй бросился ей навстречу, низко поклонился и с улыбкой спросил:

— Божественная дева, откуда вы пришли и куда направляетесь? Я не знаю, куда я попал, умоляю вас — возьмите меня с собой!

— Я живу в небесной сфере, где не существует ненависти, среди моря Орошающего печаль, — отвечала дева. — Я — бессмертная фея Цзин-хуань с горы Ниспосылающей весну, из чертогов Струящихся благоуханий, которые находятся в «Области Небесных грез». Я определяю возмездие за разврат и прелюбодеяния, в моей власти — заставлять женщин в мире смертных роптать на свою судьбу, а мужчин — предаваться глупым и безумным страстям. Недавно здесь собрались грешники, и я пришла, чтобы посеять среди них семена взаимного влечения. Наша встреча с тобой тоже не случайна. Ты находишься неподалеку от границы моих владений. У меня здесь нет ничего, кроме чашки чая бессмертия, нескольких кувшинов приготовленного мною прекрасного вина да нескольких девушек, обученных исполнению волшебных песен и

---

³³ Ван Цян (Ван Чжао-цзюнь) — знаменитая красавица, наложница Ханьского императора Юань-ди (48–33 гг. до н. э.).

танцев. Они недавно сложили двенадцать новых песен – «Сон в красном тереме». Пойдешь со мной?

Как только Бао-юй услышал слова феи, по его телу пробежала дрожь радости и нетерпения, он мгновенно позабыл о госпоже Цинь и покорно последовал за Цзин-хуань.

Неожиданно перед ним появилась широкая каменная арка с крупными иероглифами: «Область Небесных грез», а по обе стороны от нее – парная надпись, гласившая:

Когда за правду ложь сочтут,
тогда и правда – ложь;
Там, где ничто есть бытие,
и бытие – ничто.

Они миновали арку и очутились у дворцовых ворот, над которыми было начертано четыре иероглифа, означавших: «Небо страстей – море грехов», и на столбах по обе стороны – парная вертикальная надпись:

Тучная почва, высокое небо
Вздох затаили, что древних и новых
чувств не смогли исчерпать;
Юноша страстный, печальная дева
Будут жалеть, что у ветра с луною
взятое трудно отдать.

«Так и есть, – подумал про себя Бао-юй, прочитав надпись. – Только не совсем понятно, что такое «древних и новых чувств»? И что значит «у ветра с луною взятое»? Надо будет подумать и постараться понять смысл.

Занятый своими размышлениями, Бао-юй и не предполагал, что в его душу вливается какая-то чудодейственная сила.

Вошли в двухъярусные ворота, и взору Бао-юя предстали высившиеся справа и слева двумя рядами залы, на каждом из которых были прибиты доски с горизонтальными и вертикальными надписями... С первого взгляда невозможно было прочесть, что на них написано, но на некоторых он разобрал: «Приказ безрассудных влечений», «Приказ затаенных обид», «Приказ утренних стонов», «Приказ вечерних рыданий», «Приказ весенних волнений», «Приказ осенней скорби».

– Осмелюсь вас побеспокоить, божественная дева, – сказал Бао-юй, обращаясь к фее. – Нельзя ли погулять с вами по этим приказам?

– В этих приказах хранятся книги судеб всех девушек Поднебесной, – отвечала Цзин-хуань, – и тебе, обладающему простыми человеческими глазами и бранным телом, не должно обо всем этом знать заранее.

Однако Бао-юй не уступал и настойчиво упрасивал фею.

– Пусть будет так! – произнесла наконец Цзин-хуань. – Пройдемся по этому приказу.

Не скрывая своей радости, Бао-юй поднял голову и прочел над входом три слова: «Приказ несчастных судеб» и парную вертикальную надпись по сторонам:

Весенняя грусть, осенняя скорбь —
откуда берутся они?
Цветов обаянье, прелесть луны —
кто мог бы их победить?

Бао-юй печально вздохнул. Он вошел в помещение и увидел около десятка огромных опечатанных шкафов, на каждом из которых висел ярлык с названием провинции. Им сразу овладело желание найти ярлык с названием его родных мест, и он тут же на одном из шкафов заметил надпись: «Главная книга судеб двенадцати головных шпилек из Цзиньлина».

– Что это значит: «Главная книга судеб двенадцати головных шпилек из Цзиньлина»? – спросил Бао-юй.

– Это значит, что здесь записаны судьбы двенадцати самых благородных девушек твоей провинции, – ответила Цзин-хуань. – Поэтому и сказано «Главная книга».

– Я слышал, что Цзиньлин очень большой город, – заметил Бао-юй, – почему же здесь говорится только о двенадцати девушках? Даже в одной нашей семье вместе со служанками наберется несколько сот девушек.

– Конечно, во всей провинции девушек много, – улыбнулась Цзин-хуань, – но здесь записаны только самые замечательные из них; в двух шкафах, что стоят рядом, – второстепенные, а для всех остальных ничем не примечательных вовсе нет книг.

Бао-юй оглянулся на первый шкаф – на нем действительно было написано: «Дополнительная книга к судьбам двенадцати головных шпилек из Цзиньлина», а на другом шкафу значилось: «Вторая дополнительная книга к судьбам двенадцати головных шпилек из Цзиньлина». Бао-юй протянул руку, открыл дверцу шкафа со вторыми дополнительными книгами судеб, взял с полки первую попавшуюся тетрадь и раскрыл ее. На первой странице был изображен не то человек, не то пейзаж – разобрать было невозможно, ибо тушь от воды расплылась, и вся бумага, казалось, была покрыта черными тучами и мутной мглой. Внизу сохранилось стихотворение из нескольких строк:

Трудно увидеть луну после ливня,
Тучка узорная вмиг разлетелась.
Будто бы небо, душа высока,
Вниз ее тянет ничтожное тело.
Бойкий характер, пленительный облик
вызвали злость без предела.
Старый и малый поэтому много
зло на тебя клеветали.
Юноши знатного сердце одно
тщетно об этом жалело.

Бао-юй ничего не понял и стал смотреть дальше. Там были нарисованы букет свежих цветов и разорванная циновка, потом следовало стихотворение:

Были напрасны
ласки, уступки, согласие и нежность.
Нужны ль сравнения
прежде с корицей, потом с орхидеей.
Невыносимо,
если актеру достанется счастье.
Если обижен
юноша знатный судьбою своею.

Это было еще более непонятно для Бао-юя, и он положил на прежнее место эту тетрадь, открыл первый шкаф с дополнительными книгами судеб и взял другую. Здесь на первой стра-

нице была изображена цветущая веточка корицы, а под нею – небольшой пересохший пруд, покрытый увядшими лотосами, и далее следовала надпись в стихах:

Цветущие лотосы корни сплетают
и запахи вместе струят.
Всю жизнь она только преграды встречала,
душевные раны тая.
Но вот две земли появляются вместе,
и дерево рядом – одно.
И скоро придется душе ароматной
умчаться в родные края.

Бао-юй прочел, но опять ничего не понял. Затем он взял главную книгу судеб и на первой странице увидел два золотых дерева; на одном из них висел яшмовый пояс, а под деревьями в снежном сугробе лежала золотая шпилька для волос. Ниже было помещено стихотворение:

О той я вздыхаю,
чей нрав – добродетель сама;
И ту я жалею,
что тополя пух воспевала.
Нефритовый пояс
в лесу на деревьях повис,
Из золота шпилька
под снежным сугробом пропала.

Бао-юй никак не мог разгадать смысл, скрывавшийся за этими словами, и хотел спросить у Цзин-хуань, но тут же понял, что это бесполезно, ибо бессмертная фея не захочет выдавать небесные тайны, и отказался от своего намерения. Затем он хотел положить тетрадь на место, но опять-таки не сделал этого и стал смотреть дальше. На второй странице был изображен лук, висевший на ветке душистого цитруса, и ниже следовала песенка:

О том, кто прав, кто виноват,
судили двадцать лет.
Гранат раскрыл свои цветы,
в покоях их отсвет.
С Весною Первою не в силах
сравниться Три Весны,
Но тигра заяц повстречал —
сна-жизни больше нет.

Дальше были нарисованы два человека, запускающие бумажного змея, огромное море, корабль, на корабле – девушка, она закрыла лицо руками и плачет. Под картинкой опять стихотворение:

Светла, талантлива, чиста
и высока душою.
Рожденный в трудные года
всегда гоним судьбою.
В слезах на празднике Цин-мин

глядит туда, где Цзян,
Где как во сне за сотни ли,
восточный ветер воет.

Потом следовала картинка, изображающая цепочку плывущих в небе облаков и излучину реки, уходящей вдаль. Стихотворение внизу гласило:

Богатство, знатность —
много ль проку в них?
Ведь ты в пленках потеряла
родителей своих.
Очей веселых
близится закат.
Сянцзяна воды вдаль уходят,
и тучи в Чу летят.

Затем был нарисован кусок драгоценной яшмы, упавшей в грязь, и следовали стихи:

Ты хочешь быть чистой,
но как чистоту сохранить?
Напрасным слывущее
может напрасным не быть.

Какая досада,
что золоту или нефриту
Внезапно приходится
в липкую грязь угодить!

На следующей странице Бао-юй вдруг увидел лютого волка, который преследовал красавицу девушку, намереваясь сожрать ее. Стихи под этой картинкой гласили:

Душою схож
с Чжуншаньским волком он,
Свирепым, злобным
сердцем наделен.
В покоях женских
процветал разврат,
И за год жизнь
прошла, как «с просом сон»³⁴.

Стихи под изображением древнего храма, внутри которого сидела в одиночестве девушка и читала священную книгу, гласили:

Узнает она: трех Весен других
недолг будет расцвет.
Однажды заменит черным нарядом

---

³⁴ Намек на легенду о том, как один человек увидел во сне всю свою жизнь, а когда проснулся, обнаружил, что за это время не успело свариться просо.

убор своих прежних лет.
Какая жалость, что знатного рода,
богатого дома дочь
Одна возле древнего Будды лежит,
где тусклой лампы свет.

Дальше была нарисована ледяная гора, на ней – самка феникса, а ниже шли строки:

«Обычная птица»³⁵ – но в мире явилась
в тяжелые годы она.
Все любят ее такой нежной любовью,
прелестной она рождена.
Во-первых, послушна, властна – во-вторых,
и «кто-то у дерева»³⁶ – в-третьих, —
И вот возвращается с плачем в Цзиньлин,
и повесть об этом грустна...

Затем – какой-то заброшенный трактир в захолустной деревне, и в нем красавица за прялкой. В пояснении к картинке сказано:

Надломлены силы,
замолкли о знатности речи.
Семья погибает,
не вспомнят родные о ней.
Но как-то за помощью
бабка пришла из деревни,
И вот удастся
найти сердобольных людей.

После стихов следовало изображение вазы с цветущими орхидеями, а возле нее стояла красавица, роскошно одетая, в богатом головном уборе. Картина сопровождалась подписью:

Завязь на сливе и персике будет,
коль ветер весенний повеет.
В мире нет краше кувшина того,
В котором цветет орхидея.
Тщетно согласие льда и воды
она охраняла ревниво, —
Все же не стоит, как люди другие,
судачить, смеяться над нею.

Потом Бао-юй увидел высокие двухэтажные палаты, а в них повесившуюся красавицу, и ниже стихи:

«Чувство как небо и чувство как море,
чувство – мечты глубина.

---

³⁵ Сочетание иероглифов «обычный» и «птица» составляет вместе иероглиф «фын» – феникс.

³⁶ Сочетание иероглифов «кто-то» и «дерево» составляет иероглиф «покинуть».

Если ж нашли эти чувства друг друга,
похоть осталась одна», —
В доме Жунго без конца повторяли
эти пустые слова,
Все же на деле раздоров причина
в доме Нинго рождена.

Бао-юй собрался читать дальше, но Цзин-хуань, зная его ум и способности, побоялась разгласить небесную тайну, поэтому она проворно захлопнула тетрадь и с улыбкой сказала Бао-юю:

– Зачем рыться в непонятных для тебя записях? Лучше прогуляемся, посмотрим чудесные пейзажи!

Не сознавая того, что он делает, Бао-юй выпустил из рук тетрадь и покорно последовал за Цзин-хуань. Взору его представились расписные балки и резные карнизы, жемчужные занавесы и расшитые пологи, благоухающие цветы бессмертия и необыкновенные травы – поистине, это были великолепнейшие места! О них можно было бы сказать:

На красных дверях колеблется свет,
как золотом устлан пол;
На алом окне сверкающий снег,
из яшмы сделан дворец.

И снова ласковый голос Цзин-хуань коснулся слуха Бао-юя:

– Выходите скорее и встречайте дорогого гостя!

Не успела она произнести эти слова, как появились бессмертные девы. Кружились в воздухе лилейные рукава их одежд, трепетали на ветру крылатые платья; своей красотой девы были подобны весенним цветам, а чистотой и свежестью напоминали осеннюю луну.

Увидев Бао-юя, девы обратились к Цзин-хуань и недовольным тоном сказали:

– Мы не знали, о каком госте идет речь, сестра, и поэтому вышли его встречать. Ведь вы говорили, что сюда сегодня должна явиться душа нашей младшей сестры – Пурпурной жемчужины. Мы давно ее ждем. Зачем вы привели это грязное создание, которое оскверняет ваши владения?

Смущенный Бао-юй, услышав эти речи, хотел удалиться, но не мог. Он действительно чувствовал, что грязен. Цзин-хуань взяла его за руку и, обращаясь к толпе бессмертных дев, молвила:

– Вы не знаете, зачем я его привела. Я направлялась во дворец Жунго, чтобы встретить Пурпурную жемчужину, но, когда проходила через дворец Нинго, навстречу мне попались души Жунго-гуна и Нинго-гуна, которые сказали мне: «С тех пор как утвердилось ныне правящая династия, наши семьи славой и заслугами своими выделяются в мире, из поколения в поколение наследуют богатство и титулы. Прошло уже сто лет, счастье нашего рода исчерпано, и его не вернуть! У нас, правда, много сыновей и внуков, но никто из них не может быть достойным наследником. Лишь один внук, Бао-юй, подает надежды. Он обладает крайне странным необузданным характером, но умен и талантлив. Однако счастье нашего рода кончается, и мы боимся, что никто не сумеет направить Бао-юя на истинный путь. Как хорошо, что вы повстречались нам! Мы уповаем на то, что вы покажете ему всю пагубность мирских соблазнов и тем самым поможете вырваться из ловушки и вступить на праведный путь. Если вы это сделаете, мы будем бесконечно счастливы!» Они так настойчиво упрашивали меня, что я из жалости к ним привела сюда Бао-юя. Сначала я в шутку разрешила ему познакомиться

с судьбами девушек его семьи, но он ничего не понял, – так пусть же здесь у нас испытает могущество страстей. Может быть, тогда он прозреет.

С этими словами она, держа Бао-юя за руку, вошла в покои. Бао-юй сразу почувствовал какой-то неведомый запах и не удержался от того, чтобы спросить:

– Что это такое?

– В грязном мире, где ты обитаешь, такого благоухания быть не может! – холодно усмехнулась Цзин-хуань. – Это – экстракт удивительных трав, растущих в чудесных горах, настоянный на душистом масле жемчужных деревьев. Называется он «квинтэссенцией всех благовоений».

Бао-юю оставалось лишь удивляться и восхищаться.

Потом они сели. Служанка подала чай, необыкновенно прозрачный и ароматичный, и Бао-юй спросил, как этот чай называется.

– Этот чай растет в пещере Ароматов на горе Весны, – пояснила Цзин-хуань, – а заварен он на росе, собранной с листьев цветов бессмертия, и называется «благоуханием тысячи роз из одного чертога».

Бао-юй кивнул головой в знак одобрения. Затем он окинул взглядом помещение, в котором находился: здесь было все – и яшмовый цинь³⁷, и драгоценные треножки, и старинные картины, и полотнища со стихами. На окнах висели шелковые занавеси, а по обеим сторонам от них – парные надписи, одна из которых особенно радовала душу:

Темная, скрытная,
полная тайны земля;
Непостижимое
и недоступное небо.

Прочитав эту надпись, Бао-юй обратился к Цзин-хуань и спросил у нее имена бессмертных дев. Оказалось, что одну из них зовут фея Безумных грез, другую – Излиятельница чувств, третью – Вызывающая печаль золотая дева, четвертую – Мудрость, измеряющая гнев и ненависть.

Вскоре служанки внесли стулья и столик, расставили на нем вино и угощения. Вот уж поистине:

До самого края рубиновым соком
хрустальные чаши полны;
Налиты густою нефритовой влагой,
янтарные кубки стоят.

Запах вина показался Бао-юю необычным, и он не удержался от того, чтобы спросить, что за аромат заключен в нем.

– Это вино – смесь нектара со ста цветов и десяти тысяч деревьев, – отвечала Цзин-хуань. – Оно сброжено на костях цилиня и молоке феникса и поэтому называется: «Десять тысяч прелестей в одном кубке».

Восторг Бао-юя не имел границ.

Как раз в тот момент, когда они пили вино, вошли двенадцать девушек-танцовщиц и спросили у бессмертной феи, какую песню им исполнить.

– Спойте двенадцать песен «Сон в красном тереме», которые недавно сложены, – приказала им Цзин-хуань.

---

³⁷ Цинь – струнный музыкальный инструмент.

Танцовщицы кивнули ей, ударили в таньбань³⁸, заиграли на серебряной цитре. Услышав, что они поют «В начале всего, в первозданные годы...», Цзин-хуань быстро прервала их:

– Эти песни непохожи на арии из классических драм, сочиненные в брэнном мире. Земные арии неизменно подразделяются в соответствии с ролями положительных или отрицательных, главных или второстепенных героев, и написаны они на мотивы девяти северных и южных мелодий. А в наших песнях содержатся либо вздохи о чьей-нибудь судьбе либо отображаются чувства, вызванные каким-нибудь событием. Песни, сочиненные нами, тут же исполняются на музыкальных инструментах. Тому, кто не проник в смысл, заключенный в нашей песне, не понять ее прелести. Мне кажется, что и ему не слишком знакомы наши мотивы. Если он не прочтет сначала текст песен, он, пожалуй, не найдет в них ничего интересного.

С этими словами она повернула голову и приказала подать Бао-юю бумагу, на которой были написаны песни «Сон в красном тереме».

Бао-юй взял их, развернул бумагу и стал следить, как девушки пели песни:

ВСТУПЛЕНИЕ КО «СНУ В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ»

В начале всего, в первозданные годы,
Кто чувства любовного вырастил всходы?
При чувстве глубоком,
    при нежных свиданьях на лоне природы,
Когда одолеют сомнения,
В те дни, когда в сердце страдания,
Во время тоски и молчания
Вы глупые чувства развеять хотите.
По этой причине
Покажем мы «Красного терема сон»,
    о золоте грустном, о скорбном нефрите.

ВСЯ ЖИЗНЬ – ОШИБКА

Все говорят:
    связаны золото с яшмой судьбою;
Я ж вспоминаю:
    камень и дерево клятву давали.
Тщетно противиться
    блеску снегов, где мудрец обитал под горою;
Все же забудешь ты
    в тихом лесу неземную богиню едва ли.
Сетуешь ты на людей:
Что и в прекрасном изъяны бывают,
    понято нынче тобой.
Правда, всегда
    будешь бокал поднимать до бровей.

---

³⁸ Таньбань – ударный музыкальный инструмент.

Но никогда
ты не смиришься с судьбой.

НАПРАСНО ПРИСТАЛЬНО ГЛЯДИШЬ

Подобна одна
цветам, расцветающим в парке небесном.
Подобен другой —
без трещин и примесей яшме чудесной.
Ты, может быть, скажешь,
что их не связала судьба, —
Тогда почему же сегодня смогли
в их жизни скреститься пути?
Ты, может быть, скажешь:
их вместе связала судьба, —
Тогда почему же лишь к праздным словам
сердца их сумели прийти?
Зачем одного
вздыхать заставляет тоска?
Зачем от другой
спокойная жизнь далека?
Исчезнет один,
как лунные блики в воде,
Исчезнет другая,
как в зеркале образ цветка.
Как много слезинок вместится в глазах?
Скажи мне, ты думал об этом?
Откуда же слезы
бегут, пока осень не сменит зима,
И льются весною до самого лета?

Слушая эту песню, Бао-юй оставался рассеянным, ибо не видел в ней ничего, и только звуки мелодии вселяли в него тоску и опьяняли душу. Поэтому он не стал допытываться ни об источнике происхождения песни, ни об истории ее возникновения и, чтобы развеять тоску, принялся читать дальше.

СМЕРТЕЛЬНАЯ ТОСКА

Каждый рад расцветающий сад
увидать пред собою,
Но сменяется краткая радость
бесконечной тоскою.
Перед пристальным-пристальным взором
Промелькнули за миг этой жизни дела,
И тоскливых-тоскливых видений
Отогнать, угасая, душа не могла.

Взор к родной стороне обращен,
Куда путь так далек, – чрез высокие горы;
И родителей только во сне посетив,
ты свое им поведаешь горе:
«Жизнь моя позади,
я до Желтых истоков дошла.
О родные мои!
Вы должны бы себя оградить
поскорей от житейского зла».

ОТ КОСТИ ОТДЕЛИЛАСЬ ПЛОТЬ

Парус один, непогода и ветер,
путь на три тысячи ли.
Нынче семья и родные сады
брошены, скроются скоро вдали.
Слезы, рыдания
могут лишь жизнь сократить.
Скажешь родителям:
«Дочь проводив,
должно ее позабыть.
Рока велением крах и удача
издавна всем суждены;
Встречи, разлуки
тоже судьбою даны.
Мы же отныне
жители разных земель.
Думайте вы
только о жизни своей.
Дочь уезжает от вас,
Бросьте заботы о ней».

ТОСКА СРЕДИ ВЕСЕЛЬЯ

Она в колыбели была,
Но мать и отца
в то время уже потеряла.
Конечно, она
среди богато одетых росла,
Но теплой заботы она не видала.
Умна, и щедра, и богата она —
такой ей счастливый достался удел, —
И жар потаенных
желаний девиц и юнцов
Затронуть ей душу никак не посмел.

Блестит она, как в непогоду средь туч
нефритовый храм заблестел.
За юношу дивного,
просто святого она отдана,
Как небо с землею,
с ним долгое счастье узнала она,
Лишь самого раннего детства пора
была в ее жизни грустна.
Рассеется облако над Гаотаном,
и высохнут воды Сянцзяна, —
Но это непрочного мира удел,
на свете все кончится поздно иль рано,
Напрасна тоска,
душе наносящая раны.

ЭТОГО МИР НЕ ПРОЩАЕТ

Ты душою тонка,
хороша как цветок орхидеи,
И святые одни
с одаренностью спорят твоею.
Тебе Небом дано одинокою жить,
люди редко сравнятся с тобой.
Говоришь ты: «Коль пищу мясную вкушать,
будет запах дурной;
Коль узоры всегда созерцать,
взор пресытитесь твой».
И не ведаешь ты, что всех выше стоять —
значит зависть людскую узнать,
Что ты слишком чиста,
и весь мир недоволен тобой.
Жаль, что в храме старинном до старости ты
будешь жить при лампаде ночной.
Как обидно, что ты не узнала любви,
пропустила цветенье весны!
Но в конце-то концов,
Так давно повелось: скверной мира сего
все желанья души сражены.
Ты воистину белый нефрит без изъяна,
только грязь повстречалась тебе.
Почему же, скажи, некий юноша знатный
все вздыхает о горькой судьбе?

ДОРОГОЙ НЕДРУГ

Это волк-людоед из Чжуншани,
Это зверь, беспощадный и злой.
Он давно позабыл,
что с ним было и кто он такой.
Лишь разврат и беспутство по нраву ему,
только к женщинам рвется душой,
Лишь красотку из знатного рода считает
гибкой ивой над тихой водой.
Он позорит тебя и высокий твой род,
он глумится теперь над тобой.
Как печально,
что нежное, дивное сердце
За один только год
сражено безысходной тоской!

ПРОЗРЕНИЕ НЕЖНОГО ЦВЕТКА

Судьбы трех вёсен кто угадает?
Иву зеленую, персик цветущий
что под конец ожидает? —
Будут рассеяны
пышные эти цветы,
Зелень поблекшая
в дали прозрачной растает.
Ты говоришь: в небесах
персиков нежных полно,
А в облаках
много цветов абрикоса?
Пусть, но в конце-то концов
Кто в этом мире
смог одолеть свою осень?
Часто в селе, в тополях серебристых,
слышны людские рыдания;
В роще, под кленами темно-зелеными
носятся духов стенанья.
Дни пролетят — и под желтыми травами
скроется холмик могилы.
Бедный вчера хочет нынче нажиться —
зря только тратятся силы;
Пышный весной, поникнуть под осень
каждый цветок осужден.
Тесно сплетается смерть с бытием,
кто от нее защищен?
Слышал я: где-то на Западе дальнем
дерево посо растет,
Долгую жизнь
людям дает его плод...

ИЗЛИШНИЙ УМ

Все жизни пружины понятны тебе,
ты так высока по уму,
Но вдруг для тебя
познание стало причиною мук.
Живя в этом мире,
ты сердце разбила свое,
А после кончины
достоинства нам ни к чему.
В богатой семье все спокойно живут,
Но гибнет семья, разбегаются люди,
все в чуждых краях кочуют.
Напрасно мирской суетой занимала
полжизни ты сердце свое:
Все это промчалось, как тягостный сон
на третью стражу ночную.
Внезапно разносится гром,
Как будто большой разрушается дом,
И сумрак наполнен тоской,
И кажется – гаснет светильник ночной.
Увы!
Веселость твоя рассеется вдруг,
тоска тебя будет терзать.
Как жалко, что в мире людей
Конец свой нельзя угадать!

ЗА ДОБРО ПОЖИНАЮТ ПЛОДЫ

За добро пожинают плоды,
За добро пожинают плоды:
Ты смогла повстречать милосердных людей.
И у них твоя щедрая мать,
И у них твоя щедрая мать
Заслужила любовь добротою своей.
Посоветуй же всем:
Помогайте в беде, утешайте в нужде
И на братьев и дядюшек жадных и злых
не бывайте похожи нигде!
Справедливы слова,
что убыток и прибыль, паденья и взлеты
Посылают небес голубые высоты.

ПЫШНЫЙ ПОЗДНИЙ РАСЦВЕТ

Если лишь в зеркале есть доброта,
Так же напрасна она,
    как об имени громком мечта.
Долго ли будет
    буйным цветеньем весна расцветать?
Но не старайся
    полог узорный увидеть опять.
Жемчуг, блестящий на шапке богатой,
С фениксом пышный халат —
Против непрочной судьбы
    вряд ли они устоят.
Все говорят, что не могут снести
    люди под старость пришедшей нужды, —
Все же, быть может, твоей доброты
    внуки увидят плоды.
Гордость наполнила душу —
    яркий надел он убор головной.
Все засверкало кругом —
    давит печать золотая на грудь.
Мощь устрашает людей —
    он поднялся до высоких чинов.
Грусть и тоска одолели —
    к Желтым истокам приблизился путь.
Древних времен полководцы, вельможи —
    есть ли они среди нас?
Только лишь звуки пустые имен
    чтут их потомки сейчас.

КОНЕЦ ВСЕХ ДОБРЫХ ДЕЛ

У балки узорной скончалась весна,
    земля лепестками покрылась.
Тебя увлекает любовь,
Ты обликом словно луна —
И в этом причина
    того, что семья развалилась.
В упадке от предков завещанный долг —
    виновным считается Цзин;
Навеки распалась, погибла семья —
    причина скрывается в Нин.
Но, кроме страстей,
    нет этому больше причин.

ПРОЛЕТЕВШИЕ ПТИЦЫ ИСЧЕЗЛИ В ЛЕСУ

Кто чиновником был,
У того к разорению клонится дом.
Кто богатств не считал,
Тот расстался и с золотом и с серебром.
Кто был добрым ко всем,
Жизнь того только в смерти спасенье нашла.
Кто бесчувственным был,
Тот увидел расплату за злые дела.
Отнимавшему жизни
Нынче жизни лишиться пришлось;
Исторгавшему слезы
Нет спасенья от собственных слез.
За обиду обидой воздастся потом,
и расплата нелегкою будет;
По веленью судьбы и разлука придет,
и счастливые встретятся люди.
Потому-то причины несчастной судьбы
нужно в прошлых рожденьях искать,
И лишь случай счастливый на старости лет
может сделать богатым опять.
Чье разрушено счастье,
Тот прощается с миром, уйдя от людей;
Кто страстям предавался,
Тот напрасно пожертвовал жизнью своей.
Если кончится корм,
в роще тотчас скрываются птицы,
Остается лишь чистое поле,
только голая степь без границы.

Оканчивалась одна песня, начиналась другая. Заметив, что Бао-юй не проявляет к песням ни малейшего интереса, Цзин-хуань со вздохом произнесла:

– Заблудший юноша, ты так ничего и не понял!

Бао-юй сделал знак девушкам прекратить пение, в голове у него кружилось, как у пьяного, и он попросился спать.

Цзин-хуань велела прислужницам убрать остатки угощения и повела Бао-юя в девичьи покои. Здесь повсюду были расставлены редкостные вещи, какие не увидишь на земле. Но больше всего поразила Бао-юя находившаяся там молодая прелестная дева, которая ростом и внешностью напоминала Бао-чай, а стройностью и грациозностью манер походила на Дай-юй.

Бао-юй растерялся, не понимая, что происходит с ним, но тут неожиданно Цзин-хуань сказала:

– Сколько бы ни было в том грязном мире благородных семей, все равно ветер и луна в зеленом окне, луч солнечной зари в девичьих покоях попораны и осквернены знатными молодыми повесами и гулящими девками. Но еще возмутительнее то, что с самых древнейших времен легкомысленные бездельники толкуют, что сладострастие не разврат, и оправдывают себя тем, что страсть не прелюбодеяние. Все это лишь пустые слова, предназначенные для

того, чтобы приукрасить зло и скрыть истинную подлость. А ведь сладострастие – уже разврат, познание страсти – разврат вдвойне. Все эти встречи на горе Ушань, радости «облака и дождя» источником своим имеют стремление к тому, к чему всегда влечет любовь. Я люблю тебя потому, что ты с древнейших времен и поныне был и остаешься первым развратником во всей Поднебесной!

– Божественная дева, – поспешно возразил испуганный Бао-юй, – вы ошибаетесь! Я ленив в учении, поэтому отец и мать поучают меня, но разве меня можно назвать развратником?! Ведь я еще молод и даже не знаю, что означает слово «разврат»!

– Нет, это не так! – продолжала Цзин-хуань. – Понятие разврата едино, хотя объясняют его по-разному. Обычные развратники только забавляются пением и танцами, увлекаются радостями «облака и дождя» и возмущаются, что красавицы всей Поднебесной не могут доставить им мимолетного наслаждения. Это просто глупцы, которые ищут удовольствия лишь для своего тела. Такие же, как ты, от природы склонны к безумным увлечениям, которые мы считаем мысленным развратом. Эти два слова «мысленный разврат» можно понять лишь сердцем, но значение их нельзя выразить в словах, их можно почувствовать душою, но нельзя передать человеческой речью. Ты обладаешь всем тем, что заключено в значении этих двух слов, и хотя ты можешь стать хорошим другом в девичьих покоях, на жизненном пути тебе не избежать заблуждений и лжи, насмешек, стоустой клеветы и гневных взглядов десятков тысяч глаз. Ныне я встретила твоих дедов – Нинго-гуна и Жунго-гуна, они очень просили, чтоб я помогла тебе вступить на праведный путь, и я не могла допустить, чтобы, озарив мои покои своим посещением, ты вновь был брошен в грязный мир. Поэтому я привела тебя сюда, напоила прекрасным вином, угостила чаем бессмертия, предостерегла от ошибок волшебными песнями и сейчас приставлю к тебе одну из моих младших сестер, имя которой – Цзянь-мэй, а прозвище – Кэ-цин. Сейчас настало счастливое время, чтобы ты с нею сочетался. Знай, что в мире бессмертных все делается так же, как в мире смертных. Но я хочу, чтобы ты понял сущность скрытых в тебе страстей, постиг учение Кун-цзы и Мын-цзы и посвятил себя совершенствованию в управлении хозяйством.

Она объяснила Бао-юю, что такое «облако с дождем», а затем втолкнула его в комнату, закрыла дверь и ушла.

Бао-юй, ничего не создавая и следуя наставлениям Цзин-хуань, свершил то, что делают между собою юноши и девушки. Но все это трудно описать полностью.

Всю ночь до утра Бао-юй нежился с Кэ-цин, ласкал ее и никак не мог с нею расстаться. Потом они, взявшись за руки, пошли гулять и попали в густые заросли терновника, где бродили волки и тигры. Впереди путь преграждала река, через которую не было моста.

Бао-юй заколебался и неожиданно заметил, что Цзин-хуань догоняет его.

– Остановись! – сказала она. – Поскорее возвращайся обратно!

– Куда я попал? – мгновенно застыв на месте, спросил Бао-юй.

– Это брод Заблуждений, – пояснила Цзин-хуань. – Глубиною он в десять тысяч чжанов, шириною в тысячу ли. Через него не переправишься ни в какой лодке, кроме деревянного плота, которым правит Деревянный кумир, а толкает шестом Служитель пепла. Они не берут в награду ни золото, ни серебро и перевозят только тех, кому уготована счастливая судьба. Ты забрел сюда случайно, и если утонешь на этом бросе, значит ты пренебрег моими наставлениями.

Не успела она произнести все это, как со стороны брода Заблуждений донесся шум, напоминающий раскат грома, толпа чертей и якш подхватила Бао-юя и увлекла вниз. От ужаса у него выступил холодный пот, и он закричал:

– Кэ-цин, спаси меня!

Перепуганная Си-жэнь и остальные служанки бросились к нему с возгласами:

– Бао-юй, не бойся – мы здесь!

В это время госпожа Цинь находилась тут же, она пришла просить служанок следить, чтобы кошки не разбудили Бао-юя. Услышав, что Бао-юй во сне зовет ее, она удивилась.

«Ведь мое детское имя здесь никто не знает! Как он его угадал?»

Что произошло потом, можно узнать из следующей главы.

Глава шестая, в которой будет рассказано о том, как чувство «облака и дождя» познал Цзя Бао-юй и как впервые в дом Жунго явилась бабушка Лю

Когда госпожа Цинь услышала, что Бао-юй произносит во сне ее детское имя, душой ее овладела какая-то печаль, но расспрашивать юношу о чем-либо она сочла неудобным.

Бао-юй, до сих пор находившийся в таком состоянии, словно он что-то потерял, постепенно пришел в себя и стал оправлять на себе одежду. Си-жэнь стала помогать ему завязывать пояс. Коснувшись случайно холодного липкого пятна у его бедра, она испуганно отдернула руку и не удержалась от возгласа:

– Откуда это?

Бао-юй покраснел и сжал ее руку.

Си-жэнь была девушка умная и возрастом на два года старше Бао-юя, поэтому она немного разбиралась в жизни. Заметив смущение Бао-юя, она догадалась, в чем дело, и стыдливый румянец невольно проступил через пудру на ее лице. Ей было неловко расспрашивать его, она только помогла ему одеться и повела к матушке Цзя. Она даже не помнила, как прошел ужин, и едва они вернулись к себе, сразу воспользовалась моментом, когда кормилиц и служанок поблизости не было, для того чтобы сменить Бао-юю нижнее белье.

– Добрая сестрица, – робко попросил ее Бао-юй, – ты уж об этом никому не говори!

Сдерживая смущение, Си-жэнь еле заметно улыбнулась.

– Ты почему... – произнесла она, сделала паузу и, оглядевшись вокруг, добавила: – Откуда это у тебя?

Бао-юй покраснел и ничего не ответил, а Си-жэнь смотрела на него и смеялась. Помедлив с минуту, он подробно рассказал Си-жэнь о том, что видел во сне.

Когда Бао-юй стал описывать чувство «облака и дождя», Си-жэнь от стыда опустила голову и закрыла лицо руками. Бао-юю всегда нравилось, что Си-жэнь так кротка и мила; набравшись храбрости, он привлек ее к себе и стал понуждать вместе совершить то, чему научила его фея Цзин-хуань.

Си-жэнь помнила, что Бао-юю ее отдала матушка Цзя и отказывать ему ни в чем нельзя, поэтому она для приличия немного пококетничала и, так как иного выхода не было, согласилась разок понежиться с Бао-юем... С тех пор Бао-юй стал смотреть на Си-жэнь совершенно по-иному, а Си-жэнь в свою очередь стала относиться к нему с еще большим вниманием и заботливостью. Однако об этом речь впереди.

Следует сказать, что во дворце Жунго вместе с хозяевами и слугами обитало более трехсот человек. Каждый день здесь происходили какие-нибудь события и что-нибудь случалось, жизнь походила на пучок пеньки, которую невозможно распутать. Вот и приходится ломать голову, с кого, с какого события начинать повествование.

Случилось так, что в один прекрасный день из-за тысячи ли, маленький, ничтожный, как горчичное зернышко, человечек, имеющий лишь отдаленные родственные связи с семьей Цзя, является во дворец Жунго. И пусть даже с него приходится начинать рассказ, все равно это даст нам в руки некую путеводную нить.

Семья, к которой принадлежал этот человек, носила фамилию Ван. Они были местными уроженцами, их дед служил мелким чиновником в столице и когда-то был знаком с дедом Фын-цзе – отцом госпожи Ван. Дед, завидуя славе и могуществу семьи Ван и желая извлечь выгоду, причислил себя к ее родственникам и сумел доказать, что он является племянником отца госпожи Ван. О существовании отдаленной родни не знал никто, кроме старшего брата

госпожи Ван – отца Фын-цзе да самой госпожи Ван, которая находилась тогда в столице и случайно об этом услышала.

Сам дед давно покинул этот мир, а его единственный сын по имени Ван Чэн разорился и переехал жить в деревню. Потом и Ван Чэн умер, оставив после себя сына, которого в детстве звали Гоу-эр. Гоу-эр женился на девушке из семьи Лю, и она родила ему сына, которого называли Бань-эр, и дочь – Цин-эр. Семья состояла из четырех человек, занимались они земледелием.

Так как Гоу-эр целыми днями работал, а его жена, урожденная Лю, занималась домашними делами, за детьми присматривать было некому, и Гоу-эр решил взять к себе в дом тещу – старуху Лю, которую все попросту называли бабушкой.

Бабушка Лю была вдовой, сыновей не имела и жила исключительно на те доходы, которые приносили ей два му тощей земли. Как же ей было не согласиться, если зять брал ее к себе?! Поселившись в доме, она стала усердно помогать дочери и зятю.

Когда окончилась осень и наступила зима с морозами, в доме еще не успели к ней подготовиться. Гоу-эр был крайне озабочен, выпил с горя несколько чашек вина и стал искать, на ком бы сорвать свой гнев. Жена не осмеливалась перечить ему, но бабушка Лю не утерпела и стала его упрекать:

– Ты уж, зятюшка, не прогневайся, что вмешиваюсь. Говоря по правде, кто из нас, деревенских, когда-нибудь ел вдоволь?! А ты еще мальчишкой привык за счет родителей пить и есть, сколько тебе вздумается, и сейчас, как появятся у тебя деньжата, смотришь на голову и не видишь хвоста, а нет денег – ни за что ни про что злишься и строишь из себя важного вельможу! Мы живем за городом, но все равно, что у ног Сына Неба. Ведь здесь, в столице, вся земля вымощена деньгами, да вы не умеете их брать! А дома устраиваете скандалы.

– А ты, старуха, только и знаешь, что сидеть на кане да молоть чушь! – буркнул Гоу-эр. – Прикажешь заниматься грабежом?

– Кто тебя посылает грабить? – проговорила бабушка Лю. – Было бы лучше, если б мы вместе пораскинули умом да нашли выход. Ты что думаешь, деньги сами потекут к тебе в карман?

– Если б это было возможно, чего бы я ждал до сих пор! – с холодной усмешкой произнес Гоу-эр. – Из моих родственников никто не служит сборщиком налогов, друзей-чиновников у меня тоже нет, что ж тут можно придумать?! А если б даже и были, не думаю, чтобы они захотели чем-нибудь помочь.

– Вот и не так, – возразила бабушка Лю. – «Человек предполагает, а Небо располагает». Давай поразмыслим, а там с помощью всемогущего Будды и счастливой судьбы, может быть, чего-нибудь и добьемся. Мне пришла в голову мысль. Когда-то твои предки были связаны с семьей Ван из Цзиньлина. Еще двадцать лет назад Ваны хорошо к вам относились, но вы все упорствуете, не хотите поддерживать с ними отношения, и, само собой, они отделились. Я помню, как мы с дочкой у них однажды были! Уж очень у них вторая барышня приветлива: с людьми умеет обращаться и не зазнается. Она вышла замуж за второго господина Цзя Ляня из дворца Жунго. Говорят, теперь она еще больше стала жалеть бедных и помогать старым, любит одаривать монахов и делать пожертвования в монастыри. Дом Ванов поднялся до высоких чинов, но я думаю, что вторая барышня нас не забыла. Почему тебе не пойти к ним? Может, она вспомнит прошлое, и нам будет польза. Нужно, чтобы она лишь проявила доброту: пусть оторвет от себя хоть волосок, для нас он будет толще поясицы!

– Поёшь ты красиво, мама! – вмешалась дочь. – Но только как могут такие, как мы, подойти к их привратнику? Боюсь, он не захочет даже доложить о нас. Стоит ли лезть на рожон?

Однако Гоу-эр горел таким желанием добиться богатства, что, едва услышал речи своей тещи, сердце его учащенно забилося.

– Раз бабушка так говорит и раньше видела старую госпожу, – рассудил он, – почему бы ей самой не пойти завтра и не разузнать, что и как?

– Ах-и-ах! – сказала бабушка. – Верно говорят: «В ворота знатной семьи пройти не легче, чем переплыть море»! Что я собой представляю? Меня там никто не знает, и если я пойду, пользы не будет.

– Пустяки, я дам тебе совет! – воскликнул Гоу-эр. – Сначала разыщи их слугу Чжоу, которого госпожа Ван, выходя замуж, взяла с собой из дому. Если ты с ним повидаться, он поможет тебе. Ведь господин Чжоу когда-то вел дела с моим отцом и был его другом.

– Это так, – согласилась бабушка Лю. – Но я давно там не была и не знаю, как у них дела. Конечно, тебе в таком виде не стоит туда являться, да и жене твоей не в чем показаться людям, так что, видимо, придется пойти мне, старухе, и Бань-эра с собой прихватить. Повезет – всем будет удача.

В тот вечер они обо всем договорились.

На следующее утро, как только забрезжил рассвет, бабушка Лю встала, причесалась, умылась и наказала Бань-эру, как он должен вести себя. Шестилетний мальчуган, услышав, что его берут в город, был согласен на все.

Держа Бань-эра за руку, бабушка Лю пришла с ним на ту улицу, где находились дворцы Жунго и Нинго. Возле каменных львов у ворот дворца Жунго стояли паланкины и лошади, и бабушка Лю не осмелилась приблизиться. Она сделала Бань-эру два-три наставления и нерешительно направилась к боковой калитке. Здесь она увидела нескольких людей, которые с важным видом сидели у входа и от нечего делать точили лясы.

– Желаю вам всяческого счастья, господа! – подковыляв к ним, произнесла бабушка Лю.

– Ты куда? – смерив ее пристальным взглядом, спросили те.

– Мне нужен господин Чжоу Жуй, слуга из дома здешней госпожи, – улыбнулась бабушка Лю. – Может быть, кто-нибудь из вас будет так добр и попросит его выйти?

Никто из сидящих не обратил внимания на просьбу старухи, лишь после некоторого молчания один из них сказал:

– Постой у того угла, скоро из их дома кто-нибудь выйдет.

– Какая надобность задерживать ее, – вмешался в разговор один старик и, обращаясь к бабушке Лю, добавил: – Господин Чжоу ушел куда-то в южном направлении, дома осталась его жена. Живут они на другой половине дворца, зайди с задней улицы и там спроси!

Бабушка Лю поблагодарила старика, взяла Бань-эра за руку и направилась к задним воротам дворца Жунго.

У ворот отдыхало несколько лоточников, толпились торговцы снедью, игрушечники, между ними шныряло десятка два-три мальчишек, стоял невообразимый шум и гам.

– Скажи-ка, братец, госпожа Чжоу дома? – спросила бабушка Лю, остановив одного из мальчишек.

– Какая госпожа Чжоу? – лукаво подмигнув, осведомился мальчишка. – У нас их несколько – какую вам надо?

– Жену того самого слуги, что из дома здешней госпожи.

– Ах, эту! – воскликнул мальчишка. – Идемте со мной!

Он повел старушку во двор и указал рукой на дом, стоявший у дворцовой стены.

– Вот, – сказал он и затем крикнул: – Матушка Чжоу, тебя ищет почтенная старушка!

– Кто такая? – тотчас же отозвалась жена Чжоу Жуя, торопливо выходя из дому.

Бабушка Лю двинулась ей навстречу и с улыбкой приветствовала ее:

– Тетушка Чжоу! Как поживаете?

Жена Чжоу Жуя всматривалась в нее, что-то припоминая, потом вдруг на губах ее появилась улыбка.

– Это ты, бабушка Лю? – воскликнула она. – Здравствуй! Подумай только, несколько лет мы с тобой не видались, и я тебя совсем забыла! Входи, пожалуйста!

– Вы, как и все знатные люди, обо многом забываете, – заметила бабушка Лю, следуя за ней. – Где уж вам помнить о нас?!

Разговаривая, они вошли в комнату. Служанка жены Чжоу Жуя подала чай.

– Это Бань-эр такой большой? – удивилась жена Чжоу Жуя.

Поболтав с гостьей, она осведомилась, как попала сюда бабушка Лю – просто заглянула по пути или пришла по какому-нибудь делу.

– Собственно, пришла вас навестить, – отвечала бабушка Лю, – да справиться о здоровье старой госпожи. Если сможете провести меня к ней – хорошо; не сможете – тогда просто передайте от меня поклон.

Услышав это, жена Чжоу Жуя отчасти догадалась о цели прихода бабушки Лю. И лишь потому, что некогда ее муж благодаря помощи отца Гоу-эра успешно выиграл дело с покупкой земли, а сейчас бабушка Лю оказалась в таком положении, она сочла неудобным отказывать старухе; кроме того, она не прочь была показать бабушке Лю влияние и уважение, которыми пользовалась в доме.

– Разве можно отказать в лицезрении Будды богомольцу, пришедшему с искренними намерениями?! – улыбнулась она. – Откровенно говоря, я не ведаю приемом гостей и всех, приходящих по делам. У нас здесь каждый занимается своим делом. Мой муж собирает только арендную плату, а в свободное время сопровождает молодых господ, когда они выходят из дому. Я же сопровождаю только старых господ. Поскольку ты родственница госпожи и считаешь меня человеком достойным доверия, я нарушу обычай и замолвлю за тебя словечко. Только хочу тебя предупредить об одном: у нас теперь совсем не так, как было лет пять назад. Сама госпожа уже делами не занимается, всем хозяйством управляет вторая госпожа Цзя Лянь. Ты представляешь себе, кто эта вторая госпожа Цзя Лянь? Племянница госпожи, дочь ее старшего брата по материнской линии. Ее детское имя – Фын-цзе.

– Так это, оказывается, она? – воскликнула бабушка Лю. – Вот замечательно! Я давно говорила, что из нее выйдет толк! Нельзя ли мне сегодня с ней повидаться?

– Само собой, – согласилась жена Чжоу Жуя. – Нынче, если к нам приходят гости, только барышня Фын-цзе их принимает. Тебе даже лучше встретиться с ней, а не с самой госпожой – тогда ты сможешь считать, что приходила не зря.

– Амитофо! – произнесла бабушка Лю. – Теперь все зависит от вас, тетушка!

– Да что ты, бабушка! – возразила жена Чжоу Жуя. – Верно говорится в пословице: «Помоги людям, и они тебе помогут». Только делай так, как я тебе говорю, а мне от этого хлопот никаких.

Жена Чжоу Жуя тут же послала девочку-служанку осторожно разузнать, подавали ли обед старой госпоже.

Пока служанки не было, женщины продолжали беседу.

– Ведь барышне Фын-цзе нынче, наверное, исполнилось лет восемнадцать-девятнадцать, – говорила бабушка Лю. – Редко кто может в таком возрасте вести хозяйство такой огромной семьи!

– Ах, бабушка, не знаю, что и сказать тебе, – ответила жена Чжоу Жуя. – Госпожа Фын-цзе и вправду молода годами, но управляется с такими делами, что не каждому взрослому под силу! И какая она красавица! Мало того, что привлекательна, еще и на язык остра! Поставь тут сразу хоть десять мужчин, умеющих поговорить, все равно она их переговорит! Погоди, увидишься с ней – сама убедишься. Одно плохо – чересчур она строга со слугами.

Тут вернулась девочка-служанка и сообщила жене Чжоу Жуя:

– Старой госпоже подали обед в ее комнату, а вторая госпожа Фын-цзе находится в комнате у госпожи.

Услышав это, жена Чжоу Жуя встала и заторопила бабушку Лю:

– Скорее идем! Она свободна только во время обеда. Уж лучше мы там немного ее подождем. Стоит чуть опоздать, как к ней начнут приходить с разными делами, и не удастся поговорить. А если она ляжет отдыхать, тогда и подавно ничего не выйдет.

Женщины сошли с кана, оправили на себе одежду, бабушка Лю сделала еще несколько наставлений Бань-эру и следом за женой Чжоу Жуя поплелась к дому, где жил Цзя Лянь.

Оставив старушку ожидать, жена Чжоу Жуя обогнула каменный экран перед воротами и скрылась во дворе. Зная, что Фын-цзе еще не приходила, она сначала разыскала ее доверенную служанку по имени Пин-эр, рассказала ей о бабушке Лю и в заключение добавила:

– Старушка пришла издалека, чтобы узнать о здоровье госпожи. В прежние годы госпожа часто ее принимала, поэтому я и осмелилась привести ее сюда. Когда придет вторая госпожа, я ей все подробно расскажу, – надеюсь, она не прогневается на меня за мою дерзость.

– Что ж, пусть войдет и посидит здесь, – после некоторого раздумья решила Пин-эр.

Жена Чжоу Жуя вышла и вскоре привела бабушку Лю и Бань-эра. Когда они взойшли на крыльцо, девочка-служанка откинула перед ними ярко-красную дверную занавеску. Едва бабушка Лю переступила порог зала, в лицо ей пахнул какой-то неведомый аромат, и ей показалось, будто она плавает в облаках.

Вещи, стоявшие в зале, сверкали одна ярче другой, их блеск ослеплял глаза: от него кружилась голова и рябило в глазах. Бабушка Лю только одобрительно кивала головой, причмокивала губами да поминала Будду.

Миновав зал, они попали в комнату, расположенную в восточной стороне дома, где находилась спальня дочери Цзя Ляня. Пин-эр, стоявшая возле кана, окинула бабушку Лю внимательным взглядом, поздоровалась с ней и предложила сесть.

При виде Пин-эр, одетой в шелка, украшенной золотыми и серебряными украшениями и прекрасной, как цветок, бабушка Лю решила, что это и есть Фын-цзе, и уже хотела назвать ее «уважаемой госпожой», как жена Чжоу Жуя сказала:

– Это барышня Пин-эр.

Только услышав, что Пин-эр в ответ назвала жену Чжоу Жуя «матушкой Чжоу», старушка поняла, что перед нею всего лишь служанка, пользующаяся доверием своей госпожи.

Предложив бабушке Лю и Бань-эру сесть на кан, Пин-эр и жена Чжоу Жуя присели напротив их. Служанки тотчас подали чай.

Вдруг бабушка Лю услышала шум и шипение, словно кто-то просеивал муку через сито, и она невольно стала оглядываться по сторонам. В глаза ей бросился какой-то ящик, висевший на колонне, а под ним – похожий на весовую гирию предмет, который все время равномерно раскачивался.

«Что это? – подумала про себя бабушка Лю. – Для чего этот ящик?»

Пока она дивилась, неожиданно раздался звук «дан-н», словно ударили в медный колокол, и бабушка Лю испуганно вытаращила глаза. Но тут же последовало еще восемь или девять ударов.

Ей захотелось спросить, что все это значит, но она заметила, что служанки вдруг засуетились, забежали, послышались возгласы:

– Госпожа идет!..

Пин-эр и жена Чжоу Жуя проворно встали, предупредив бабушку Лю:

– Сиди пока здесь. Когда нужно будет, мы тебя позовем.

С этими словами они поспешили навстречу госпоже.

Затаив дыхание, бабушка Лю прислушивалась к голосам, доносившимся из-за двери. Ей показалось, что десять или двадцать женщин, шурша шелковыми платьями и юбками, смеясь и разговаривая между собой, прошли через зал и скрылись в боковой комнате. Затем появились еще три женщины с темно-красными лаковыми ларцами в руках и остановились неподалеку

от входа в ту комнату, где сидела бабушка Лю. С противоположной стороны зала слышался голос: «Подавайте!» Все сразу исчезли, осталось лишь несколько служанок, разносивших чай.

Наступила мертвая тишина. Через некоторое время две женщины внесли столик, уставленный мясными и рыбными блюдами, и поставили его на кан. Некоторые чашки и тарелки на нем были нетронутыми, из других взято понемногу.

При виде кушаний Бань-эр раскапризничался, заявил, что хочет мяса, и бабушка вынуждена была дать ему шлепка.

Вдруг в дверях появилась улыбающаяся жена Чжоу Жуя и рукой поманила бабушку Лю. Та быстро спустилась с кана и вышла в зал. Жена Чжоу Жуя что-то прошептала ей на ухо, и бабушка Лю заковыляла к дверям комнаты на противоположной стороне.

Перед дверью на медных крючках висела мягкая узорчатая занавеска, в глубине комнаты под окном, выходящим на южную сторону, находился кан, застланный красным ковром, а на нем, у восточной стены, лежала подушка, какие обычно подкладывают под спину, подушка для сидения, матрац, сверкавший золотым шитьем, и серебряная плевательница.

Фын-цзе в соболиной шапочке Чжао-цзюнь, в темно-зеленой шелковой на беличьем меху шубке с жемчужным поясом, в отороченной горностаем темно-красной креповой юбке, густо наруганная и напудренная, сидела в комнате и бронзовыми щипцами разгребала золу в жаровне для согревания рук. Возле кана стояла Пин-эр с лаковым чайным подносом в руках, на котором была лишь одна маленькая чашечка с крышкой.

Не поднимая головы и по-прежнему занимаясь разгребанием золы, Фын-цзе медленно спросила:

– Еще не пригласили?

Она подняла голову и протянула руку, чтобы взять чай с подноса. И в тот же момент заметила, что перед нею стоят старуха и мальчик, которых привела жена Чжоу Жуя. Фын-цзе сделала движение, собираясь встать. Лицо ее сразу приняло ласковое выражение, она поинтересовалась здоровьем бабушки Лю, а затем повернула голову и недовольным тоном сказала жене Чжоу Жуя:

– Что же ты сразу мне не сказала!

Бабушка Лю несколько раз низко поклонилась и осведомилась, как чувствует себя уважаемая госпожа.

– Сестра Чжоу, поддержи ее, пусть она не кланяется, – попросила Фын-цзе. – Ведь я с ней незнакома, не знаю, кем она мне приходится по старшинству, и даже не решаюсь именовать ее!

– Это та самая бабушка, о которой я только что вам докладывала, – поспешно сказала жена Чжоу Жуя.

Фын-цзе кивнула головой.

Бабушка Лю присела на край кана, а Бань-эр спрятался у нее за спиной, и никакими уговорами нельзя было заставить его выйти оттуда и поклониться.

– Оказывается, родственники не очень охотно поддерживают с нами связь, – с улыбкой заметила Фын-цзе. – Те, кто в курсе дела, говорят, что вы нас недолюбливаете, поэтому не хотите к нам приходить. Те же, кто ничего не понимает, уверяют, что это мы относимся с пренебрежением к вам.

Еще раз помянув про себя Будду, бабушка Лю сказала:

– Нам дома и так тяжело приходится, денег на дорогу нет, когда нам думать о визитах?! Сюда ходить – только унижать вас да себя ставить в смешное положение перед слугами.

– Ты нас обижаешь, бабушка, – улыбнулась Фын-цзе. – Мы ведь люди бедные, живем только славой предков. Кто из нас имеет что-нибудь? Наше богатство – только видимость! Недаром пословица гласит: «При императорском дворе всегда найдется три ветви бедных родственников». А что уж говорить о нас с вами?! Ты докладывала госпоже? – внезапно спросила Фын-цзе, обращаясь к жене Чжоу Жуя.

– Ждала ваших указаний, – ответила та.

– Поди погляди, – наказала ей Фын-цзе. – Если там кто-либо есть, не говори ничего, а если госпожа одна – доложи ей и послушай, что она скажет.

Жена Чжоу Жуя почтительно кивнула и вышла.

Между тем Фын-цзе велела дать Бань-эру фруктов, и едва успела спросить бабушку Лю о кое-каких пустяках, как появилась целая толпа экономок с разными хозяйственными делами. Пин-эр доложила об этом Фын-цзе.

– Я занята с гостями, – ответила Фын-цзе, – пусть приходят вечером. Если у них что-нибудь особо важное,пусти!

Пин-эр вышла, но через минуту вернулась обратно:

– Я опросила их – ничего важного нет. Я их пока отпустила.

Фын-цзе одобрительно кивнула.

Вскоре вернулась жена Чжоу Жуя и обратилась к Фын-цзе:

– Госпожа говорит: «Сегодня у меня нет времени. Пусть примет вторая госпожа – все равно. Премного благодарна за внимание. Если бабушка пришла по какому-нибудь делу – пусть скажет второй госпоже».

– Нет, нет, – заторопилась старушка. – Я просто хотела повидаться с госпожой да со второй госпожой – ведь это долг родственников.

– Нечего сказать – ладно, – вставила жена Чжоу Жуя. – А если есть – говори второй госпоже, это все равно что обратиться к самой госпоже.

С этими словами она подмигнула бабушке Лю. Старушка покраснела. Она уже раскаивалась, что пришла, но делать было нечего, и, собравшись с духом, она произнесла:

– Откровенно, мне не следовало ничего говорить, поскольку я попала сюда впервые. Но так как я пришла издалека, все же придется сказать...

Тут ее прервал голос служанки, донесшийся от вторых дверей:

– Пришел молодой господин из восточного дворца Нинго.

– погоди! – махнув рукой бабушке Лю, сказала Фын-цзе и вслед за тем спросила: – Это ты?

Заскрипели сапоги, и в двери показался стройный юноша лет семнадцати-восемнадцати с прекрасным, чистым лицом, в роскошной одежде и расшитом головном уборе. На нем была легкая шубка, подпоясанная драгоценным поясом.

Бабушка Лю не знала, нужно ли ей встать, хотелось спрятаться, но было некуда.

– Сиди, – спокойно сказала ей Фын-цзе, – это мой племянник.

Бабушка Лю робко подвинулась на край кана.

Цзя Жун, осведомившись о здоровье Фын-цзе, обратился к ней со словами:

– Отец прислал меня к вам с просьбой, тетя! Завтра у нас будут важные гости, и он просит у вас на время стеклянную ширму, которую прислала вам жена дяди. Как только гости уйдут, мы вам ее вернем.

– Опоздал, – усмехнулась Фын-цзе, – я еще вчера ее отдала.

Цзя Жун, хихикая, оперся коленями о край кана и стал просить:

– Тетушка, не откажите в просьбе, а то отец опять скажет, что я не умею разговаривать с людьми, и задаст мне трепку. Пожалейте меня, добрая тетя!

– Что вы ни увидите, все вам надо! – засмеялась Фын-цзе. – Прямо хоть ничего не показывай, не то потом покоя не будет!

– Умоляю вас, тетя, сделайте милость! – продолжал упрашивать Цзя Жун.

– Ладно! – уступила Фын-цзе. – Но если разобьешь – берегись!

Она приказала Пин-эр принести ключ от верхней комнаты и позвать служанок, чтобы они помогли Цзя Жуну отнести ширму.

– Я привел своих людей! – просяив от радости, сказал Цзя Жун. – Не беспокойтесь, они не разобьют!

С этими словами Цзя Жун бросился к выходу. Словно о чем-то вспомнив, Фын-цзе крикнула ему вслед:

– Цзя Жун, вернись!

Несколько голосов за окном тотчас же подхватило:

– Господина Цзя Жуна просят вернуться!

Цзя Жун с веселым видом вернулся обратно и стал ждать, что ему прикажут. Фын-цзе неторопливо прихлебывала чай, долго о чем-то думала, потом вдруг залилась румянцем и улыбнулась:

– Ну ладно, иди! Поговорим после ужина. У меня люди, да и я устала.

Цзя Жун кивнул и, еле сдерживая улыбку, удалился.

Бабушка Лю после этого немного успокоилась и сказала:

– Я привела твоего племянника. Отец его голодает, сейчас наступили холода, и пришлось обратиться к тебе. Как тебя отец учил? – Она вдруг с ожесточением ткнула Бань-эра в бок и добавила: – За чем он нас послал? Только и знаешь, что есть фрукты!

С первых же слов старушки Фын-цзе поняла, что она не умеет вести учтивые разговоры.

– Можешь не объяснять, я все поняла, – прервала она старуху, а затем, обращаясь к жене Чжоу Жуя, спросила: – Бабушка уже ела?

– Мы пришли сюда спозаранку, – поторопилась вставить бабушка Лю, – откуда у нас могло быть время поесть!

– Живо накормите ее! – распорядилась Фын-цзе.

Жена Чжоу Жуя тотчас накрыла в восточной комнате стол и повела туда бабушку Лю и Бань-эра.

– Сестра Чжоу, угости их получше, – напутствовала Фын-цзе, – жаль, что я не могу составить им компанию.

Через некоторое время она снова позвала жену Чжоу Жуя и спросила:

– Ты докладывала госпоже? Что она говорит?

– Госпожа говорит, что дело не в том, что они наши родственники, а в том, что когда-то их дед служил с нашим старым господином и они были друзьями, – ответила жена Чжоу Жуя. – Только в последние годы они не поддерживали с нами никаких связей. Но так как в прежние времена они никогда не уходили от нас с пустыми руками, то и сейчас, когда бабушка пришла с добрыми намерениями, надо быть внимательнее к ней. Если же она явилась по какому-нибудь делу, госпожа велит вам самой распорядиться.

– Странно все же, – выслушав ее, недоверчиво произнесла Фын-цзе. – Если они наши родственники, почему я даже с виду их не знаю?

Пока между ними происходил этот разговор, бабушка Лю успела поесть и вновь появилась в комнате с Бань-эром. Облизываясь и причмокивая губами, она без конца благодарила Фын-цзе.

– Ладно, – засмеялась Фын-цзе, – садись и послушай, что я тебе скажу. Я знаю, что вам надо. Если уж говорить по-родственному, нам не следовало ждать, пока вы к нам придете, а самим о вас позаботиться. Только вот у нас в доме без того дел много, госпожа уже в летах и всего, разумеется, упомнить не может. Сейчас хозяйством ведаю я, но и я не всех родственников знаю. К тому же лишь со стороны кажется, будто мы живем роскошно, на самом деле никто не знает, что и у богатых бывают большие затруднения, только об этом приходится молчать, так как все равно никто не поверит. Но раз уж ты пришла издалека и разговариваешь со мной впервые, я не могу отпустить тебя с пустыми руками. К счастью, двадцать лян серебра, которые мне вчера дала госпожа на одежду служанкам, еще не тронуты, и ты можешь взять их, если тебе этого не покажется слишком мало, и израсходовать по своему усмотрению.

Сначала, когда Фын-цзе повела речь о затруднениях, бабушка Лю совсем потеряла надежду что-либо получить, но, услышав, что ей дают двадцать лян серебра, вся засияла от радости.

– Мы тоже знаем, что такое затруднения, – вставила она. – Но только есть верная пословица: «Самый тощий верблюд все же больше лошади». Как там ни говорите, а если вы оторвете от себя один волосок, он все равно окажется толще нашей поясницы!

Жена Чжоу Жуя, стоявшая рядом и слушавшая грубые, неуклюжие выражения бабушки Лю, тайком делала ей знаки замолчать.

Фын-цзе, не слушая излияний старухи, приказала Пин-эр принести вчерашний сверток с серебром, взять еще связку монет и все это отдать бабушке Лю.

– Эти двадцать лян, – сказала Фын-цзе, – истрать на покупку зимней одежды детям. Заходи в свободное время – так будет по-родственному. Ну ладно, уже поздно, не стану тебя задерживать. Передай от меня поклон всем вашим!

С этими словами она встала. Бабушка Лю, рассыпаясь в благодарностях, вышла из комнаты следом за женой Чжоу Жуя.

– Матушка ты моя! – начала возмущаться жена Чжоу Жуя. – Пришла к ней, а сама-то и сказать ничего толково не умеешь! Не успела рот раскрыть, как сразу «твой племянник». Я тебе скажу прямо, даже если ты и обидишься: пусть это был бы хоть ее родной племянник, все равно следовало выражаться повежливее. Настоящий ее племянник – это господин Цзя Жун, а этот откуда еще выскочил?

– Ах, тетушка, – засмеялась бабушка Лю, – когда я ее увидела, сразу растерялась! Где там было думать о вежливых выражениях?!

Разговаривая между собой, обе женщины вернулись в дом Чжоу Жуя и посидели еще немного. Бабушка Лю хотела оставить жене Чжоу Жуя один лян серебра на гостинцы детям, но жена Чжоу Жуя наотрез отказалась его взять.

Бабушка Лю еще раз поблагодарила ее и наконец ушла тем же путем, каким пришла.

Если вы не знаете о том, что произошло дальше, загляните в следующую главу.

Глава седьмая, повествующая о том, как Цзя Лянь развлекался с женой, когда принесли цветы, и как Бао-юй во дворце Нинго познакомился с Цинь Чжуном

Проводив бабушку Лю, жена Чжоу Жуя отправилась к госпоже Ван, но ее не оказалось дома. Служанки сказали, что она ушла к тетушке Сюэ.

Жена Чжоу Жуя вышла через восточную калитку, миновала восточный дворик и направилась во «двор Душистой груши». Подойдя к воротам, она увидела на крыльце дома служанку госпожи Ван по имени Цзинь-чуань, которая играла с какой-то девочкой.

При виде жены Чжоу Жуя они сразу умолкли, понимая, что она пришла о чем-то доложить госпоже.

Жена Чжоу Жуя осторожно приподняла занавеску на дверях и увидела госпожу Ван, которая сидела напротив тетушки Сюэ и беседовала с нею о семейных делах.

Жена Чжоу Жуя не посмела потревожить женщин и незаметно прошла внутрь дома. Бао-чай, одетая по-домашнему, с собранными в узел на макушке густыми волосами, сидела на краю кана, склонившись над столиком, и вместе со служанкой Ин-эр переснимала узоры для вышивания. При появлении жены Чжоу Жуя она опустила кисть и с улыбкой сказала:

– Садитесь, пожалуйста, сестра Чжоу.

– Как вы себя чувствуете, барышня? – тоже улыбаясь, осведомилась жена Чжоу Жуя и присела на кан. – Уже несколько дней я замечаю, что вы не приходите к нам. Не обидел ли вас старший брат Бао-юй?

– Что вы! Что вы! – засмеялась Бао-чай. – Просто ко мне вернулась старая болезнь, и пришлось два дня полежать.

– В самом деле? – спросила жена Чжоу Жуя. – Чем же вы больны, барышня? Надо сейчас же позвать лекаря! Ведь заболеть в детстве – не шутка!

– Ох, не напоминайте! – махнула рукой Бао-чай. – И каких только врачей ни приглашали, каких только лекарств я ни пила, а улучшения никакого – только деньги зря потратили. И вдруг случайно попал в наши края один монах, умеющий исцелять от всяких неизвестных болезней. Его пригласили ко мне, он осмотрел меня и сказал, что это горячка, которую я принесла из чрева матери, но, так как я в прежней своей жизни была здорова, болезнь для меня не опасна. А от пилюль, добавил он, пользы не будет. Затем он дал мне рецепт какого-то чудесного порошка и целебного настоя, которым порошок надо запивать, и поручился, что, если это лекарство один раз выпить во время приступа, все сразу пройдет. И как ни странно – его средство помогло!

– Вы не запомнили этот рецепт? – спросила жена Чжоу Жуя. – Мы бы тоже записали его на случай, если кому-нибудь понадобится. Может быть, кто заболеет такой же болезнью, так мы сможем сделать доброе дело.

– Уж лучше бы вам и не спрашивать о рецепте, – проговорила Бао-чай. – Он такой сложный, что, пока приготовишь лекарство, можно несколько раз умереть! Правда, снадобий, которые входят в состав этого лекарства, немного, и имеются они повсюду, но достать их трудно – тут, как говорится, должна быть «удача». Прежде всего, надо собрать двенадцать лян тычинок и пестиков белого пиона, распускающегося весной, двенадцать лян тычинок и пестиков цветка белой лилии, распускающейся летом, двенадцать лян тычинок и пестиков цветка белого лотоса, распускающегося осенью, и двенадцать лян тычинок и пестиков цветка сливы, распускающейся зимой. На следующую весну во время Чунь-фын нужно высушить эти тычинки

и пестики, смешать с лекарством и растереть в порошок. Затем еще необходимо двенадцать цяней³⁹ дождевой воды, собранной в период Юй-шуй...

– Ай-я-я! – засмеялась жена Чжоу Жуя. – На все это потребуется не меньше трех лет! Ну а как быть, если в период Юй-шуй не будет дождя?

– В том-то и дело! Откуда вовремя взять дождь? – с улыбкой согласилась Бао-чай. – Тогда придется ждать следующего года. Кроме того, требуется еще двенадцать цяней росы, которая выпадает в период Бай-лу, двенадцать цяней инея в период Шуан-цзян да двенадцать цяней снега, выпавшего в период Сяо-сюэ. Все эти четыре вида воды надо слить вместе, развести в ней порошок, потом скатать пилюли величиною с глаз дракона, положить их в старый фарфоровый кувшин и зарыть в землю под корнями цветов. Как только начинается приступ, надо проглотить одну пилюлю, запив ее отваром из кипариса.

– Амитофо! – воскликнула жена Чжоу Жуя. – Тут и в самом деле умереть можно! Всего этого и за десять лет, пожалуй, не соберешь!

– Мне все-таки посчастливилось достать все необходимое и кое-как составить лекарство! – сказала Бао-чай. – Я привезла его с собой сюда и закопала под грушей.

– Как называется это лекарство? – снова спросила жена Чжоу Жуя.

– Тот монах сказал мне, что называется оно «пилюли холодного аромата», – ответила Бао-чай.

– Каковы признаки болезни?

– Особых признаков нет – просто начинается кашель, – пояснила Бао-чай. – Стоит проглотить одну пилюлю, и все проходит.

Жена Чжоу Жуя хотела спросить еще о чем-то, но в этот момент послышался голос госпожи Ван:

– Кто здесь?

Жена Чжоу Жуя тотчас отозвалась, вышла к госпоже Ван и доложила ей о том, как приняли бабушку Лю.

Госпожа Ван молчала, поэтому жена Чжоу Жуя немного подождала и уже собралась уходить, как вдруг к ней обратилась тетушка Сюэ:

– Погоди немного, я тебе кое-что дам – отнесешь, – сказала она и позвала: – Сян-лин!

Зашуршала занавеска, и на пороге появилась та самая девочка, которая на крыльце играла с Цзинь-чуань в тот момент, когда пришла жена Чжоу Жуя.

– Вы меня звали, госпожа? – спросила она.

– Дай сюда цветы, что в той шкатулке, – велела ей тетушка Сюэ.

Сян-лин тотчас почтительно поднесла ей маленькую обтянутую парчой шкатулочку.

– Это новые образцы цветов из тонкого шелка, которые недавно сделали при дворе, – пояснила тетушка Сюэ. – Здесь ниткой связано в пучок двенадцать штук. Вчера мне пришло в голову, что они лежат без толку и только портятся. Лучше отдать их сестрам – пусть носят. Хотела послать еще вчера, но потом позабыла. Раз уж ты пришла, захвати их! У вас там три барышни, ты каждой дай по два цветка, а из шести оставшихся два отдашь барышне Линь Дай-юй и четыре отнесешь Фын-цзе.

– Оставьте для Бао-чай, – напомнила ей госпожа Ван.

– Ах, госпожа, – сказала тетушка Сюэ, – Бао-чай какая-то странная: не любит ни цветов, ни пудры.

Жена Чжоу Жуя взяла шкатулку и вышла из дому. Цзинь-чуань сидела на прежнем месте и грелась на солнце.

– Так Сян-лин и есть та самая служанка, которую купили перед отъездом в столицу? – спросила у нее жена Чжоу Жуя. – Это из-за нее был суд по делу об убийстве?

---

³⁹ Цянь – мера веса, равная 3,7 грамма.

– А то как будто из-за кого другого! – неохотно ответила Цзинь-чуань.

В это время, хихикая, подошла Сян-лин. Жена Чжоу Жуя взяла ее за руку, внимательно оглядела с головы до ног, а затем обратилась к Цзинь-чуань и сказала:

– С виду она чем-то напоминает жену господина Цзя Жуна из восточного дворца Нинго.

– То же самое и я говорила, – подтвердила Цзинь-чуань.

– Где твои родители? – спросила у Сян-лин жена Чжоу Жуя. – Сколько тебе было лет, когда ты попала в семью Сюэ? Откуда ты родом?

– Я ничего не помню, – в ответ покачала головой Сян-лин.

Жена Чжоу Жуя и Цзинь-чуань вздохнули. Затем жена Чжоу Жуя отправилась на внутреннюю половину дворца Жунго, где жила госпожа Ван.

Не так давно матушка Цзя заявила, что с нею живет слишком много внучек, всем вместе тесно и неудобно. Оставив у себя только Бао-юя и Дай-юй, чтобы не было так скучно, она распорядилась переселить Ин-чунь, Тань-чунь и Си-чунь во флигель рядом с домом госпожи Ван, а Ли Вань получила повеление находиться с девушками и присматривать за ними. Вот почему жена Чжоу Жуя попутно решила зайти сначала сюда.

В передней молча сидело несколько девочек-служанок, ожидая, когда их позовут. Вскоре дверная занавеска отодвинулась, и из внутренних покоев вышли Сы-ци – служанка Ин-чунь, и Ши-шу – служанка Тань-чунь, в руках у них был поднос с чайными чашками. Жена Чжоу Жуя поняла, что сестры сейчас вместе, и вошла к ним.

Ин-чунь и Тань-чунь играли в облавные шашки. Жена Чжоу Жуя поднесла им цветы и объяснила, откуда они. Девушки прервали игру, привстали, поблагодарили ее и велели служанкам принять подарок.

– Четвертой барышни Си-чунь нет дома? – спросила жена Чжоу Жуя. – Она, наверное, у старой госпожи?

– А разве ее нет в той комнате? – удивились служанки.

Жена Чжоу Жуя прошла в боковую комнату и увидела Си-чунь, которая о чем-то болтала с Чжи-нэн, монашенкой из буддийского монастыря Шуйюэ. При появлении женщины Си-чунь осведомилась о причине ее прихода. Жена Чжоу Жуя открыла перед ней шкатулку.

– Я только что говорила Чжи-нэн, что завтра тоже обрею себе голову и вместе с нею уйду в монастырь, – засмеялась Си-чунь. – И тут как раз присылают цветы! Если бы я уже обрила голову, как бы я их носила?

При этих словах все засмеялись. Си-чунь приказала служанке принять цветы.

– Ты давно ли здесь? – спросила у Чжи-нэн жена Чжоу Жуя. – Куда девалась твоя настоятельница, эта «Лысая греховодница»?

– Мы пришли рано поутру, – ответила Чжи-нэн. – Моя настоятельница повидалась с госпожой, а затем отправилась к почтенному господину Юю, велев мне дожидаться ее здесь.

– Пятнадцатого числа вы получили приношения на благовонные курения? – снова обратилась к девочке жена Чжоу Жуя.

– Не знаю, – промолвила Чжи-нэн.

– Кто теперь ведает ежемесячными денежными приношениями в храмы? – неожиданно спросила Си-чунь у жены Чжоу Жуя.

– Юй Синь, – ответила та.

– Так и есть, – усмехнулась Си-чунь. – То-то я смотрю, не успела настоятельница прийти, как жена Юй Синя догнала ее, и они долго о чем-то шушукались. Наверное, по поводу денег.

Жена Чжоу Жуя еще немного побалагурила с Чжи-нэн, а затем отправилась к Фын-цзе. Следуя по узенькой тропинке, она миновала обвитую цветами решетку под окном Ли Вань, прошла через западную калитку и очутилась во дворе Фын-цзе. Здесь она заметила сидевшую на пороге зала маленькую служанку по имени Фын-эр, которая при приближении жены Чжоу Жуя махнула рукой, делая ей знак идти прямо в восточную комнату.

Жена Чжоу Жуя поняла и незаметно проскользнула в восточную комнату. Там сидела кормилица и баюкала Да-цзе.

– Вторая госпожа спит? – спросила жена Чжоу Жуя. – Наверное, ее пора будить.

Кормилица криво улыбнулась и покачала головой. В этот момент в комнате рядом послышался приглушенный смех – это был голос Цзя Ляня. Вслед за тем скрипнула дверь, появилась Пин-эр с большим медным тазом и велела одной из служанок принести воды.

Заметив в комнате жену Чжоу Жуя, Пин-эр спросила:

– Зачем вы опять пришли?

Жена Чжоу Жуя поспешно встала и протянула шкатулку.

– Принесла цветы.

Пин-эр открыла шкатулку, взяла четыре цветка и удалилась. Вскоре она вернулась с двумя цветками в руке, сначала позвала Цай-мин и велела ей отнести цветы супруге господина Цзя Жуна во дворец Нинго, а затем приказала жене Чжоу Жуя поблагодарить тетю Сюэ за подарок.

Лишь после этого жена Чжоу Жуя отправилась к матушке Цзя. В проходном зале навстречу ей попала дочь, наряженная и напудренная, только что приехавшая из дома своего мужа.

– Ты зачем здесь? – спросила ее женщина.

– Как поживаешь, мама? – справилась дочь. – Я долго тебя ждала, а ты все не приходила! В чем дело? Неужели ты так занята, что и домой забежать некогда? Мне надоело сидеть одной, сначала я справилась о здоровье старой госпожи, а сейчас иду к госпоже Ван. У тебя есть какие-нибудь поручения, мама? Что у тебя в руках?

– Ах, сегодня, как нарочно, пришла бабушка Лю, – с улыбкой сказала жена Чжоу Жуя. – У меня и своих дел хватает, а тут еще с ней пришлось полдня возиться. Да и госпожа Сюэ велела разнести барышням цветы, а я до сих пор никак не могу их разнести. Ты, наверное, пришла по делу?

– Ты очень догадлива, мама! – ответила дочь. – Сразу сообразила! Говоря по правде, дело вот какое: твой зять недавно подвыпил и завел ссору с людьми, а те, неизвестно каким образом, донесли на него в ямынь, будто он занимается темными делами. Теперь его собираются выслать в деревню. Вот я и пришла посоветоваться с тобой и попросить помощи. Я не знаю, к кому обратиться, кто может уладить это дело.

– Я знаю, – кивнула жена Чжоу Жуя. – Только неужели дело настолько важное, что нужно так торопиться? Иди домой и жди меня там, я отнесу цветы барышне Линь Дай-юй и мигом вернусь. У госпожи и у второй госпожи все равно сейчас нет свободного времени.

Дочь направилась к дому, но на ходу обернулась и добавила:

– Мама, приходи скорее!

– Ладно, – бросила в ответ жена Чжоу Жуя. – Такие людишки, как вы, неопытны в делах, поэтому и волнуются!

С этими словами она вошла в дом, где жила Дай-юй.

Случилось так, что Дай-юй в комнате не оказалось, она находилась у Бао-юя, где они вместе играли в «цепь из девяти колец».

Жена Чжоу Жуя прошла туда и сказала Дай-юй:

– Барышня Линь, госпожа Сюэ прислала вам цветы.

– Какие цветы? – услышав голос жены Чжоу Жуя, торопливо спросил Бао-юй. – Дай-ка мне посмотреть!

Он протянул руку и взял шкатулку: в ней оказалось два новых шелковых искусственных цветка, какие обычно делали при императорском дворе.

Поглядев на цветы, которые Бао-юй держал в руке, и даже не притронувшись к ним, Дай-юй поинтересовалась:

– Это только мне прислали или другим барышням тоже?
– Другим я уже отнесла, – ответила жена Чжоу Жуя, – а эти два цветка – ваши.
– Я же знаю, – холодно усмехнулась Дай-юй, – пока все другие не выберут, мне не достанется.

Жена Чжоу Жуя молчала, не смея произнести ни слова.

– Сестра Чжоу, а ты зачем ходила к тетушке Сюэ? – спросил Бао-юй.

– Ваша матушка была там, и я пошла доложить кое о чем, – сказала жена Чжоу Жуя, – попутно госпожа Сюэ поручила мне отнести эти цветы.

– Что поделявает сестра Бао-чай? – поинтересовался Бао-юй. – Что это она уже несколько дней не показывается?

– Ей нездоровится, – ответила жена Чжоу Жуя.

Услышав это, Бао-юй сразу обратился к служанкам со словами:

– Кто пойдет ее навестить? Скажите, что мы с сестрицей Линь Дай-юй прислали справиться о здоровье тетушки и сестры Бао-чай. И расспросите, чем больна сестра, какое принимает лекарство. Говоря по правде, мне самому следовало бы пойти к ней, но вы уж скажите, что я только что пришел из школы и немного простудился, так что приду в другой раз.

Цянь-сюэ кивнула и вышла. Жена Чжоу Жуя тоже удалилась. Но больше об этом мы рассказывать не будем.

Надо вам сказать, что зятем жены Чжоу Жуя был Лэн Цзы-син – лучший друг Цзя Юй-цуня. Недавно он продал кое-какие старинные вещи, люди подали на него в суд, и теперь он прислал свою жену во дворец Жунго просить покровительства. Жена Чжоу Жуя, прекрасно зная о могуществе своих хозяев, не очень беспокоилась. Вечером она попросила помощи у Фын-цзе, и все мгновенно было улажено.

Когда наступило время зажигать лампы, Фын-цзе, сняв с себя украшения, пришла к госпоже Ван и доложила:

– Вещи, которые присланы нам в подарок семьей Чжэнь, я уже приняла. Ответные подарки отправлены с той же лодкой, в которой они прислали подарки.

Госпожа Ван кивнула, и Фын-цзе продолжала:

– Подарки ко дню рождения супруги Линьаньского князя тоже готовы. С кем их отправить?

– Узнай, кто меньше занят, – ответила госпожа Ван. – Выберите четырех женщин, пусть они отнесут. Зачем ты меня об этом спрашиваешь?

– Жена Цзя Чжэня приглашала меня завтра к себе, – продолжала Фын-цзе. – Предвидятся на завтра какие-нибудь дела?

– Это все равно, – проговорила госпожа Ван. – Обычно, когда она приглашает тебя вместе с нами, ты, конечно, чувствуешь себя стесненно. Поскольку сейчас она приглашает только тебя, ясно, что она делает это умышленно, чтобы ты могла свободно развлечься. Придется тебе съездить, чтобы не обидеть ее.

Фын-цзе кивнула.

О том, как Ли Вань, Тань-чунь и ее сестры навестили по обычаю вечером родителей и разошлись по своим комнатам, мы здесь рассказывать не будем.

На следующее утро Фын-цзе причесалась, умылась, доложила госпоже Ван, что уезжает, и пришла попрощаться с матушкой Цзя. Когда Бао-юй услышал, что Фын-цзе едет во дворец Нинго, ему тоже во что бы то ни стало захотелось туда. Фын-цзе пришлось согласиться и подождать, пока он переоденется. Потом они вдвоем сели в коляску и отправились во дворец Нинго.

Жена Цзя Чжэня, госпожа Ю, и жена Цзя Жуна, госпожа Цинь, в сопровождении целой толпы служанок и наложниц встретили их у вторых ворот.

Госпожа Ю немного пошутила с Фын-цзе, затем взяла за руку Бао-юя, и они вместе направились в дом отдохнуть. Госпожа Цинь подала чай.

– Зачем ты меня пригласила? – спросила Фын-цзе, обращаясь к госпоже Ю. – Может, ты хочешь меня чем-нибудь угостить? Если есть что-нибудь вкусное, подавай сразу, а то у меня дела!

Госпожа Ю не успела ответить, как в разговор вмешались несколько женщин.

– Если б вы не приехали, дело другое, – сказали они. – А раз уж вы здесь, то ждите!

Пока они разговаривали, вошел Цзя Жун и справился о здоровье Фын-цзе.

– Разве моего старшего брата нет дома? – спросил Бао-юй.

– Он уехал за город к своему батюшке справиться о здоровье, – ответила госпожа Ю и после небольшого молчания добавила: – Тебе, наверное, скучно? Зачем ты сидишь здесь? Пошел бы прогулялся!

– Сегодня тебе повезло, – добавила госпожа Цинь. – Ты выражал желание повидаться с моим младшим братом – он как раз приехал и сидит в кабинете. Почему бы тебе не пойти к нему?

Бао-юй охотно согласился, и госпожа Ю тотчас же приказала служанкам:

– Идите с господином и присматривайте за ним!

– Если уж на то пошло, – перебила Фын-цзе, – почему не пригласить твоего брата сюда? И я бы с ним познакомилась.

– Ладно, ладно! – остановила ее госпожа Ю. – Тебе это ни к чему! Он не похож на детей из нашего дома, которые привыкли держаться свободно. Брат моей невестки никогда не встречался с такими «грубиянками», как ты. Потом, чего доброго, еще будет над тобой потешаться.

– А разве он посмеет смеяться надо мной, если я не буду смеяться над ним? – полюбопытствовала Фын-цзе.

– Он очень робок, – добавил Цзя Жун, – никогда не видел большого общества, и я уверен, что вы в нем разочаруетесь, тетушка.

– Тьфу! Глупости какие! – возмутилась Фын-цзе. – Пусть он будет хоть сам черт, все равно хочу его видеть! И не болтай больше! Если сейчас же не приведешь его, получишь хорошую затрещину!

– Зачем вы сердитесь, тетушка? – искоса взглянув на нее, произнес Цзя Жун. – Сейчас приведем его, и делу конец.

Фын-цзе улыбнулась. Цзя Жун вышел и вскоре действительно вернулся в сопровождении мальчика.

Мальчик был строен, несколько худощавее Бао-юя, с бледным красивым лицом и алыми губами. Манеры у него, пожалуй, были изящнее, чем у Бао-юя, и только робостью и стыдливостью он немного напоминал девушку. Смущаясь, он обратился к Фын-цзе и, невнятно бормоча, справился у нее о здоровье.

– Как раз тебе под стать! – весело сказала Фын-цзе, подтолкнув Бао-юя.

Затем она наклонилась вперед, пожала руку мальчика, усадила его рядом с собой и стала не торопясь расспрашивать, сколько ему лет, давно ли он учится, и узнала, что его зовут Цинь Чжун.

Женщины и девушки-служанки, пришедшие с Фын-цзе, видя, что она встречается с Цинь Чжуном впервые и не подготовила подарки, которые в соответствии с этикетом положено подносить при первой встрече, поспешили сообщить об этом Пин-эр.

Пин-эр, давно зная, что Фын-цзе находится в близких отношениях с госпожой Цинь, выбрала на свое усмотрение кусок материи, две маленькие золотые пластинки «кандидата,

выдержавшего экзамен на высшую степень» и велела служанкам немедленно отнести все это во дворец Нинго.

– Слишком ничтожный подарок! – сказала Фын-цзе.

Госпожа Цинь поблагодарила. Вскоре все покушали, и госпожа Ю, Фын-цзе и госпожа Цинь сели играть в домино. Но об этом мы подробно рассказывать не будем.

Между тем Бао-юй и Цинь Чжун безо всяких церемоний завели беседу. Как только Бао-юй увидел Цинь Чжуна, у него появилось такое ощущение, словно он что-то потерял. Мысли одна глупее другой теснились в его голове.

«И бывают же в Поднебесной такие люди! – думал он. – Стоило мне встретиться с ним, как я чувствую себя перед ним грязной свиньей или паршивым щенком! Какая досада, что я родился в этой богатой и знатной семье. Если б я жил в какой-нибудь бедной ученой семье, мы давно подружились бы с ним, и я мог бы считать, что не напрасно прожил жизнь. Я по происхождению знатнее его, но шелк и парча, которые я ношу, облачают человека никчемного, как сухой пенёк или гнилое дерево: нежнейшая баранина, которую я ем, тончайшие вина, которые я пью, наполняют мою грязную утробу, ничем не отличающуюся от помойной ямы и сточной канавы. Два слова «богатство и знатность» губят меня!..»

Цинь Чжун, который видел, что Бао-юй внешностью и манерами выделяется среди других, одевается в шелка, носит на голове украшенную золотом шапку и окружен прелестными служанками и красавцами-слугами, тоже думал:

«Поистине неудивительно, что старшая сестра целыми днями расхваливает его. Я же, как назло, родился в бедной семье и не могу стать его другом. Для меня счастье хоть одно мгновение побыть рядом с ним!..»

Так они оба предавались глупым размышлениям.

Бао-юй спросил Цинь Чжуна, какие книги он прочел. На его вопрос Цинь Чжун ответил правдиво и откровенно. Чем дальше, тем оживленнее становился разговор, тем большую симпатию чувствовали они друг к другу.

Вскоре подали чай и фрукты.

– Вина мы пить не будем, – объявил Бао-юй госпоже Цинь, – пусть поставят нам фрукты на маленький кан во внутренней комнате, и мы пойдем туда, чтобы не мешать остальным.

С этими словами он встал и вместе с Цинь Чжуном удалился во внутреннюю комнату.

Пригласив Фын-цзе к чаю, госпожа Цинь вошла во внутреннюю комнату и предупредила Бао-юя:

– Дядя Бао-юй, твой племянник молод и неопытен, если он будет грубо выражаться, скажи мне, а на него не обижайся! Правда, он застенчив, но упрям и строптив.

– Ладно, я знаю, – засмеялся Бао-юй.

Госпожа Цинь сделала еще несколько наставлений брату и лишь только после этого вышла и присоединилась к Фын-цзе.

Через некоторое время от Фын-цзе и госпожи Ю пришла служанка спросить, не требуется ли чего-нибудь Бао-юю.

Бао-юй ответил, что ему ничего не нужно, и продолжал расспрашивать Цинь Чжуна о его жизни дома.

Цинь Чжун рассказывал ему:

– Наш домашний учитель в прошлом году отказался от места, а отец мой уже стар, здоровье его подорвано, кроме того, он завален служебными делами и никак не может подыскать другого учителя. Мне все это время приходилось сидеть дома и повторять пройденное. Но чтобы занятия шли успешно, надо, по крайней мере, иметь одного или двух товарищей, с которыми можно было бы обсуждать прочитанное...

Не дождавшись окончания рассказа, Бао-юй перебил Цинь Чжуна:

– И в самом деле! А у нас в семье есть своя домашняя школа, и если кто-нибудь из родных не в состоянии нанять учителя своим детям, их посылают в эту школу. Там в большинстве учатся дети и младшие братья наших дальних родственников. Так как мой учитель уехал к себе на родину, я совсем забросил занятия. В этом году отец захотел послать меня в школу, чтобы я там повторял пройденное, пока не возвратится учитель и мы не сможем продолжать занятия дома. Но бабушка сказала, что в домашней школе слишком много детей и, наверное, они все балуются. Да и несколько дней я проболел. Так что со школой пришлось отложить. Оказывается, этим же обеспокоен и ваш отец. Почему бы вам не сказать отцу, когда вы вернетесь домой, что вы будете ходить в нашу домашнюю школу? Я бы составил вам компанию, и для нас обоих была бы польза.

– Мой отец еще раньше жаловался, что трудно содержать учителя, – с улыбкой сказал Цинь Чжун. – Он говорил также, что здесь есть хорошая бесплатная школа, но для того, чтобы туда поступить, надо посоветоваться с господами и попросить у них содействия. Только у господ дел много, неудобно приставать к ним с такими мелочами. Если вы действительно меня устроите, второй дядя, разве я не стану делать для вас все, даже мыть тушечницу и растирать тушь? Вдвоем нам не придется скучать. Это будет великолепно, если мы всегда сможем встречаться и беседовать друг с другом. Этим мы доставим утешение родителям и сами познаем радость дружбы.

– Не беспокойтесь, не беспокойтесь, – прервал его Бао-юй. – Мы скажем об этом мужу вашей сестры и супруге господина Цзя Ляня. Потом вы поговорите со своим батюшкой, а я все объясню бабушке, и можно не сомневаться, что дело уладится.

Пока они договаривались, незаметно наступило время зажигать лампы. Бао-юй и Цинь Чжун вышли в комнату, где сидели все остальные. Игра в домино окончилась. Когда произвели подсчеты, оказалось, что госпожа Ю и госпожа Цинь проиграли на угощение, и все сговорились, что это угощение состоится послезавтра. Потом был подан ужин.

– Надо бы послать двух слуг проводить Цинь Чжуна, – сказала госпожа Ю, заметив, что уже совсем стемнело.

Женщины-служанки вышли передать приказание, а Цинь Чжун встал и начал прощаться.

– Кого послали провожать? – осведомилась госпожа Ю у служанок.

– Хотели послать Цзяо Да, – ответили те, – да он напился и обругал нас!

– Ну зачем вы его беспокоили? – с укором произнесли госпожа Ю и госпожа Цинь. – Этого чудака никуда нельзя посылать! Вечно вы его задираете!

– Все говорят, что вы слишком уступчивы, – не выдержала Фын-цзе. – Разве полагается так распускать слуг?

– Неужели ты не знаешь этого Цзяо Да? – изумилась госпожа Ю. – Даже господин Цзя Чжэн прощает ему многое, и твой старший брат Цзя Чжэнь все ему спускает. Ведь Цзяо Да в молодости четырежды бывал в походах с самим Нинго-гуном, на плечах вынес его с поля боя, вытащив из кучи убитых, и этим самым спас ему жизнь. Цзяо Да голодал, но где-то добывал пищу и приносил ее своему господину. Два дня у них не было воды, и он достал полчашки для господина, а сам пил конскую мочу. За эти заслуги ему так и благоволят. Когда жив был Нинго-гун, он относился к Цзяо Да с особым вниманием, кто же из нас теперь захочет обижать его?! Да и сам он уже старик, не заботится о своем добром имени, знай себе пьет вино, а как напьется, начинает ругать всех без разбору. Я давно говорила управляющему, чтобы его больше ни с какими поручениями не посылали – пусть спокойно доживает свой век. А вы опять вздумали посылать его!

– Почему же я не знаю этого Цзяо Да? – удивленно спросила Фын-цзе. – По-моему, у вас просто не хватает решимости. Почему вы не отправите его куда-нибудь подальше в деревню? – И затем обратилась к служанке: – Наша коляска готова?

– Ждет вас, – был ответ.

Фын-цзе встала, попрощалась с хозяевами и вышла, держа Бао-юя за руку.

Госпожа Ю и остальные проводили их до большого зала. Всюду ярко пылали светильники, на красном парадном крыльце в ожидании стояла прислуга.

Цзяо Да, воспользовавшись отсутствием Цзя Чжэня, успел напиться и первым делом принался на чем свет стоит ругать и поносить главного управляющего Лай Эра:

– Мошенник! Злодей! Слабых обижаешь, а сильных боишься! С хорошими поручениями других посылаешь, а как только среди ночи кого-нибудь проводить, суешь меня! Ублюдок! Черепашье отродье! Горе-управитель! Не на свое место ты сел! Ты же мне, господину Цзяо Да, в подметки не годишься! С кем за последние двадцать лет считался господин Цзяо Да? Уж конечно, не с такими выродками, как все вы тут!

Когда Цзя Жун вышел проводить Фын-цзе к коляске, Цзяо Да бранился особенно яростно, и никто не мог его унять. Цзя Жун не вытерпел, несколько раз прикрикнул на него и, когда это не подействовало, коротко приказал:

– Связать! Завтра протрезвится, тогда спросим, какого черта он лез на рожон!

Какое там! Что стоил Цзя Жун в глазах Цзяо Да? Цзяо Да еще бросился к Цзя Жуну с возгласами:

– Братец Цзя Жун! Брось свои барские замашки! О таких молокососах, как ты, и говорить нечего, когда даже твой отец и дед не задирали нос перед Цзяо Да! Кого вы должны благодарить, что стали чиновниками, пользуетесь славой и богатством? Цзяо Да! Твой предок, положивший начало вашему роду, только благодаря мне когда-то остался в живых, а вы сейчас, вместо того чтобы благодарить меня за доброту, вздумали передо мной изображать хозяев! Лучше молчи, а то скажешь слово, и мой белый нож покраснеет от твоей крови!

Фын-цзе, уже сидевшая в коляске, с возмущением сказала Цзя Жуну:

– Почему вы не расстанетесь с этим дебоширом? Как вы его терпите? Ведь если узнают родные, друзья, они станут смеяться над вами и говорить, что у вас в доме нет никакого порядка.

– Совершенно верно, – поддакнул Цзя Жун.

Видя, что Цзяо Да уж слишком разбушевался, несколько слуг набросились на него, свалили с ног, связали веревкой и хотели тащить на конюшню. Цзяо Да разъярился еще больше, помянул крепким словом самого Цзя Чжэня, а затем стал кричать, что пойдет в храм предков оплакивать своего господина – Нинго-гуна.

– Он, наверное, и не представлял себе, что могут народиться такие скоты! Воры, снохачи распроклятые! Ваши бабы ваших же малолетних братьев «подкармливают»! Думаете, я не знаю? Только если «сломалась рука, вы прячете ее в рукаве»!

Тут уж он стал выражаться совсем неприлично, и перепуганные до смерти слуги поспешили ту же затянуть на нем веревки, а чтобы заставить его замолчать, набили ему в рот земли и конского навоза.

Фын-цзе и Цзя Жуну все было прекрасно слышно, но они делали вид, будто ничего не слышат. И только Бао-юй, сидевший в коляске рядом с Фын-цзе, не вытерпел и спросил:

– Сестра, ты слышала, он говорил «снохачи»? Что это такое?

– Не болтай глупостей! – прикрикнула на него Фын-цзе. – Старый хрыч напился и несет всякую околесицу, а ты не только прислушиваешься к его словам, но еще начинаешь расспрашивать, что да как! Вот погоди, расскажу матушке, посмотрим, погладит ли она тебя по головке!

Перепуганный Бао-юй стал упрашивать ее молчать.

– Дорогая сестра, я больше никогда не произнесу этого слова, – пообещал он.

– Вот и хорошо, – смягчилась Фын-цзе и, чтобы окончательно успокоить Бао-юя, добавила: – Когда вернемся домой, сразу расскажем бабушке, что мы пригласили Цинь Чжуна учиться у нас в школе – пусть она пошлет кого-нибудь сообщить об этом учителю. Для нас сейчас это самое главное.

Пока они разговаривали, коляска уже вкатилась в ворота дворца Жунго.
Кто хочет знать, что было дальше, пусть прочтет следующую главу.

Глава восьмая, повествующая о том, что видел Бао-юй на золотом замке и как Бао-чай узнала о чудесной яшме

Между тем Бао-юй и Фын-цзе возвратились домой, навестили старших, а затем Бао-юй рассказал матушке Цзя, как ему хотелось бы устроить Цинь Чжуна в домашнюю школу, ибо тогда у него появился бы друг и товарищ по учению, который ему подавал бы пример. Он искренне восхищался характером и манерами Цинь Чжуна, который, по его мнению, вполне заслуживал того, чтобы его любили и жалели.

Фын-цзе, со своей стороны, желая помочь Бао-юю, добавила:

– Цинь Чжун как-нибудь придет вам поклониться, бабушка!

Матушка Цзя осталась очень довольной этим. Фын-цзе воспользовалась моментом и пригласила ее пойти посмотреть спектакль, так как матушка Цзя, несмотря на свой преклонный возраст, увлекалась театром.

Через день госпожа Ю тоже пришла приглашать матушку Цзя, и та, взяв с собою госпожу Ван, Дай-юй и Бао-юя, отправилась во дворец Нинго смотреть представление.

В полдень матушка Цзя вернулась домой отдыхать. Госпожа Ван, любившая покой и тишину, не преминула последовать ее примеру. После их ухода Фын-цзе заняла место на главной циновке и, ничем больше не стесненная, от всей души веселилась до самого вечера.

Бао-юй, проводив матушку Цзя домой и дождавшись, когда она легла спать, вышел от нее и хотел снова пойти посмотреть спектакль, но ему казалось неудобным беспокоить госпожу Цинь. Вспомнив, что Бао-чай больна и в последние дни вынуждена сидеть дома, Бао-юй решил навестить сестру, так как все это время не видел ее.

Идти из дома прямо к ней через небольшую калитку в задней стене он не решался, ибо опасался, что кто-нибудь попадется ему на пути и начнет докучать, или же встретится отец, что еще более некстати. Пришлось идти окольным путем.

Мамки и няньки, сопровождавшие Бао-юя, думали, что он будет переодеваться, но совершенно неожиданно для них он появился в прежнем наряде и направился ко вторым воротам. Мамки и няньки бросились за ним, решив, что он снова отправится во дворец Нинго смотреть спектакль. Однако Бао-юй, дойдя до проходного зала, неожиданно свернул на северо-восток, обогнул сзади главный зал и скрылся. Тут, как назло, навстречу ему попались два молодых повесы из приживальщиков их дома. Одного звали Чжань Гуан, другого – Шань Пинь-жэнь. Увидев Бао-юя, они со смехом бросились к нему. Один обхватил его за талию, другой потащил за руки.

– Ах, дорогой братец! – восклицали они. – Наконец-то мы тебя нашли – для нас эта встреча как дивный сон!

Поболтав немного, они удалились.

Одна из старых мамок окликнула их:

– Вы идете к старому господину?

– Да, да, – закивали они и, смеясь, добавили: – Старый господин отдыхает в кабинете «Сонного склона».

Тон, с которым все это было произнесено, рассмешил Бао-юя. Однако он поспешил воспользоваться тем, что возле него никого не осталось, и со всех ног бросился в северном направлении, где находился «двор Душистой груши».

В это время главный смотритель кладовых У Синь-дэн и амбарный староста Дай Лян в сопровождении пяти приказчиков вышли из конторы и тут увидели Бао-юя. Они сразу встали навтыжку. И только один торговый посредник Цянь Хуа, уже много дней не видевший Бао-

юя, подбежал к нему, опустился на колени и справился о здоровье. Сдерживая улыбку, Бао-юй подал ему знак встать.

Все остальные засмеялись и обратились к Бао-юю со словами:

– Мы недавно видели, что вы прекрасно пишете квадратики⁴⁰, второй господин! Вот если бы вы написали и нам!

– Где вы их видели? – удивился Бао-юй.

– Во многих местах, – ответили ему. – Все ими восхищаются и приходят просить у нас.

– Это пустяки, можно сделать, – снисходительно сказал Бао-юй. – Только напомните моим слугам!

С этими словами Бао-юй двинулся дальше. Люди постояли, пока он отошел от них, затем разошлись.

Но не будем отвлекаться описанием второстепенных событий. Расскажем о том, что Бао-юй, попав во «двор Душистой груши», зашел к тетушке Сюэ и увидел, что та сидит вместе со своими служанками и что-то вышивает.

Бао-юй поспешил справиться о ее здоровье. Тетушка Сюэ прижала его к своей груди и с улыбкой сказала:

– Сегодня такая холодная погода, мой мальчик! Мы никак не ожидали, что ты придешь! Скорее садись на кан!

И она тут же приказала служанкам подать горячего чая.

– Разве старшего брата нет дома? – спросил ее Бао-юй.

Тетушка Сюэ вздохнула:

– Он как конь без узды – целый день бегают и никак не нагуляется. Разве он способен хоть день побыть дома?

– А как себя чувствует сестра? – снова спросил Бао-юй.

– Вот как раз кстати! – воскликнула тетушка Сюэ. – Спасибо, что ты о ней вспомнил и прислал служанок навестить ее! Она там, во внутренних покоях! Посиди с нею, у нее теплее, чем здесь, а я покончу с делами и приду поговорить с тобой.

Бао-юй проворно соскочил с кана и побежал к двери, завешенной красной шелковой занавеской. Резким движением руки он откинул занавеску и увидел Бао-чай, которая сидела на кане и вышивала.

Волосы ее, блестящие и черные, как лак, были сложены узлом. На девушке был медового цвета ватный халат, темно-красная безрукавка, шитая золотыми и серебряными нитями, и немного поношенная юбка из набивного сатина цвета пожелтевшего лука. Никакой роскоши, ничего кричащего, – во всем изящество и простота.

Когда она была сдержанна в словах или молчала – ее считали глуповатой; когда она начала приспособливаться к людям – ей казалось, что у нее ничего не получается.

Бао-юй, стоявший на пороге, вперил в нее пристальный взгляд и спросил:

– Ты уже выздоровела, сестра?

Бао-чай подняла голову. Увидев Бао-юя, она поспешно встала и со сдержанной улыбкой произнесла:

– Да, уже поправилась. Спасибо за внимание!

Она предложила Бао-юю сесть на край кана и велела Ин-эр налить ему чаю.

Спрашивая Бао-юя о здоровье старой госпожи, тети и сестер, Бао-чай не могла оторвать взгляда от золотой шапочки на голове юноши, которая была украшена драгоценными жемчужными нитями, и повязки на лбу, на которой были изображены два дракона, играющие жемчужиной. Бао-юй носил куртку с узкими рукавами, подбитую мехом из подпашин лисицы

---

⁴⁰ Имеются в виду бумажные квадратики с различными надписями, которые наклеивались на ворота домов во время праздников.

и покрытую узором из драконов, и украшенный бахромой пояс с вытканными на нем пестрыми бабочками; на шее висел замочек долголетия, амулет с именем и та самая «драгоценная яшма» – «бао-юй», которая при рождении оказалась у него во рту.

– У нас в доме целыми днями только и говорят о твоей яшме, – промолвила Бао-чай, – но я никогда не видела ее вблизи. Разреши мне посмотреть!

С этими словами она придвинулась к нему поближе. Бао-юй тоже придвинулся к ней, снял с шеи яшму и положил ее на руку Бао-чай. Она повертела яшму на ладони и увидела, что это камень величиною с воробьиное яйцо, сияет словно утренняя заря, белизной напоминает молоко и пронизан прожилками всех цветов радуги.

Дорогой читатель, ты, должно быть, уже догадался, что это был тот самый грубый, неотделанный камень, который бросили когда-то у подножия хребта Цингэн в горах Дахуаншань.

По этому поводу потомки в шутку написали такие стихи:

Сомнительно даже и то, что Нюй-ва
расплавил кучу камней,
Но все же об этом сомнительном деле
сумбурный рассказ говорит:
Что камень утратит природою данный
начальный и подлинный облик,
И новый зловонный из кожи мешок
как в сказке его облачит.
Он скоро узнает крушение надежды —
и золото блеск потеряет;
Когда же вздохнет он о трудной поре —
сиянье утратит нефрит.
Горою лежат побелевшие кости,
давно имена позабыты:
Конечно, здесь юноши знатного прах
и девушка рядом лежит.

На оборотной стороне этого грубого камня была начертана история его перевоплощения и письма, выгравированные буддийским монахом с коростой на голове. Однако по размерам камень был настолько мал, что умещался во рту новорожденного младенца, и иероглифы на нем, следовательно, были чересчур мелкими, так что как бы ни напрягать зрение, их невозможно было прочесть. Поэтому камень впоследствии увеличился до таких размеров, что даже пьяный при свете лампы мог бы прочесть эти иероглифы.

Я поясняю все это для того, чтобы у читателя не возникло недоумения насчет того, какой же величины должен был быть рот у младенца, находившегося во чреве матери, если он оказался способным вместить такую большую вещь.

Осмотрев яшму со всех сторон, Бао-чай вновь повернула ее лицевой стороной кверху и вслух прочла:

Ни в чем нет ошибки, ничто не забыто,
Святых долголетье, успехов избыток.

На оборотной стороне камня была надпись, рассказывавшая о его свойствах:

Во-первых, изгонит нечистую силу,
Второе – излечит болезни, обиды,

А в-третьих, предскажет судьбы перемены.

Прочитав дважды, Бао-чай повернулась к Ин-эр и сказала:

– Что ты стоишь здесь и глаза таращишь? Наливай нам чай.

– Когда я услышала то, что вы прочли, мне показалось, что эти слова под пару тем двум фразам, которые выгравированы на вашем ожерелье, барышня, – хихикая, ответила Ин-эр.

– Так на твоём ожерелье тоже есть надпись, сестра? – удивился Бао-юй. – Я бы хотел посмотреть.

– Не слушай, что она болтает, – проговорила Бао-чай, – нет там никакой надписи.

– Дорогая сестра, зачем же тогда ты разглядывала мою яшму? – не отступал Бао-юй.

Бао-чай была не в силах от него отвязаться и наконец призналась:

– На моем ожерелье один человек выгравировал мне пожелание счастья, поэтому я его и ношу. Иначе какой был бы интерес таскать на себе такую тяжесть?

С этими словами она расстегнула халат и сняла с шеи блестящее золотом и сверкавшее жемчугами ожерелье.

Бао-юй повертел замок. На нем с каждой стороны было выгравировано по четыре иероглифа, которые вместе составляли две фразы, содержавшие в себе предсказание счастья и начертанные в соответствии со всеми правилами:

Не будет разлуки, не будет забвенья,
Цветущие годы и рода продленье.

Бао-юй дважды прочел иероглифы на ожерелье Бао-чай, потом дважды надпись на своей яшме и, обратившись к Бао-чай, сказал:

– Твои восемь иероглифов, сестра, все-таки составляют парную надпись с моими.

– Это пожелание буддийского монаха, – не вытерпев, вмешалась Ин-эр. – Он сказал, что пожелание непременно надо выгравировать на золотом предмете.

Не дожидаясь, пока Ин-эр окончит фразу, Бао-чай вдруг рассердилась, почему служанка до сих пор не отправилась за чаем, и затем снова повернулась к Бао-юю и спросила, откуда он пришел.

Бао-юй и Бао-чай сидели рядом плечом к плечу, и юноша вдруг почувствовал волну какого-то необыкновенного аромата, приятно щекотавшего ноздри. Не понимая, что это за запах, он спросил:

– Сестра, какими благовониями ты надушилась? Я никогда не слышал подобного запаха.

– Терпеть не могу никаких благовоний, – ответила Бао-чай, – да и одета я в хорошее платье, зачем его обливаться духами?

– В таком случае чем же это пахнет? – не унимался Бао-юй.

– Ах да! – немного подумав, воскликнула Бао-чай. – Это запах от «пилюли холодного аромата», которую я приняла сегодня утром.

– Что это за «пилюли холодного аромата»? – с улыбкой спросил Бао-юй. – Какой прекрасный запах! Дорогая сестра, дай и мне попробовать одну пилюльку.

– Опять говоришь ерунду! – засмеялась Бао-чай. – Разве лекарство принимают без надобности?

В этот момент из-за двери послышался голос служанки:

– Пришла барышня Линь Дай-юй.

Вслед за этим в комнату вприпрыжку вошла Дай-юй и, заметив Бао-юя, с улыбкой сказала:

– Ай-я-я! Вот я некстати!

Бао-юй вскочил с места и предложил ей сесть.

– Как это понимать? – засмеялась Бао-чай, обратившись к Дай-юй.

– Если бы я знала, что он здесь, я не пришла бы, – ответила Дай-юй.

– Что ты этим хочешь сказать? – вновь спросила Бао-чай.

– Что хочу сказать? – воскликнула Дай-юй. – А то, что у нас получается: либо приходим вместе, либо не приходит никто. Не лучше ли было бы, если б каждый день тебя кто-нибудь один навещал: сегодня он, завтра я? Тогда не получалось бы: один день пусто, другой день густо. Что тут непонятного, сестра?

Заметив на Дай-юй шубку из темно-красного голландского сукна, Бао-юй спросил:

– Что, пошел снег?

– Уже давно, – ответили стоявшие перед каном женщины.

– Захватили мой плащ? – спросил Бао-юй.

– Вот как! – засмеялась Дай-юй. – Только я появилась, ему сразу понадобилось уходить!

– Разве я сказал, что собираюсь уходить? – возразил Бао-юй. – Просто я хотел узнать.

Кормилица Бао-юя, мамка Ли, сказала:

– Снег опять пошел, придется переждать здесь. Побудь с сестрицами! Госпожа для вас приготовила чай. Я пошлю служанку за плащом, а слуг отпущу домой.

Бао-юй кивнул.

– Можете разойтись, – приказала тогда слугам мамка Ли.

Между тем тетушка Сюэ приготовила чай и разные изысканные угощения и пригласила всех к столу.

За столом Бао-юй начал расхваливать гусиные лапки, которые третьего дня ел в восточном дворце Нинго у жены Цзя Чжэня. Тогда тетушка Сюэ угостила его такими же гусиными лапками, ею самую приготовленными.

– Еще бы вина – тогда совсем было бы хорошо! – воскликнул Бао-юй.

Тетушка Сюэ распорядилась подать самого лучшего вина.

– Не нужно давать ему вино, госпожа, – запротестовала мамка Ли.

– Милая няня, я выпью только один кубок, – стал упрашивать ее Бао-юй.

– Не годится, – заупрямилась мамка Ли. – Будь здесь твоя бабушка или мать, тогда пей хоть целый кувшин! В прошлый раз, когда я недосмотрела и кто-то дал тебе выпить глоток вина, чтобы доставить тебе удовольствие, меня, несчастную, потом два дня ругали! Госпожа, неужели вы его не знаете? Он едва выпьет, так и начинает безобразничать. Только один раз, когда бабушка была в хорошем настроении, она разрешила ему выпить, а так никогда не позволяет. Зачем мне потом за него расплачиваться?

– Помолчи, старая! – прервала ее тетушка Сюэ. – Иди и тоже выпей! Я не позволю ему пить много. А если уж старая госпожа будет спрашивать, на это есть я.

И она тут же приказала служанкам:

– Дайте тетушке кубок вина, пусть согреется.

Когда мамка Ли услышала это, ей не оставалось ничего иного, как пить вместе со всеми.

– Только мне не нужно подогревать вино, – предупредил Бао-юй. – Я люблю холодное.

– Вот это не годится, – возразила тетушка Сюэ. – От холодного вина будут дрожать руки, и ты не сможешь писать.

– Брат Бао-юй, наверное, все науки, которыми ты дома целыми днями так усердно занимаешься, не идут тебе впрок! – насмешливо заметила Бао-чай. – Неужто тебе неизвестно, что вино по самой своей природе горячее? Если пить его подогретым, оно быстрее усваивается; если пить холодным, оно может сгуститься внутри и внутренностям придется разогревать его. Разве это не вредно для здоровья? Отныне ты должен изменить свою привычку! Не пей холодное!

Рассудительная речь Бао-чай подействовала: Бао-юй отставил кубок с холодным вином и велел подать подогретого.

Дай-юй шелкала дынные семечки и прикрывала рот рукой, чтобы не рассмеяться.

Как раз в это время служанка Дай-юй, по имени Сюэ-янь, принесла своей барышне маленькую грелку для рук. Сдерживая усмешку, Дай-юй спросила у нее:

– Кто тебя прислал? Спасибо за заботу! А то я совсем замерзла!

– Сестрица Цзы-цзюань побоялась, что вам будет холодно, барышня, – ответила Сюэ-янь, – вот она и послала меня.

– Ведь она тебе столько хлопот доставила! – с язвительной усмешкой заметила Дай-юй. – Как же ты ее послушалась! Мне иногда целыми днями приходится что-нибудь твердить тебе, а ты все пропускаешь мимо ушей. Никак не пойму, почему всё, что она приказывает, ты исполняешь быстрее, чем исполняла бы высочайшее повеление?!

Услышав эти слова, Бао-юй понял, что Дай-юй решила воспользоваться оплошностью служанки, чтобы позлословить, и он только захихикал. Бао-чай, хорошо знавшая эту привычку Дай-юй, пропустила ее слова мимо ушей.

– У тебя всегда было слабое здоровье, – улыбнувшись, вставила тетушка Сюэ, – и холода ты не переносишь. Что ж тут плохого, если они о тебе позаботились?

– Вы ничего не знаете, тетя! – возразила Дай-юй. – Хорошо, что я у вас! Будь я у кого-нибудь другого, еще обиделись бы! Неужто у людей не нашлось бы для меня грелки, что мне свою из дому присылают? Что они чересчур заботливы, это ладно. А если обо мне скажут, что я избалована?

– Ты очень мнительна, у тебя всегда странные мысли, – заметила тетушка Сюэ, – мне это даже в голову не пришло.

За разговором Бао-юй выпил три кубка, и мамка Ли стала удерживать его. Но где уж там! Бао-юй был в самом прекрасном настроении, разговаривал с сестрами, шутил, смеялся.

– Дорогая няня, – сказал он с обидой в голосе, – я выпью еще только два кубка.

– Берегись! – предостерегла его мамка Ли. – Твой отец дома и в любую минуту может спросить тебя о занятиях!

Крайне недовольный этим предупреждением, Бао-юй медленно поставил на стол кубок и опустил голову.

– Не нагоняй грусть на других, – проговорила Дай-юй. – Если отец позовет, скажешь, что тетушка задержала. Няня сказала это просто для того, чтобы нас позабавить!

Она легонько подтолкнула Бао-юя, чтобы приободрить его, и незаметно процедила сквозь зубы:

– Не обращай внимания на эту старую каргу! Будем веселиться, как нам нравится!

Мамка Ли, хорошо знавшая характер Дай-юй, упрекнула ее:

– Барышня Линь, ты его не подстрекай! Лучше бы придержала его, он тебя, пожалуй, послушается.

– Мне незачем его подстрекать, – с холодной усмешкой возразила Дай-юй. – И не к чему удерживать. Ты слишком уж осторожна, няня! Ведь бабушка всегда дает ему вино, и если он у тетушки выпил немного лишнего, я думаю, ничего не случится. Может быть, ты считаешь, что тетушка для нас человек посторонний и пить у нее вино неприлично?

– Право же, каждое слово барышни Линь острее ножа! – сдерживая раздражение, шутливым тоном произнесла мамка Ли.

Бао-чай не могла выдержать, со смехом ущипнула Дай-юй за щеку и сказала:

– Совершенно верно! Эта Чернобровая как только откроет рот, приходится злиться или покатываться со смеху!

– Не бойся, мой мальчик! – утешала Бао-юя тетушка Сюэ. – Раз уж ты пришел сюда, я угощу тебя как следует, не принимай близко к сердцу всякие мелочи и не обижай меня! Кушай спокойно, ведь я здесь! Хорошенько поужинай, а если опьянеешь, останешься спать у нас. –

Затем коротко приказала служанкам: – Подогрейте еще немного вина, – и вновь обратилась к Бао-юю: – Мы с тобой выпьем по два кубка, а потом ужинать.

После этих слов Бао-юй немного оживился. Тогда мамка Ли сказала служанкам:

– Хорошенько присматривайте за ним. Я пойду домой переоденусь и тотчас вернусь.

Обратившись затем к тетушке Сюэ, она унылым голосом добавила:

– Госпожа, только не давайте ему пить лишнего...

С этими словами она ушла.

Правда, осталось несколько служанок, но для них все было безразлично, и когда мамка Ли удалась, они тоже не замедлили улизнуть кто куда. Оставшиеся две девочки-служанки изо всех сил старались угодить Бао-юю.

Хорошо, что тетушка Сюэ не разрешала ему много пить. Как только Бао-юй выпил несколько кубков, она приказала убрать вино со стола и подать ужин. Сделав над собой усилие, Бао-юй съел немного супа из курицы и маринованных ростков бамбука и запил все это отваром из отборного осеннего риса. Бао-юй и Дай-юй после ужина выпили по несколько чашечек чая. Только тогда тетушка Сюэ успокоилась.

Сюэ-ян и остальные служанки уже успели поест и ожидали их.

– Ты идешь? – спросила Дай-юй у Бао-юя.

Бао-юй прищурился и искоса поглядел на нее.

– Что ж, если ты собираешься уходить, я с тобой.

– Тогда пошли, на сегодня, пожалуй, хватит, – решительно заявила Дай-юй и встала.

Оба стали прощаться. Девочка-служанка подала Бао-юю широкополую шляпу от снега. Бао-юй наклонил голову и велел ей надеть. Служанка встряхнула эту красную войлочную шляпу и, повинувшись приказанию, нахлобучила ее на голову Бао-юя.

– Постой, постой! – удержал ее Бао-юй. – Дура! Немного полегче! Неужто ты не видела, как другие это делают? Дай-ка я сам!

– Иди сюда, я тебе надену! – позвала Дай-юй, стоявшая на краю кана.

Бао-юй подошел к ней. Осторожно придерживая маленькую шапочку для волос на его голове, Дай-юй надвинула шляпу настолько, чтобы не закрыть повязку на его лбу, затем вытащила булавку и красные бархатные кисти, чтобы их можно было видеть из-под шляпы. Затем она осмотрела Бао-юя и сказала:

– Готово, можешь надевать плащ!

Бао-юй поспешно набросил плащ.

– Твои няни еще не вернулись, – заметила тетушка Сюэ, – подождет бы немного.

– Это я должен ждать! – возмутился Бао-юй. – Со мной есть служанки, и ладно.

Но тетушка Сюэ велела двум девушкам проводить его и Дай-юй.

Извинившись перед тетушкой Сюэ за беспокойство, Бао-юй и Дай-юй вместе направились в дом, где жила матушка Цзя. Матушка Цзя еще не ужинала и была очень довольна, когда узнала, что они вернулись от тетушки Сюэ. Увидев, что Бао-юй пил вино, она велела ему идти в свою комнату и лечь отдохнуть, не разрешив больше выходить, а служанкам приказала хорошенько присматривать за ним. Потом вдруг она вспомнила о людях, которые сопровождали Бао-юя, и спросила:

– Что это не видно мамки Ли?

Бао-юй и Дай-юй не посмели признаться, что она ушла домой, и только ответили:

– Она пришла с нами, но неожиданно вспомнила о каких-то делах и ушла.

Бао-юй, покачиваясь на ногах, повернул голову и сказал:

– Она устроилась, пожалуй, лучше, чем вы, бабушка! К чему о ней спрашивать? Не будь ее, я бы по крайней мере дня на два дольше прожил!

Бао-юй круто повернулся и ушел к себе в спальню. Здесь ему в глаза бросились тушь и кисти, лежавшие на столике.

– Нечего сказать, – начала упрекать его Цин-вэнь. – Велел мне растирать тушь, с утра воодушевился, написал три иероглифа, потом все бросил и ушел, обманул меня и заставил прождать целый день! Ну-ка садись и пиши, пока не испишешь всю тушь!

Только теперь Бао-юй вспомнил, что произошло утром, и засмеялся:

– Где же эти три иероглифа, которые я написал?

– Да он совсем пьян! – ахнула Цин-вэнь. – Ведь уходя во дворец Нинго, ты сам велел мне наклеить их над воротами. Я побоялась, что другие могут сделать это плохо, и сама вынуждена была взбираться на высокую лестницу и наклеивать. Еще и сейчас руки у меня от мороза как одеревенелые!

– А мне и в голову не пришло, что у тебя замерзли руки, – улыбнулся Бао-юй. – Иди сюда, я их погрею.

Он взял Цин-вэнь за руки, и они вместе стали смотреть на три иероглифа, приклеенные над входом.

Вскоре пришла Дай-юй.

– Милая сестрица, – обратился к ней Бао-юй, – посмотри на эти иероглифы и скажи прямо – какой из них написан лучше?

Дай-юй подняла голову, прочла «терраса Красной руты» и с улыбкой сказала:

– Все как один хороши! Неужели это ты так красиво написал? Напиши завтра и для меня.

– Опять ты смеешься надо мной! – упрекнул ее Бао-юй. Затем он спросил: – Где сестра Си-жэнь?

Цин-вэнь что-то буркнула в ответ и кивнула головой в сторону кана. Бао-юй повернул голову и увидел Си-жэнь, спавшую одетой на кане.

– Вот это ловко! Так рано уснула! – засмеялся он и, вновь обернувшись к Цин-вэнь, проговорил: – Сегодня я завтракал во дворце Нинго, и там были пирожки из соевого теста. Я вспомнил, что ты их очень любишь, и попросил жену господина Цзя Чжэня, чтобы она прислала сюда тарелочку, а я, мол, вечером их съем. Ты не видела, где они?

– Лучше не вспоминай об этом! – прервала его Цин-вэнь. – Как только пирожки принесли, я сразу поняла, что это для меня. Но, как назло, я была сыта, и мне не хотелось есть. Поэтому я поставила их вон там. Потом пришла мамка Ли, увидела и говорит: «Бао-юй, наверное, есть не будет. Дай я лучше отнесу их своему внуку». Так и велела отнести к себе домой.

Пока происходил этот разговор, Цянь-сюэ подала чай.

– Сестрица Линь, выпей чаю, – предложил Бао-юй.

Все расхохотались:

– Ты угощаешь барышню Линь Дай-юй, а она давно ушла!

Бао-юй отпил полчашки и неожиданно вспомнил о том чае, который пил утром.

– Ты утром заварила чашку чая «кленовая роса», – сказал он, обращаясь к Цянь-сюэ. – Я еще говорил, что этот чай дает настоящий цвет после трех-четырех заварок. Зачем ты подала мне вновь заваренный?

– Тот чай я оставила, но пришла няня Ли и выпила, – ответила Цянь-сюэ.

Бао-юй с яростью швырнул на пол чашку, которую держал в руках; раздался звон, чашка разлетелась вдребезги, и чаем забрызгало юбку Цянь-сюэ.

– Она такая же госпожа, как ты! – вскочив с места, обрушился он на Цянь-сюэ. – Что вы ее все так уважаете? Младенцем я всего-навсего несколько дней пил ее молоко, а сейчас она так зазналась, что ставит себя чуть ли не выше моих предков! Вон ее, вон, всем от этого только легче станет!

И он заявил, что немедленно пойдет и доложит обо всем матушке Цзя.

Си-жэнь, которая только притворялась спящей, чтобы подразнить Бао-юя, слыша, что он завел разговор об иероглифах и спросил о пирожках, решила, что пока можно не вставать; но

когда он разбушевался и швырнул чашку, она поспешно вскочила на ноги, чтобы унять его. Однако в это мгновение прибежала служанка от матушки Цзя и спросила:

– Что случилось?

– Я только что наливала чай, поскользнулась и разбила чашку, – ответила Си-жэнь.

Вслед за тем она принялась уговаривать Бао-юя:

– Если уж ты хочешь ее выгнать, пусть будет по-твоему. Мы тоже хотим уйти, так воспользуемся случаем и заодно выгони нас всех. Тогда тебе не придется сокрушаться, что у тебя нет хороших служанок!

При этих словах Бао-юй умолк. Си-жэнь и другие служанки помогли ему забраться на кан и раздеться. Никто не мог понять, что говорил Бао-юй дальше; язык у него заплетался, глаза еще больше помутнели, поэтому его поспешили уложить спать. Си-жэнь сняла с шеи Бао-юя «драгоценную яшму, в которую вселилась душа», завернула ее в шелковый платочек и сунула под матрац, опасаясь, как бы утром, когда он снова наденет ее, она не была холодной.

Коснувшись головой подушки, Бао-юй сразу уснул. Все это время мамка Ли и другие пожилые служанки находились поблизости, но, зная, что Бао-юй пьян, не осмеливались войти, и, только удостоверившись, что Бао-юй улегся спать, они спокойно разошлись по домам.

На следующий день, когда Бао-юй проснулся, ему сообщили:

– Господин Цзя Жун из дворца Нинго привел Цинь Чжуна на поклон.

Бао-юй тотчас поспешил ему навстречу и повел поклониться матушке Цзя. Красивая внешность и приятные манеры Цинь Чжуна понравились матушке Цзя, и она решила, что Цинь Чжун может учиться вместе с Бао-юем. Матушка Цзя была так довольна, что оставила Цинь Чжуна пить чай, завтракать, а затем велела представить его госпоже Ван и всем остальным. Так как все без исключения любили госпожу Цинь, то и ее младший брат произвел на всех благоприятное впечатление.

Когда настало время уходить, все наперебой старались оказывать Цинь Чжуну всяческие знаки внимания. Матушка Цзя подарила ему маленький вышитый кошелек и золотую фигурку бога Куй-сина в знак того, что Цинь Чжун всегда должен находиться в «согласии с богом – покровителем науки».

– Твоя семья живет далеко, – говорила она Цинь Чжуну. – Ездить оттуда на занятия тебе, пожалуй, будет не совсем удобно, особенно в холод или в жару, так что лучше живи у нас. Только смотри, будь все время со вторым дядей Бао-юем и не перенимай дурных привычек у учеников, которые не хотят прилежно учиться.

Цинь Чжун со всем почтительно соглашался, а когда вернулся домой, подробно рассказал об этом отцу.

Отец Цинь Чжуна, по имени Цинь Бан-е, служил в управлении строительства. Ему было уже более шестидесяти лет, жена его давно умерла. Так как в молодости своих детей у него не было, он взял в сиротском доме на воспитание мальчика и девочку. В то время ему было пятьдесят лет. Однако мальчик вскоре умер, и осталась только девочка, детское имя которой было Кэ-эр. Когда девочка немного подросла, ее имя изменили на Цзянь-мэй. Она была стройна, красива, немного кокетлива и обладала мягким характером. У старика были отдаленные родственные связи с семьей Цзя, куда он и выдал замуж свою воспитанницу.

Когда Цинь Бан-е было пятьдесят три года, у него родился Цинь Чжун, которому сейчас исполнилось двенадцать лет. В прошлом году его учитель уехал домой на юг, и Цинь Чжун вынужден был сидеть дома и повторять пройденное, поэтому отец подумывал, как бы поговорить со своими родственниками из семьи Цзя и пристроить сына в их домашнюю школу. К счастью, Цинь Чжун встретился с Бао-юем, узнал от него, что домашней школой рода Цзя ведает ученый-конфуцианец Цзя Дай-жу, и отец был очень рад, что сумеет устроить сына в школу, надеясь, что тот будет успешно учиться и это даст ему возможность добиться известности и сделать карьеру. Цинь Бан-е смущало лишь то, что сын его все время будет находиться

вместе с детьми богатых и знатных родителей, поэтому, чтобы не уронить свое достоинство, неизбежны были большие расходы. Однако во имя будущего сына он не останавливался ни перед чем. Собрав, откуда только было возможно, двадцать четыре ляна серебра на подарки, которые полагалось подносить при первой встрече, он вместе с Цинь Чжуном отправился к Цзя Дай-жу. После этого Бао-юй избрал счастливый день, когда Цинь Чжун впервые вместе с ним должен был пойти в школу. И с этих пор в школе начались скандалы.

Но об этом мы расскажем в следующей главе.

Глава девятая, из которой можно узнать о том, как Ли Гуй получил наказ наставлять дурного мальчишку и как Мин-янь, рассердившись на сорванцов, учинил скандал в школе

Цинь Бан-е и его сын ожидали письма от семьи Цзя с сообщением о начале занятий в школе. Бао-юй был так нетерпелив в своем желании поскорее встретиться с Цинь Чжуном, что решил непременно идти в школу через три дня, о чем и не замедлил известить своего друга письмом.

В тот день, когда Бао-юй проснулся, Си-жэнь, которая уже успела собрать и привести в порядок книги, кисти для письма и другие школьные принадлежности, грустная и задумчивая сидела на краю его кровати. Как только Бао-юй поднялся с постели, она стала помогать ему причесываться и умываться.

– Дорогая сестра, почему ты так невесела? – спросил Бао-юй, заметив печальное выражение на лице Си-жэнь. – Неужели ты боишься, что если я буду посещать школу, я охладеею к вам?

– Зачем ты говоришь ерунду! – упрекнула его Си-жэнь. – Ученье – дело хорошее! Не учиться, значит напрасно жить на свете. Только об одном тебя прошу: когда читаешь – пусть все твои мысли будут заняты книгой; когда не занимаешься – думай о доме. И смотри, не балуйся с мальчишками, не то узнает твой отец, а с ним шутки плохи! Хотя ты и говоришь, что преисполнился решимостью учиться, но, по-моему, время занятий следует ограничить – захватишь слишком большой кусок, не сможешь его проглотить, да и здоровье нужно беречь. Это лишь мое собственное мнение, но все же подумай над моими словами.

На каждую фразу Си-жэнь юноша отвечал кивком головы.

– Твой халат на меху я уложила в узел и отдала слугам, – продолжала между тем Си-жэнь. – Если в школе будет холодно, наденешь его сам, потому что там некому будет о тебе заботиться, как дома. Грелки для рук и для ног я тоже туда отослала, требуй, чтобы слуги подавали тебе их, когда понадобится. Ведь все они лентяи, и если им не напомнишь, они только рады будут. Чего доброго, еще заморозят тебя!

– Не беспокойся, я сам справлюсь, – пообещал ей Бао-юй. – Только вы здесь не скучайте, почаще ходите гулять с сестрицей Линь Дай-юй.

Пока они разговаривали, Бао-юй оделся и собрался, и Си-жэнь стала торопить его пойти навестить матушку Цзя, Цзя Чжэна и госпожу Ван.

Поговорив немного с Цин-вэнь и Шэ-юэ, Бао-юй наконец отправился к матушке Цзя, которая тоже не упустила случая, чтобы сделать ему кое-какие наставления. Потом Бао-юй повидался с госпожой Ван и, выйдя от нее, направился в кабинет Цзя Чжэна.

В это утро Цзя Чжэн сидел у себя в кабинете и вел праздную беседу с молодыми людьми из числа приживальщиков дома, как вдруг к нему вошел Бао-юй, справился о здоровье и сообщил, что отправляется в школу.

Язвительная, холодная усмешка промелькнула на губах Цзя Чжэна:

– Этими словами «иду в школу» ты прямо-таки заставляешь меня сгорать от стыда! Я бы сказал, что ты идешь играть в бирюльки – это было бы вернее! Погляжу я на тебя, и кажется, что ты только пачкаешь пол, на котором стоишь, и оскверняешь дверь, к которой прислоняешься!

– Зачем вы так строги с ним? – засмеялись гости, вставая. – Если ваш сын начнет старательно заниматься, то, гляди, годика через два-три и прославится. Ведь не будет же он вести

себя так, как в прежние годы. – А тебе, братец, нечего медлить, – добавили они, обращаясь к Бао-юю, – время уже к завтраку.

И тотчас два старика под руки вывели Бао-юя.

– Эй, кто там из слуг сопровождает Бао-юя? – крикнул Цзя Чжэн в дверь.

Снаружи отозвалось несколько голосов, и на пороге появились три или четыре рослых детины: они опустились на колени перед Цзя Чжэном и справились о здоровье. В одном из них Цзя Чжэн узнал Ли Гуя, сына кормилицы Бао-юя, мамки Ли.

Обращаясь к нему, Цзя Чжэн спросил:

– Вы с Бао-юем целыми днями пропадаете в школе, скажи мне наконец, какие книги он прочел? Наверное, запомнил наизусть несколько легкомысленных рассказиков да научился всяким проделкам! Вот погоди, освобожусь, так с тебя с первого шкуру спущу, а потом и с этим тупицей рассчитаюсь!

Перепуганный Ли Гуй сдернул с головы шапку. Отвесив земной поклон, он произнес: «Слушаюсь!» – и добавил:

– Старший брат Бао-юй выучил три раздела «Шицзина» до какой-то там песни: «Оленей, оленей вдали слышен зов, там лотосов листья и ряска прудов»⁴¹. Ей-ей, не смею вам лгать!

Все так и покатались со смеху. Цзя Чжэн, который тоже не мог сдержать улыбку, сказал:

– Боюсь, что если он выучит еще тридцать разделов «Шицзина», толку будет не больше, чем, «заткнув уши, красть колокол» – просто обман людей! Так что пойдя, справься о здоровье господина учителя и передай ему от меня: «Не нужно приводить всякие легкомысленные пустые истории для объяснения «Шицзина» и древних текстов; первым долгом заставьте Бао-юя выучить «Четверокнижие». Это сейчас самое важное».

Ли Гуй еще раз произнес: «Слушаюсь» и, заметив, что Цзя Чжэн замолчал, поднялся с колен и вышел.

В это время Бао-юй, затаив дыхание, в одиночестве стоял за дворовыми воротами и поджидал, пока слуги выйдут, чтобы вместе отправиться в школу.

Между тем Ли Гуй, отряхивая на себе одежду, говорил Бао-юю:

– Слышал, брат? Сначала собираются с нас шкуру спустить! У других людей слуги, сопровождающие хозяина, пользуются почетом и уважением, а мы вот за тебя только терпим понапрасну ругань и побои. Хоть бы пожалел нас!

– Не обижайся, дорогой братец, – улыбнулся Бао-юй, – я как-нибудь на славу угощу тебя.

– Эх, молодой господин, кто же смеет на это надеяться? – со вздохом произнес Ли Гуй. – Слушай хоть, что тебе говорят, и то ладно.

Подшли к дому матушки Цзя. Цинь Чжун был уже там, и матушка Цзя с ним беседовала. Бао-юй поздоровался с Цинь Чжуном, затем они оба простились с матушкой Цзя.

Бао-юй неожиданно вспомнил, что еще не попрощался с Дай-юй, и побежал в ее комнату. Дай-юй сидела возле окна перед зеркалом и наряжалась. Узнав, что Бао-юй идет в школу, Дай-юй обернулась и с улыбкой сказала:

– Вот и прекрасно! Думаю, что на сей раз ты «сломаешь коричную ветку во дворце луны»⁴². Проводить тебя я не могу.

– Подожди, милая сестрица, пока я вернусь с занятий, – проговорил Бао-юй, – тогда мы поужинаем и сделаем для тебя румяна.

Поболтав еще некоторое время, Бао-юй повернулся и направился к выходу. Дай-юй поспешила окликнуть его:

– Что же ты не идешь прощаться с сестрой Бао-чай?

---

⁴¹ Ли Гуй искажил цитату из «Шицзина», сделав эти строки абсурдными: олени пасутся на водоемах. Подлинная цитата следующая: Оленей, оленей разносит зов, Едят они дикие травы лугов.

⁴² Образное выражение, употребляемое в смысле добиться успехов в учебе и выдержать экзамен на государственную должность.

Бао-юй засмеялся, но ничего не ответил и вместе с Цинь Чжуном отправился в школу.

Собственно говоря, эта бесплатная школа находилась неподалеку от дома и была создана основателем рода, прадедом Бао-юя, с тем чтобы в ней могли учиться дети родителей, принадлежащих к семье Цзя, которые сами были не в состоянии нанять учителей. Все члены рода, занимавшие чиновничьи должности, обязаны были вносить деньги на расходы по содержанию школы. Учителем обычно избирался самый пожилой и добродетельный человек в семье.

Придя в школу, Бао-юй и Цинь Чжун познакомились с учениками и без промедления приступили к занятиям. Они были неразлучны, всюду ходили вместе, вместе садились, вместе вставали, дружба их становилась все крепче и теснее. Матушка Цзя тоже полюбила Цинь Чжуна, часто на несколько дней оставляла его у себя и относилась к нему как к своему правнуку. Зная, что семья Цинь Чжуна не из богатых, матушка Цзя иногда помогала мальчику одеждой либо другими вещами. Таким образом, не прошло и двух месяцев, как Цинь Чжун полностью освоился с жизнью во дворце Жунго.

Бао-юй, в противоположность Цинь Чжуну, не умел сдерживать свои желания и быть благоразумным и требовал, чтобы все его прихоти исполнялись немедленно. Поэтому, когда однажды на него напала блажь, он потихоньку сказал Цинь Чжуну:

– Мы с тобой одного возраста, вместе учимся – давай не называть друг друга дядей и племянником, будем братьями.

Цинь Чжун сначала не мог на это решиться, но Бао-юй и слышать ничего не хотел, упорно звал его братом, дал прозвище Цзин-цин, и Цинь Чжуну в конце концов пришлось последовать его примеру.

Надо сказать, что хотя в школе учились лишь сыновья и племянники, принадлежавшие к одному роду, но, как гласит пословица, «у дракона девять сыновей, и у каждого из них свои отличия»; поскольку учеников в школе было много, это неизбежно приводило к тому, что в число «драконов» попадали «змеи» – мелкие и низкие людишки.

С появлением в школе Цинь Чжуна и Бао-юя все сразу обратили внимание на то, что Цинь Чжун робок и стыдлив, краснеет и смущается еще до того, как ему что-нибудь скажут, и манерами напоминает девушку; а Бао-юй тоже такой же мягкий и покорный, обладает чутким, отзывчивым характером, и только всегда ведет чересчур витиеватые и заумные речи. К тому же мальчики были очень дружны, что не могло не вызвать подозрений со стороны соучеников, и те за глаза стали шептаться о них, злословить, распускать всякие нелепые слухи как в школе, так и вне ее.

Сюэ Пань, поселившись в доме госпожи Ван, быстро разузнал о существовании домашней школы. У него внезапно вспыхнула «страсть Лун Яна», и он заявил, что якобы хочет учиться, однако на самом деле он «три дня ловил рыбу, два дня сушил сети», посылал подарки учителю Цзя Дай-жу, в учебе никаких успехов не делал и только помышлял о том, как бы поближе завязать дружбу с мальчиками.

Разумеется, в школе нашлись ученики, которые, соблазнившись деньгами и угощениями Сюэ Паня, поддались на обман и попались в его сети. О двух из них ничего не было известно: никто не знал, чьи они родственники, каково их настоящее имя; поскольку они были красивы и близки с Сюэ Панем, им дали прозвища: одному – Сян-лянь – Сладостная нежность, другому – Юй-ай – Яшмовая любовь. Хотя у мальчиков при виде их, как говорится, слюнки текли и появлялось «преступное» желание, никто не осмеливался их затрагивать из страха перед Сюэ Панем.

Когда Бао-юй и Цинь Чжун появились в школе, они тоже почувствовали симпатию к Сян-ляню и Юй-аю, но, зная об их связи с Сюэ Панем, не осмеливались допускать по отношению к ним легкомысленных поступков. Сян-лянь и Юй-ай в свою очередь дружески относились к Бао-юю и Цинь Чжуну. Таким образом, хотя все четверо в душе симпатизировали друг другу, эта симпатия пока еще не проявлялась открыто.

Ежедневно, приходя в школу, мальчики неотрывно следили за каждым движением друг друга, либо начинали перебрасываться загадками, говорить намеками, но старались все это делать так, чтобы понятно было только им самим и не привлекало внимания остальных. Однако несколько хитрецов и пройдох подметили их взаимоотношения, стали у них за спиной корчить гримасы, покашливать. Так продолжалось изо дня в день.

Однажды у Цзя Дай-жу было какое-то дело. Дав ученикам задание сочинить к следующему дню парное выражение из семи слов в строке, он ушел домой, оставив присматривать за порядком в школе своего старшего внука Цзя Жуя.

В этот день Сюэ Пань не явился на утреннюю перекичку в школу, и Цинь Чжун, воспользовавшись этим, перемигнулся с Сян-лянем, они встали и под предлогом естественной надобности вышли во внутренний дворик. Цинь Чжун первый спросил:

– Твои домашние интересуются, с кем ты дружишь?

Не успел он произнести эти слова, как за спиной его кто-то нарочито громко кашлянул. Мальчики испуганно обернулись и увидели перед собой своего соученика Цзинь Жуна.

Сян-лянь обладал вспыльчивым характером, но тут неожиданно смутился и недовольным тоном спросил:

– Чего кашляешь? Что, нам поговорить нельзя?

– Если вам можно говорить, почему мне нельзя кашлять? – вызывающе сказал Цзинь Жун. – Я только хотел вас спросить, какими штучками вы здесь занимаетесь? Ведь я вас поймал! Как вы отопретесь? Принимайте в компанию, не то всем расскажу!

– На чем ты нас поймал? – покраснев от волнения, спросили Цинь Чжун и Сян-лянь.

– На том, что вы в самом деле делали! – засмеялся Цзинь Жун и, захлопав в ладоши, закричал: – Давайте выкуп!

Взволнованные и рассерженные, Сян-лянь и Цинь Чжун бросились жаловаться Цзя Жую, что Цзинь Жун безо всякой причины обижает их.

Цзя Жуй оказался бессовестным человеком, который заботился лишь о своих интересах и из всего старался извлечь выгоду; и всякий раз, когда ему приходилось бывать в школе, он требовал, чтобы ученики его угощали. Он во всем потворствовал Сюэ Паню в надежде на его подачки, и поэтому, когда Сюэ Пань безобразничал, Цзя Жуй не только не останавливал его, но еще помогал ему, стремясь тем самым снискать его расположение. Как назло, Сюэ Пань отличался крайним непостоянством: сегодня ему нравилось одно, завтра – другое, а в последнее время у него завелись новые друзья, и он сразу бросил и Сян-ляня, и Юй-ая, точно так же, как бросил Цзинь Жуна, когда у него появились Сян-лянь и Юй-ай. Цзя Жуй, конечно, вовсе не выражал недовольства тем, что Сюэ Пань, встречая нечто новое, мгновенно забывал о старом; его возмущало то, что Сян-лянь и Юй-ай в свое время не помогли ему снискать благосклонность Сюэ Паня. Вот почему Цзя Жуй, Цинь Жун и некоторые другие ненавидели Сян-ляня и Юй-ая. И сейчас, когда Цинь Чжун и Сян-лянь пришли жаловаться на Цзинь Жуна, Цзя Жуй был крайне недоволен, но, не осмеливаясь грубо прикрикнуть на Цинь Чжуна, отыгрался на Сян-ляне, заявив, что тот всегда лезет не в свои дела, и вдобавок ни с того ни с сего на него накричал, что возмутило даже Цинь Чжуна. В конце концов оба мальчика отошли от Цзя Жуя и молча вернулись на свои места. Цинь Жун, который был доволен таким оборотом дела, только качал головой, прищелкивая языком, да болтал всякую чепуху. Сидевший неподалеку от него Юй-ай прекрасно слышал все, что говорил тот, и, не утерпев, начал возражать ему.

– Я только что своими глазами видел, как они целовались и гладили друг друга по заднице! – нагло заявил Цзинь Жун. – К согласию они уже давно пришли и сейчас только договаривались о подробностях.

Он так увлекся, что начал болтать совершенно неприличные вещи, не обращая внимания на присутствие других учеников. И вот один из них рассердился! И представляете кто? Цзя Цян!

Цзя Цян был правнуком Нинго-гуна по прямой линии. Родители его давно умерли, и с самого детства он жил у Цзя Чжэня. Недавно ему исполнилось шестнадцать лет, он обладал более утонченными манерами, чем Цзя Жун, родной сын Цзя Чжэня. С Цзя Жуном его связывала тесная дружба, и жили они вместе.

Во дворце Нинго обитали самые разнообразные по характеру и склонностям люди, насчет которых обиженные чем-нибудь слуги и служанки не упускали случая позлословить; они не стеснялись отпускать по адресу господ самые неприличные и бранные слова, какие только встречаются в обиходе простолюдинов. Понимая, что о Цзя Цяне тоже может пойти дурная слава, Цзя Чжэнь, чтобы отвести от себя подозрения, недавно выделил для него отдельный дом, приказал ему переселиться туда из дворца Нинго и обзавестись своей семьей.

Цзя Цян был умный, понятливый юноша и обладал приятной наружностью. Он ходил в школу только для отвода глаз, на самом деле он увлекался лишь петушиными боями да собачьими бегами, наслаждался цветами да любовался ивами. И кто мог осмелиться перечить ему, если он пользовался любовью Цзя Чжэня и дружил с Цзя Жуном! Чувствуя несправедливость, он тут же захотел вмешаться, но потом подумал:

«Цзинь Жун и Цзя Жуй – друзья моего дяди Сюэ Паня, да и я с Сюэ Панем в хороших отношениях. Если я вмешаюсь и они пожалуются Сюэ Паню, это может повредить нашей дружбе! Промолчать тоже нельзя – пойдут сплетни. Почему бы мне не схитрить? Тогда прекратятся всякие разговоры, да и моя репутация не пострадает».

Он сделал вид, что направляется во двор по естественным надобностям, а сам незаметно подозвал к себе Мин-яня, слугу Бао-юя, носившего его книги, и сказал ему несколько слов с целью подстрекнуть его.

Мин-янь, любимец Бао-юя, молодой и неопытный в житейских делах, едва услышал, что Цзинь Жун только что обидел Цинь Чжуна и его господин Бао-юй замешан в это дело, решил проучить обидчика.

Мин-янь, и без того никому не дававший спуска, чувствовал сейчас за собой поддержку Цзя Цяна и сразу бросился искать Цинь Жуна. Увидев его, он даже не назвал обидчика «господином», а прямо набросился:

– Эй, Цинь Жун! Сволочь ты этакая!

Услышав это, Цзя Цян притопнул ногой, отряхнул на себе платье и сказал:

– Пожалуй, мне пора!

Он заявил Цзя Жую, что у него дела и ему нужно уйти пораньше. Цзя Жуй не осмелился задерживать его.

Между тем Мин-янь поймал Цинь Жуна за руку и угрожающе спросил:

– Какое тебе дело, что мы со своими задницами делаем? Ведь мы твоего папашу не трогаем, и молчи! А если ты такой храбрец, выходи, давай померяемся силой!

Все дети, находившиеся в классе, оторопели и испуганно таращили на них глаза.

– Мин-янь! – закричал Цзя Жуй. – Не устраивай безобразия!

– Ты бунтовать! – позеленев от злости, выкрикнул Цинь Жун. – Все эти рабы – подлецы! Вот погоди, поговорю я с твоим хозяином!

С этими словами он вырвал у Мин-яня свою руку и бросился к Бао-юю. В это время Цинь Чжун, стоявший рядом, услышал возле своего уха шум, напоминающий свист ветра, и заметил, как мимо пролетела неизвестно кем брошенная тушечница, которая упала на скамью, где сидели Цзя Лань и Цзя Цзюнь.

Цзя Лань и Цзя Цзюнь тоже принадлежали к внукам Жунго-гуна. Цзя Цзюнь был связан тесной дружбой с Цзя Ланем, и поэтому они сидели вместе. Но, несмотря на то что Цзя Цзюнь был еще совсем малыш, он отличался твердостью духа и был настолько избалован, что не боялся никого на свете. Случайно Цзя Цзюнь заметил, как друг Цинь Жуна, желая ему помочь, запустил в Мин-яня тушечницей, но промахнулся, и тушечница, пролетев мимо,

шлепнулась на его собственный стол, разбив вдребезги его собственную фарфоровую тушечницу и забрызгав тушью книгу. Как Цзя Цзюнь мог стерпеть такое?

– Арестантское отродье! – выругался он. – Распустили руки!

С этими словами он схватил тушечницу и хотел запустить в своего врага, однако Цзя Лань, более спокойный и рассудительный, удержал его за руку:

– Дорогой брат, ведь это нас не касается!

Но разве можно было унять Цзя Цзюня? Он подхватил короб для книг и с яростью швырнул в обидчика. Но он был мал ростом, сил у него не хватило, и короб, не долетев до места назначения, шлепнулся на стол Бао-юя и Цинь Чжуна. Раздался звон – на пол посыпались осколки от чайной чашки Бао-юя, разлился чай, разлетелись в стороны книги, бумага, кисти, тушечница.

Цзя Цзюнь вскочил и хотел вцепиться в мальчишку, бросившего тушечницу. В этот же момент Цинь Жун схватил попавшуюся ему бамбуковую палку. Хотя размахнуться в таком узком месте не было возможности, Мин-яню все же несколько раз попало, и он диким голосом закричал:

– Эй, вы, чего не помогаете?!

Следует заметить, что у Бао-юя было еще несколько мальчиков-слуг, одного из них звали Сао-хун, другого – Чу-яо, третьего – Мо-юй. Разумеется, эти трое тоже были не прочь побаловаться.

– Эй, ублюдок! – закричали они. – Так ты вздумал пустить в ход оружие!

Мо-юй выдернул дверной засов, у Сао-хуна и Чу-яо в руках оказались конские хлысты, и они дружно ринулись вперед.

Цзя Жуй бросался то к одному, то к другому, упрашивал, угрожал, но никто его не слушал. Началась свалка. Озорные мальчишки, не смевшие прямо вступить в драку, старались увеличить сумятицу, хлопали в ладоши, кричали и смеялись, подзадоривая дерущихся. Школа походила на кипящий котел. Ли Гуй и несколько других слуг, находившихся во дворе, услышали шум и крики, бросились в дом и, громко прикрикнув на шалунов, кое-как утихомирили их. Затем спросили, что случилось. В ответ заговорили все сразу, причем каждый доказывал свое. Ли Гуй обругал Мин-яня и остальных слуг Бао-юя и выгнал их.

На макушке у Цинь Чжуна, которого Цинь Жун ударил палкой, синела большая ссадина. Бао-юй полой куртки растирал ему голову. Когда шум понемногу затих, он повернулся к Ли Гую и приказал:

– Собери книги! И подай мне коня, я поеду доложу обо всем господину Цзя Дай-жу! Нас обидели! Соблюдая правила приличия, мы пожаловались господину Цзя Жую, но вместо того, чтобы за нас заступиться, он всю вину взвалил на нас! Да еще других науськивал! Разве Мин-янь не должен был заступиться, если видел, что нас обижают? Они всей шайкой набросились, побили Мин-яня, а Цинь Чжуну чуть не проломили голову. Как учиться в этой школе?

– Я бы все же не советовал вам слишком торопиться, старший брат, – принялся уговаривать его Ли Гуй. – У господина Цзя Дай-жу дела, и он ушел домой. Если мы начнем досаждать ему всякими пустяками, это будет свидетельствовать о нашей непочтительности к пожилому человеку. По-моему, лучше решить дело на месте, а не тревожить учителя. Ведь это ваше упущение, господин, – продолжал он, обращаясь к Цзя Жую. – В отсутствие вашего дедушки – вы глава в школе, и все взирают на вас. Если мальчишки провинились, выпорите кого следует, кого нужно – накажите. Зачем доводить дело до скандала?

– Я на них кричал, но меня никто не слушал, – оправдывался Цзя Жуй.

– Можете сердиться, но я все равно скажу, – спокойно продолжал Ли Гуй, – дети не слушаются вас потому, что вы относитесь к ним несправедливо. Ведь если этот скандал дойдет до господина Цзя Дай-жу, вам не миновать неприятностей. А вы даже не спешите уладить дело миром!

– Что тут улаживать? – перебил его Бао-юй. – Я все равно уйду!

– Если Цзинь Жун останется в школе, я тоже уйду! – заявил Цинь Чжун.

– Это почему же? – спросил его Бао-юй. – Неужели другим можно ходить в школу, а тебе нельзя? Я непременно попрошу старую госпожу, чтобы Цзинь Жуна выгнали! Чей родственник этот Цзинь Жун? – обратился он к Ли Гую.

– Не стоит об этом спрашивать, – немного подумав, произнес Ли Гуй. – Если затронуть его родственников, можно испортить добрые отношения между братьями.

– Он – племянник жены Цзя Хуана из дворца Нинго, – поспешил вмешаться Мин-янь, стоявший снаружи под окном. – Подумаешь, важная особа – тоже вздумал нас пугать! Жена Цзя Хуана приходится ему теткой по отцовской линии. Твоя тетка только и умеет лебезить перед другими! Перед второй госпожой Фын-цзе она недавно на коленях ползала и умоляла одолжить ей денег под залог! На такую госпожу-тетку мне и смотреть противно!

– Вот щенок! – прикрикнул на него Ли Гуй. – И это ему известно! Уже успел наквакать!

– А я-то думал, чей он родственник! – холодно усмехнулся Бао-юй. – Оказывается, племянник жены Цзя Хуана! Сейчас поеду и расспрошу ее!

Он велел Мин-яню сложить книги, а сам собрался идти.

– Вам вовсе незачем ходить к ней, господин, – произнес сияющий от удовольствия Мин-янь, собирая книги. – Я сам разыщу ее и скажу, что старая госпожа хочет кое-что у нее спросить, найму коляску и привезу ее. Разве не проще будет, если вы с ней поговорите в присутствии старой госпожи?

– Ах, чтоб ты пропал! – цыкнул на него Ли Гуй. – Берегись, как бы я не вышвырнул тебя отсюда, а потом не доложил старой госпоже, что это ты подстрекал старшего брата Бао-юя! Насилу удалось прекратить драку, а ты снова пришел затевать! Всю школу перевернул вверх дном, и не только не хочешь загладить свою вину, а сам еще лезешь на рожон!

Мин-янь прикусил язык и не осмеливался больше произнести ни слова.

Цзя Жуй больше всего опасался, как бы скандал не получил огласки, ибо его совесть тоже была не совсем чиста. Поэтому, скрыв обиду, он принялся уговаривать Цинь Чжуна и Бао-юя не уходить. Те сначала не соглашались, но потом Бао-юй уступил.

– Хорошо, мы останемся, – промолвил он. – Но пусть прежде Цинь Жун попросит прощения.

Цинь Жун сперва не хотел, тогда Цзя Жуй вышел из себя и стал принуждать его силой. Ли Гую тоже пришлось вмешаться.

– Ведь ты же первый все затеял, – говорил он Цинь Жуну. – Ты понимаешь, что может получиться, если ты не попросишь прощения?

Наконец Цинь Жун сдался, почтительно сложил руки и слегка поклонился Цинь Чжуну. Однако Бао-юй не принимал такого извинения и требовал непременно земного поклона.

Цзя Жуй, который во что бы то ни стало хотел замять скандал, тоже потихоньку уговаривал Цинь Жуна:

– Вспомни пословицу: «Сдержишь минутный гнев – век проживешь без хлопот»!

Послушался ли его Цинь Жун, вы узнаете из следующей главы.

Глава десятая, в которой рассказано о том, как вдова Цзинь стерпела обиду и как доктор Чжан старался найти источник болезни

Присутствие большой толпы людей и понуждения Цзя Жуя подействовали наконец на Цзинь Жуна, он попросил прощения и отвесил земной поклон Цинь Чжуну. Лишь после этого Бао-юй успокоился.

Вскоре все разошлись. Возвратившись домой, Цзинь Жун думал о случившемся, и в душе его нарастали гнев и досада:

«Этот Цинь Чжун всего-навсего младший брат жены Цзя Жуна, прямого отношения к семье Цзя не имеет, ходит в школу на равных правах со мной, но, пользуясь дружбой с Бао-юем, смотрит на всех свысока. Не мешало бы ему держаться поскромнее и не задирать носа. Он не должен был баловаться с Бао-юем, а то думает, что все слепы и ничего не видят. Сегодня он снова подцепил мальчишку, но я это обнаружил, поэтому и получился скандал. Мне-то чего бояться?!»

Мать Цзинь Жуна – урожденная Ху, услышав, что сын что-то бормочет себе под нос, спросила:

– Опять что-нибудь затеваешь? Сколько трудов мне стоило убедить твою тетушку, чтобы она поговорила со второй госпожой Фын-цзе и добилась разрешения определить тебя в эту школу! Спасибо, люди помогли, а то разве мы в состоянии были бы нанять учителя?! В школе ты на всем готовом, и за два года твоей учебы нам удалось порядочно сэкономить. На эти деньги тебе сделали приличную одежду. Да и разве ты познакомился бы с господином Сюэ Панем, если бы не ходил в школу? А ведь господин Сюэ Пань за один год подарил нам семьдесят или восемьдесят лян серебра. Если ты учинишь скандал и тебя выгонят из школы, где ты еще найдешь такое место? Скажу тебе прямо: это будет труднее, чем взобраться на небо! Ладно, иди спать!

Сдержав свое возмущение, Цинь Жун промолчал и вскоре ушел спать. А на следующий день он по-прежнему как ни в чем не бывало отправился в школу.

А теперь расскажем о тетушке Цзинь Жуна – жене одного из «яшмовых» Цзя⁴³, имя которого было Цзя Хуан. Но разве эта ветвь рода обладала таким могуществом, как прямые наследники Жунго-гуна и Нинго-гуна? Разумеется, нет, и говорить об этом не приходится.

Обладая более чем скромным достатком, Цзя Хуан и его жена часто ездили на поклон во дворцы Жунго и Нинго, и лишь благодаря тому, что мать Цзинь Жуна умела льстить Фын-цзе и госпоже Ю, те всегда помогали ей, и она кое-как сводила концы с концами.

В этот день погода выдалась ясная, дома дел не было, и мать Цзинь Жуна, захватив с собой служанку, села в коляску и отправилась навестить невестку и племянника.

Беседа началась с того, что мать Цзинь Жуна рассказала младшей сестре своего мужа о происшествии, случившемся накануне в домашней школе семьи Цзя.

Выслушав ее, жена Цзя Хуана вскипела от гнева:

– Если уж этот Цинь Чжун – родственник семьи Цзя, то чем наш Цинь Жун хуже? Чересчур много они на себя берут! Ну что такого зазорного сделал Цинь Жун? Не стоило Бао-юю заставлять его кланяться до земли... Но ничего! Поеду во дворец Нинго, поговорю с супругой господина Цзя Чжэня, да и старшей сестре Цинь Чжуна намекну – пусть они разберутся!

---

⁴³ «Яшмовые» Цзя – то есть те члены рода Цзя, имена которых в иероглифическом начертании имели ключевой знак «яшма». К таким относилось большинство старших членов рода.

Взволнованная мать Цзинь Жуна стала ее просить:

– Виновата во всем я из-за своей болтливости. Не говори об этом никому. Разве тут поймешь, кто прав, кто виноват? Если начнется скандал – мой сын не удержится в школе. А кто наймет ему домашнего учителя? Мало того, еще придется тратиться на его содержание!

– Глупости! – возмутилась супруга Цзя Хуана. – Я сначала поговорю с госпожой Ю, а там посмотрим!

Не обращая внимания на уговоры невестки, она приказала женщине-служанке заложить коляску, села в нее и отправилась во дворец Нинго. Но когда она вошла в дом и встретилась с госпожой Ю, от ее возмущения не осталось и следа. Самым любезным образом она потолковала с госпожой Ю о погоде, рассказала ей о кое-каких пустяках, а затем спросила:

– Что это сегодня не видно супруги господина Цзя Жуна?

– Не знаю, – ответила госпожа Ю, – мне даже неизвестно, как она себя чувствует в последние два месяца. У нее давно уже нет месячных, но врач говорит, что это не беременность. Со дня полнолуния она еле двигается, говорит с трудом и с виду совсем вялая. Я ей сказала: «Отбрось церемонии, не навещай утром и вечером родителей, заботься о своем здоровье! Если придут родные, я их приму! Станет кто-нибудь из старших тебя укорять, я скажу, что ты больна». Даже Цзя Жуну я говорила: «Не утруждай ее, не сердь, – пусть некоторое время поживет спокойно. Захочет она что-нибудь поесть – скажи мне! Случится с ней несчастье, другую жену с таким характером и такой красотой ты днем с фонарем не сыщешь!» Она старшим всегда угождала, поэтому все ее любят. Последние дни я из-за нее не нахожу себе покоя! А тут как нарочно утром пришел ее брат. Он так наивен и неопытен, совершенно не разбирается ни в чем. Он хорошо знает, что сестра нездорова и никакими делами ее нельзя беспокоить – даже если бы ему нанесли самую страшную обиду. Вчера в школе произошла драка, кто-то из учеников обидел его и обругал неприличными словами, а он возьми да и расскажи об этом сестре. Она любит шутить, но ты ведь знаешь, какая это мнительная женщина. Стоит ей недослышать одно слово, как она три дня и три ночи будет строить всякие предположения. И болезнь эта у нее от того, что она чересчур много думает! Как только она услышала, что кто-то обидел ее братишку, сразу рассердилась и расстроилась. Рассердилась она на непорядочных друзей, которые подстрекают к ссоре; расстроилась же потому, что братец у нее непутевый, плохо учится, не думает о занятиях, и это привело к скандалу в школе. Из-за всей этой истории она даже завтракать не стала. Я только что ходила ее успокаивать, заодно сделала выговор ее брату и отослала его во дворец Жунго к Бао-юю. Лишь после этого она в моем присутствии с трудом съела полчашки супа из ласточкиных гнезд. Вот и скажи, тетушка, как мне не переживать. К тому же и врача хорошего нет. Как только я подумаю, что она больна, меня словно иголками в сердце колют! Ты не знаешь, есть ли где-нибудь опытный врач?

Госпожа Цзинь от испуга сразу позабыла о гнев, которым только что пылала в присутствии своей невестки, и о возмущении, которое она намеревалась выразить госпоже Цинь по поводу ее младшего брата. Услышав, что госпожа Ю интересуется врачом, она поспешила ответить:

– Мне не приходилось слышать о хорошем враче. Но из того, что вы мне рассказали, никак нельзя заключить, что ваша невестка беременна. Уж вы не разрешайте лечить ее кому попало, если начнут лечить неправильно, дело может худо окончиться!

– Совершенно верно, – согласилась госпожа Ю.

Разговор женщин был прерван появлением Цзя Чжэня. Войдя в комнату и заметив госпожу Цзинь, он спросил:

– Это жена господина Цзя Хуана?

Госпожа Цзинь поспешила справиться о здоровье Цзя Чжэня.

– Ты бы угостила сестрицу, – предложил Цзя Чжэнь, обращаясь к госпоже Ю, и вслед за тем вышел в другую комнату.

Собственно говоря, госпожа Цзинь пришла с целью пожаловаться госпоже Цинь на Цинь Чжуна, который якобы обидел ее племянника, но когда она услышала, что госпожа Цинь больна, то даже не посмела заикнуться об этом. К тому же Цзя Чжэнь и госпожа Ю любезно ее приняли, поэтому гнев ее прошел. Посидев еще немного, она поболтала о пустяках и наконец попрощалась.

После ухода госпожи Цзинь снова вошел Цзя Чжэнь и спросил госпожу Ю:

– О чем она тебе говорила?

– Так, ничего особенного, – ответила госпожа Ю. – Когда она вошла, я заметила на ее лице выражение недовольства, а когда зашел разговор о болезни нашей невестки, ее раздражение понемногу улеглось. Потом ты велел ее угостить, но она, видимо, сочла неудобным слишком засиживаться в то время, когда наша невестка больна, поговорила еще немного и ушла, так ни о чем и не попросив. Кстати, давай решим, как быть с невесткой. По-моему, надо без промедления найти хорошего врача, пусть он ее осмотрит – это сейчас самое главное. Все эти врачи, которые ходят к нам в дом, ничего не стоят! Каждый из них старается послушать, что говорят другие, и уж только потом от себя добавит несколько мудреных словечек. И усердствуют они сверх всякой меры, целыми днями так и идут чередой, а то соберутся сразу четыре или пять и начинают проверять пульс. Потом советуются, какое прописать лекарство. А его сколько ни принимай, все равно без толку. Да еще перед приходом этих врачей больную приходится по нескольку раз в день переодевать – право же, и нам хлопоты, и для нее никакой пользы.

– Она тоже глупа! – заметил Цзя Чжэнь. – Зачем ей всякий раз переодеваться? Ведь она может простудиться и прибавится новая болезнь! Ну что стоит даже самое хорошее платье? Для нас важнее всего ее здоровье, а платье – пустяки. Если нет здоровья, хоть каждый день наряжайся в новое, все ни к чему. Я как раз хотел тебе сказать: только что ко мне заходил Фын Цзы-ин; он заметил мое беспокойство и спросил, что меня тревожит. Я и рассказал ему, что нашей невестке нездоровится, а мы никак не можем найти хорошего врача, который смог бы определить, то ли она беременна, то ли чем-то больна, представляет ли эта болезнь опасность для ее жизни. Тогда Фын Цзы-ин сказал, что есть у него врач, с которым они в молодости вместе учились. Зовут его Чжан Ю-ши, он обладает незаурядными знаниями, а в медицине настолько искусен, что с первого взгляда на больного может определить, угрожает ли ему смерть. В нынешнем году он приехал в столицу, намереваясь купить должность своему сыну, и живет в доме у Фын Цзы-ина. Может быть, ему удастся вылечить нашу невестку. Я послал слугу со своей визитной карточкой пригласить его. Сейчас уже поздно, и он, возможно, не придет, но завтра, я думаю, будет у нас непременно. Фын Цзы-ин, возвращаясь домой, пообещал мне лично уговорить доктора осмотреть больную. Подождем, пока господин Чжан ее осмотрит, а потом еще раз поговорим.

Обрадованная его словами, госпожа Ю проговорила:

– Послезавтра день рождения старого господина Цзя Цзина. Как быть?

– Я только что ходил к нему справляться о здоровье, – ответил Цзя Чжэнь, – и пригласил его принять участие в семейном празднике. А он мне сказал: «Я привык к покою и не желаю идти на ваше сборище. Уж если ты настаиваешь, что в день моего рождения я непременно должен принимать поздравления и подарки, так прикажи переписать и вырезать на досках: «Трактат о таинственных предопределениях», который я прокомментировал, это будет в сто раз полезней никому не нужных поздравлений! Если завтра и послезавтра будут приходить родственники, примите их у себя, а мне никаких подарков не присылайте. Сами послезавтра можете ко мне не приходить. Если уж не можете обойтись без поздравлений, поздравьте сегодня. Будете беспокоить меня послезавтра, не прошу!» Такова его воля, и послезавтра я не посмею пойти к нему. Пока я только вызову Лай Шэна и велю ему сделать приготовления к пиру, который будет продолжаться два дня.

Госпожа Ю позвала Цзя Жуна и приказала ему:

– Скажи Лай Шэну, пусть сделает приготовления к пиру, да чтобы всего было вдоволь. Потом пойди в западный дворец Жунго и пригласи старую госпожу, старшую госпожу Син, вторую госпожу Ван и свою тетушку – супругу Цзя Ляня. Твой отец нашел хорошего врача и уже послал за ним. Думаю, завтра он придет. Ты ему и расскажешь, как твоя жена чувствует себя.

Цзя Жун почтительно кивнул матери и вышел. У дверей ему встретился слуга, который ходил приглашать врача.

Слуга сообщил:

– Я только что ездил с визитной карточкой нашего господина домой к господину Фын Цзы-ину приглашать доктора. Доктор мне сказал: «Господин Фын Цзы-ин уже разговаривал со мной об этом. Весь день я был занят визитами и только сейчас вернулся домой. Устал страшно, и даже если поеду к вам, все равно не смогу хорошенько исследовать пульс больной, лучше я приду завтра. Мои познания в медицине крайне скудны, и я никоим образом не заслуживаю столь высокой рекомендации. Но раз уж господин Фын Цзы-ин обещал вашему господину, придется поехать. Так и доложи своему господину. Что же касается его визитной карточки, то я ее, право, не смею принять». И он велел мне забрать визитную карточку. Может быть, вы вместо меня доложите об этом господину?

Цзя Жун вернулся в комнату, передал Цзя Чжэню и госпоже Ю ответ врача и отправился искать Лай Шэна, чтобы дать ему указания относительно приготовлений к пиру.

Выслушав его, Лай Шэн кивнул головой и, как обычно, ушел хлопотать по хозяйству. Но об этом мы рассказывать не будем.

В полдень следующего дня привратник доложил Цзя Чжэню:

– Доктор Чжан явился по приглашению.

Цзя Чжэнь тотчас проводил врача в гостиную, они выпили чаю, и лишь после этого начался разговор.

– Вчера мне посчастливилось узнать от господина Фын Цзы-ина о ваших достоинствах и учености, – начал Цзя Чжэнь, – и ваши глубокие познания в медицине преисполнили меня великим почтением к вам.

– Что вы! Что вы! – запротестовал доктор Чжан. – Я груб и невежествен, знания мои ничтожны, но так как господин Фын Цзы-ин рекомендовал меня вашей светлости и вы удостоили меня своим приглашением, я не осмелился нарушить ваше повеление. Никакими настоящими познаниями я не обладаю, и это заставляет меня особенно краснеть от стыда.

– Не скромничайте, – ответил Цзя Чжэнь, – уж если мы пригласили вас осмотреть жену нашего сына, значит мы вполне надеемся, что с вашим высокопросвещенным умом вы сумеете рассеять наши сомнения и предположения.

Цзя Жун провел врача во внутренние покои. Увидев госпожу Цинь, доктор Чжан спросил у Цзя Жуна:

– Это и есть ваша уважаемая супруга?

– Да, – ответил Цзя Жун. – Садитесь, пожалуйста, доктор. Я сначала расскажу вам о ее болезни, потом вы ее осмотрите.

– А мне кажется, что сначала следовало бы проверить пульс, – возразил доктор, – и потом уж я попрошу вас рассказать, с чего началась болезнь. В вашем доме я впервые и не знаю, как лечили вашу супругу, но так как наш господин Фын Цзы-ин настаивал, чтобы я осмотрел ее, я не мог не прийти к вам. Сейчас я проверю у больной пульс, и вы послушаете, правильно ли мое заключение, потом сами расскажете мне о течении болезни в последние дни, и мы сообщаем, какое лучше прописать лекарство, а употреблять ли его, решите сами.

– Вы поистине мудрец, доктор! – воскликнул восхищенный Цзя Жун. – И как досадно, что мы о вас так поздно узнали! Прошу вас, проверьте пульс и скажите, можно ли вылечить жену, чтобы я поскорее успокоил отца и мать.

Женщины-служанки принесли большую подушку и подложили ее под спину госпожи Цинь, затем завернули ей рукав и обнажили руку до локтя. Нашупав пульс на правой руке больной, доктор, затаив дыхание, некоторое время сосредоточенно и внимательно исследовал его, подсчитал предельное число ударов, затем немного подумал и проделал то же самое с левой рукой госпожи Цинь.

– Посидим в передней, – предложил он наконец Цзя Жуну, окончив осмотр.

Они вышли в переднюю и сели на кан. Служанка поднесла чай.

– Выпейте, пожалуйста, чаю, доктор, – предложил Цзя Жун.

Когда чаепитие окончилось, Цзя Жун спросил:

– Скажите, доктор, как вы считаете, судя по пульсу, можно вылечить мою жену?

– Пульсы⁴⁴ вашей супруги я исследовал, – начал доктор Чжан. – Нижний пульс левой руки замедлен, средний пульс – слаб; нижний пульс правой руки част, но бессилен, средний пульс – пуст и лишен энергии. Если нижний пульс левой руки замедлен, это говорит об истощении жизненных сил сердца и возникновении «огня»; слабость среднего пульса левой руки говорит об упадке жизненных сил печени и малокровии. Если нижний пульс правой руки част, но бессилен, это указывает на крайнее падение жизненного духа легких; если средний пульс правой руки пуст и лишен энергии, это свидетельствует о том, что «земля» селезенки подавлена «деревом» печени. Истощение жизненных сил сердца и возникновение «огня» влекут за собой нарушение сроков месячных и бессонницу; малокровие и упадок жизненных сил печени вызывают болезненное вздутие под боком, задержку месячных, внутренний жар; крайнее падение жизненного духа легких служит причиной частых головокружений и обильных выделений пота в предутренние часы; поскольку «земля» селезенки подавлена «деревом» печени, это вызывает потерю аппетита, угнетенное состояние духа, слабость в конечностях... Судя по характеру пульсов, у вашей супруги должны быть налицо все названные мною симптомы. Если вы утверждаете, что такие пульсы бывают при беременности, тогда простите меня, я больше не осмелюсь выслушивать ваших повелений.

Одна из женщин, присматривающих за больной, подтвердила:

– Удивительно! Поистине, господин доктор, вы говорите, как волшебник, и нам нечего вам рассказывать! У нас в доме перебивало много врачей, все они исследовали больную, но никто не мог сказать ничего определенного. Одни считали, что нас ждет великая радость, другие утверждали, что это болезнь; одни говорили, что нет ничего опасного, другие, наоборот, доказывали, что эта болезнь опасна до дня зимнего солнцестояния. Но никто из них не сделал правильного заключения. Пожалуйста, господин доктор, говорите, мы будем повиноваться всему, что вы прикажете!

– Вы сами запустили болезнь госпожи! – воскликнул доктор Чжан. – Если бы она начала принимать лекарства в то время, когда у нее еще были месячные, то сейчас, пожалуй, она была бы уже здорова. Но поскольку болезнь запущена, вполне естественно, возникли осложнения. Тем не менее я считаю, что болезнь излечима. Если к больной после приема моего лекарства возвратится нормальный сон, это увеличит шансы на благополучный исход. Судя по пульсам, госпожа обладает упрямым характером и незаурядным умом. А так как она очень умна, ей не нравится многое из того, что происходит вокруг, она слишком много думает и переживает.

---

⁴⁴ В старой китайской медицине принято было считать, что у человека на каждой руке имеется три пульса: нижний, средний и верхний. Нижний пульс левой руки, находящийся у основания большого пальца, служил для определения болезней сердца; средний пульс, находящийся непосредственно над первым, служил для определения болезней печени; по третьему пульсу левой руки, находящемуся непосредственно над вторым, определялись болезни почек. По пульсам правой руки соответственно определялись болезни легких, селезенки, желудка.

Все это привело к расстройству селезенки и созданию благоприятных условий для «дерева» печени, в результате чего месячные не могли наступить в положенный срок. Ведь у вашей госпожи и прежде срок месячных с каждым разом все больше удлинялся – не так ли?

– Совершенно верно, – подтвердила одна из служанок. – Раньше никогда не случалось, чтобы срок месячных у нее сокращался, наоборот, он постоянно увеличивался, то дня на два, на три, а иногда и на целых десять.

– Вот именно, – заметил доктор Чжан, – в этом и заключается источник болезни. Если бы госпожа раньше начала принимать лекарство, которое укрепляет сердце и успокаивает дух, она не дошла бы до такого состояния! А сейчас все признаки болезни ясно указывают на ослабление деятельности элемента «воды» и процветание элемента «огня». Посмотрим, как подействует мое лекарство.

Затем он выписал рецепт и вручил его Цзя Жуну. В рецепте значилось:

«Отвар для поддержания бодрости духа и для укрепления печени и селезенки».

Женьшеня – два цянтя, стоголовника – два цянтя (мелко растертого и пережаренного), гриба юнлинь – три цянтя, корня наперстянки – четыре цянтя, аралии – два цянтя, белой гортезии – два цянтя, сычуаньского жигунца – один цянть и пять долей, астрагала – три цянтя, осоки ароматной – два цянтя, володушки кислой – восемь долей, Хуайшаньского снадобья (поджаренного) – два цянтя, натурального клея Ацзяо (прожаренного с ракушечным маслом) – два цянтя, хохлатки (сваренной в вине) – полтора цянтя, лакрицы сушеной – восемь долей, зерен лотоса (без сердцевин) – семь штук, два жужуба».

Прочитав рецепт, Цзя Жун сказал:

– Очень мудро, доктор. Но скажите, эта болезнь представляет опасность для жизни?

– Ведь вы человек умный, – ответил доктор Чжан, – вы прекрасно знаете, что запущенная болезнь длится не один день. Сначала пусть больная примет лекарство, а там посмотрим. Я думаю, до зимы ничего страшного не произойдет, ваша жена поправится, но полное выздоровление ее наступит не раньше будущей весны.

Будучи человеком понятливым, Цзя Жун не стал допытываться о подробностях.

Проводив доктора, Цзя Жун отправился к Цзя Чжэню и передал ему результаты исследования пульсов и рецепт, рассказав все, что говорил врач.

Госпожа Ю сказала Цзя Чжэню:

– Ни один из врачей, посещавших нас, не выражался так точно и определенно, как этот, и я думаю, что лекарство он прописал хорошее.

– Да, он не из тех, кто ради заработка затягивает лечение, – согласился Цзя Чжэнь. – Он дружит с Фын Цзы-ином и поэтому пришел сразу, как только его пригласили. А раз мы нашли такого врача, наша невестка, возможно, поправится. Здесь в рецепте указан женьшень – так пусть возьмут из того, что купили позавчера.

Получив указания Цзя Чжэня, Цзя Жун вышел и распорядился, чтобы приготовили лекарство и отнесли его госпоже Цинь.

Если вас интересует, как госпожа Цинь принимала это лекарство и улучшилось ли ее состояние, прочитайте следующую главу.

Глава одиннадцатая, из которой читатель узнает о том, как в день рождения Цзя Цзина во дворце Нинго был устроен пир и как при виде Ван Си-фын у Цзя Жуя вспыхнула страсть

Когда наступил день рождения Цзя Цзина, Цзя Чжэнь велел уложить в шестнадцать больших коробов изысканные яства, редчайшие фрукты и приказал Цзя Жуну вместе со слугами отнести все это Цзя Цзину.

– Смотри внимательно, – наказывал он Цзя Жуну, – обрадуется ли старый господин. Когда будешь кланяться ему, скажи так: «Отец мой, уважая ваше повеление, не осмелился к вам явиться, но вся семья, обратившись лицом в сторону вашего дома, почтительно вам кланяется».

Выслушав отца, Цзя Жун, сопровождаемый слугами, удалился. А к Цзя Чжэню постепенно начали собираться гости. Сначала пришли Цзя Лянь и Цзя Цян. Осмотрев все приготовления к празднеству, они поинтересовались:

– Будут сегодня какие-нибудь развлечения?

– Наши господа сначала рассчитывали, что старый господин тоже будет присутствовать, и поэтому не решились устраивать развлечений, – отвечали домашние. – Однако вчера узнали, что старый господин не придет, и приказали слугам разыскать труппу актеров и оркестр. Сейчас они в саду готовят сцену для представления.

Затем появились госпожа Син, госпожа Ван, Фын-цзе и Бао-юй. Цзя Чжэнь и госпожа Ю вышли к гостям. Мать госпожи Ю уже давно находилась здесь. Поздоровавшись, хозяева стали предлагать гостям чай.

Подавая чай, Цзя Чжэнь и госпожа Ю, улыбаясь, говорили:

– Старая госпожа уже в преклонном возрасте, а наш отец приходится ей только племянником, поэтому мы не осмелились тревожить ее своим приглашением. Но сегодня так свежо и прохладно, а в саду пышно расцвели орхидеи, и мы решили пригласить ее развлечься и поглядеть, как веселятся ее дети и внуки. Против всякого ожидания бабушка не пожелала удостоить нас своим посещением.

– Старая госпожа говорила вчера, что собирается прийти, – перебила Фын-цзе, – но вечером, когда Бао-юй ел персики, она не утерпела и тоже решила попробовать. Съела больше половины персика, а ночью у нее расстроился желудок, и во время пятой стражи ей пришлось два раза вставать, так что утром она чувствовала себя немного утомленной. Поэтому она велела передать старшему господину Цзя Чжэню, что никак не сможет прийти и просит прислать ей чего-нибудь вкусного, только бы оно было хорошо сварено.

– Я же говорил, что старая госпожа любит развлечения, и если она не придет, значит на то есть уважительная причина, – улыбнулся Цзя Чжэнь. – Так и оказалось.

– Позавчера я слышала от твоей сестры, что жене Цзя Жуна нездоровится, – промолвила госпожа Ван, обращаясь к госпоже Ю. – Что с ней?

– Какая-то странная у нее болезнь, – ответила госпожа Ю. – Помните, однажды в прошлом месяце, в сезон середины осени⁴⁵, она веселилась со старой госпожой и с вами и вернулась домой в полночь. После двадцатого числа она вдруг стала ощущать сильную слабость и совсем потеряла аппетит. И так вот почти две недели. Да и месячные у нее не появляются уже несколько месяцев.

---

⁴⁵ *Сезон середины осени* – название второго осеннего месяца, то есть восьмого месяца по лунному календарю.

– А не ждет ли она ребенка? – спросила госпожа Син.

Тут раздался голос слуги, который громко возвестил из-за двери:

– Старший господин Цзя Шэ и второй господин Цзя Чжэн пришли со всеми членами семьи и находятся в гостиной!

Цзя Чжэнь вышел встречать гостей, а госпожа Ю продолжала рассказывать:

– Сначала врачи тоже думали, что она беременна. Но недавно Фын Цзы-ин порекомендовал нам врача, с которым учился в юности. Этот врач владеет прекрасными методами лечения. Он осмотрел нашу невестку и сказал, что она просто больна, и прописал ей лекарство. Сегодня она уже приняла лекарство, головокружение немного уменьшилось, хотя других улучшений пока не видно.

– Я не думала, что она так плохо себя чувствует, что не сможет в такой день прийти сюда, – заметила Фын-цзе.

– Ты ее видела здесь третьего числа, – заметила госпожа Ю, – тогда она насилу выдержала полдня в нашем обществе и не ушла лишь потому, что вы с нею дружите и она очень к тебе привязана.

При этих словах глаза Фын-цзе на мгновение покраснели и затуманились слезами.

– Судьба человека так же изменчива, как ветер и тучи – несчастный утром может стать счастливым к вечеру, – произнесла она. – Но если в такие годы с нею случится несчастье, какой интерес жить на свете!

В это время вошел Цзя Жун, справился о здоровье госпожи Син, госпожи Ван и Фын-цзе и обратился к госпоже Ю:

– Я только что носил угощения старому господину Цзя Цзину и сказал ему: «Мой отец принимает гостей и родственников и, выполняя вашу волю, не осмелился к вам явиться». Услышав это, старый господин очень обрадовался и проговорил: «Вот и хорошо». Он приказал передать отцу и вам, матушка, чтобы вы ухаживали за гостями, а мне велел старательно прислуживать дядям, тетям и старшим братьям. Потом он пожелал, чтобы поскорее вырезали на досках «Трактат о таинственных предопределениях», отпечатали десять тысяч штук и распространяли. Об этом я уже доложил отцу. Сейчас мне надо пригласить к столу старших господ и остальных родственников.

– погоди, братец Цзя Жун, – позвала его Фын-цзе. – Как себя чувствует твоя жена?

– Плохо! – Цзя Жун нахмурил брови. – Навестите ее, тетушка, и сами увидите.

Он повернулся и вышел. А госпожа Ю спросила госпожу Син и госпожу Ван:

– Вы будете есть здесь или пройдете в сад? Там актеры готовятся к представлению.

– Пожалуй, здесь будет лучше, – сказала госпожа Ван, взглянув на госпожу Син.

Госпожа Ю распорядилась, чтобы служанки тотчас же накрывали на стол. Те из-за дверей хором ответили: «Слушаемся» – и отправились выполнять приказание.

Вскоре стол был собран. Госпожа Ю попросила госпожу Син, госпожу Ван и свою мать занять места, а сама вместе с Фын-цзе и Бао-юем села на циновке, лежащей сбоку.

– Мы, собственно, пришли пожелать старому господину долголетия, – проговорили госпожа Син и госпожа Ван, – разве это не значит, что мы пришли праздновать день его рождения?

– Старый господин всегда любил отшельническую жизнь, – поспешила вставить Фын-цзе. – Он уже достиг совершенства и может считаться святым. А ваши слова, госпожи, доказывают, что в мудрости и проницательности вас можно уподобить только бессмертным духам!

При этих словах все присутствующие рассмеялись.

После еды мать госпожи Ю, госпожа Син, госпожа Ван и Фын-цзе прополоскали рот, вымыли руки и заявили, что собираются идти в сад. В этот момент вошел Цзя Жун и сказал госпоже Ю:

– Старшие господа, дяди и братья уже откушали. Старший господин Цзя Шэ и второй господин Цзя Чжэн ушли. Цзя Шэ заявил, что у него дела, а Цзя Чжэн сослался на то, что

не любит театра, да и опасается, что будет слишком шумно. Всех остальных родственников дядя Цзя Лянь и господин Цзя Цян повели смотреть спектакль. Только что прибыли люди с визитными карточками и подарками от Наньаньского, Дунпинского, Сининского и Бэйцзинского цзюньванов, от шести семей гунов, в числе которых семья Умиротворителя государства гуна Ню, и от восьми семей хоу, в том числе от семей Преданного и Почтительного хоу Ши. Я доложил об этом отцу и принял от гостей подарки. Список подарков я положил в шкаф, а людям, доставившим их, вручил благодарственные письма. Ну и, кроме того, их, по обычаю, одарили и угостили. Вам тоже, матушка, следовало бы пригласить госпожу и тетюшек в сад.

– Мы только что поели и как раз собирались туда, – проговорила госпожа Ю.

– Госпожа, – обратилась Фын-цзе к госпоже Ван, – разрешите, я навещу супругу брата Цзя Жуна, а потом приду.

– Да, да, – кивнула госпожа Ван. – Нам всем хотелось бы ее навестить, но боюсь, что шум утомит ее. Ты уж передай ей, что мы желаем ей поскорее поправиться!

– Дорогая сестра, моя невестка тебя слушается, – промолвила госпожа Ю, – если ты дашь ей несколько наставлений, мне тоже будет спокойнее. Только не задерживайся и приходи в сад!

Бао-юй выразил желание вместе с Фын-цзе навестить госпожу Цинь.

– Проведай ее и тотчас возвращайся, – наказала ему госпожа Ван, – не забывай, что это жена твоего племянника и засиживаться у нее неудобно.

Затем госпожа Ю пригласила госпожу Син, госпожу Ван и свою мать пройти в «сад Слияния ароматов». Фын-цзе и Бао-юй в сопровождении Цзя Жуна отправились к госпоже Цинь. Осторожно, стараясь не шуметь, они прошли во внутренние покои. Увидев их, Цинь Кэ-цин сразу захотела встать.

– Не поднимайся, – остановила ее Фын-цзе, – голова закружится. – Фын-цзе быстро сделала два шага в сторону госпожи Цинь, взяла ее руку и добавила: – Дорогая моя! Всего несколько дней я тебя не видела, а ты так похудела!

Фын-цзе присела на край матраца, на котором лежала госпожа Цинь. Бао-юй тоже справился о здоровье госпожи Цинь и присел на стул напротив нее.

– Живее чаю! – распорядился Цзя Жун. – Тетя и второй дядя еще не пили чаю.

Держа за руку Фын-цзе, госпожа Цинь, сделав над собой усилие, улыбнулась:

– Мне все не везет! Я взрослая, а свекру и свекрови приходится ухаживать за мной, как за ребенком. Твой племянник хотя и молод, но уважает меня, а я уважаю его, и нам никогда не приходилось краснеть друг за друга. Все родные одного со мной возраста, не говоря уже о вас, тетюшка, любят меня и хорошо ко мне относятся. Но сейчас я не могу придерживаться этикета и угождать свекру, а также выразить тебе свое почтение и послушание, как я делала всегда. Я уверена, что не доживу до Нового года!

В это время Бао-юй внимательно рассматривал картину «Весенний сон райской яблоньки» и парную надпись кисти Цинь Тай-сюя, гласившую:

Легкий морозец, скрепляющий сон —

значит весна холодна;
Запах приятный, влекущий людей, —
это вина аромат.

И ему невольно вспомнилось, как однажды он спал здесь днем и во сне попал в «Область Небесных грез». Услышав слова госпожи Цинь, Бао-юй почувствовал, будто десять тысяч стрел вонзились в его сердце, и из глаз его невольно покатались слезы. От этого на душе Фын-цзе стало еще тяжелее. Но, боясь, что больная еще больше расстроится, в то время как они пришли ее утешить, Фын-цзе сказала Бао-юю:

– Ты совсем как баба. Ведь она говорит так потому, что больна! Неужели ты думаешь, что до этого дойдет? Она молода, поболееет немного и поправится.

Затем она обернулась к госпоже Цинь:

– А ты тоже не думай о глупостях! Разве этим ты не обостряешь свою болезнь?

– При такой болезни самое главное – хорошо есть, – не замедлил вставить Цзя Жун, – тогда все обойдется.

– Бао-юй, – напомнила Фын-цзе, – матушка велела тебе приходить поскорее! И не хнычь, а то ты еще больше расстраиваешь больную. Лучше иди, чтобы матушка не беспокоилась! – Потом она предложила Цзя Жуну: – Пойдите в сад с дядей Бао-юем, а мы здесь немного посидим.

Повинуясь ей, Цзя Жун и Бао-юй отправились в «сад Слияния ароматов».

Фын-цзе продолжала утешать госпожу Цинь, шепотом говорила ей ласковые сочувственные слова. И лишь после того, как госпожа Ю несколько раз присылала за ней служанок, Фын-цзе наконец стала прощаться:

– Хорошенько лечись, я еще зайду к тебе! Теперь волноваться нечего, совершенно ясно, что ты должна поправиться, поэтому судьба и послала нам хорошего врача.

– Пусть он будет хоть чудотворцем, он может только лечить болезни, а предопределения судьбы изменить не в его силах! – воскликнула госпожа Цинь. – Ведь я знаю, тетушка, что мне осталось жить считанные дни.

– Как же ты сможешь поправиться, если будешь так думать? – упрекнула ее Фын-цзе. – Выбрось из головы все эти мысли! Ты ведь слышала, как доктор говорил: «Если не лечить сейчас, боюсь, что весной будет хуже». Если б мы не в состоянии были покупать женьшень, тогда дело другое. Но твои свекор и свекровь как только узнали, что тебя можно вылечить, не только два цян, а целых два цзиня женьшеня на день достанут. Ну смотри, лечись, а мне надо в сад!

– Тетушка, прости, что я не могу пойти с тобой, – промолвила госпожа Цинь. – Прошу тебя, заходи, посидим, побеседуем.

На лице Фын-цзе появилось печальное выражение, и она пообещала:

– Когда будет свободное время, непременно зайду.

Она попрощалась с госпожой Цинь и в сопровождении служанок, которые пришли вместе с нею, и нескольких служанок из дворца Нинго через боковую калитку направилась в сад. И вот каким был этот сад:

Всюду на поле желтеют цветы,
Склон рассекли серебристые ивы.
Маленький мостик —
словно на речке в Жое,
Тропка витая —
как у дороги в Тяньтай.
Между камней

чистый источник струится, струится;
Возле плетня опадают цветы;
В ветках деревьев
красные листья летают, летают,
Как на картине сквозящий лесок.
Западный ветер когда налетит,
Иволги голос звучит одиноко;
В ясные дни, только станет теплей,
Стрекот кузнечиков пению вторит.
Вдаль посмотрите, на юго-восток:
Рядом с горой
там поднимаются башни;
Ближе взгляните, на северо-запад:
Возле реки
три протянулись террасы.
Шэна⁴⁶ рулады наполнили уши,
Слышатся в них сокровенные чувства;
Газом узорным окутана роща,
Радуя взор гармоничным пейзажем.

Фын-цзе шла, любуясь красотой сада. Внезапно из-за небольшой искусственной горки навстречу ей вышел человек и спросил:

– Как поживаете, сестра?

Фын-цзе вздрогнула и отступила шаг назад.

– Господин Цзя Жуй, не так ли?

– Вы меня даже не узнали, сестра? – удивился Цзя Жуй.

– Не то что не узнала, просто не предполагала, что вы можете очутиться здесь, – ответила Фын-цзе.

– Видимо, эта встреча была предопределена судьбой, – продолжал Цзя Жуй. – Только что я украдкой ускользнул с пира и от нечего делать здесь прогуливался, как вдруг встречаю вас. Ну разве это не судьба?

Он не сводил глаз с Фын-цзе. Она была женщина умная и по виду Цзя Жуя сразу догадалась, к чему он клонит.

– Неудивительно, что ваш старший брат все время вспоминает и хвалит вас, – сказала она, притворно улыбаясь. – Судя по вашим речам, вы действительно умны и учтивы. Я иду к господам и, к сожалению, мне некогда беседовать с вами, но мы еще встретимся.

– Я бы с удовольствием пришел к вам домой справиться о здоровье, да боюсь, что вам неудобно будет со мной встретиться, так как вы молоды, – сказал Цзя Жуй.

– Ведь мы из одной семьи, – возразила Фын-цзе, лукаво улыбаясь. – Какая может быть речь о молодости?

Радость Цзя Жуя не знала границ. «Никак не предполагал, что произойдет такая удивительная встреча!» – подумал он про себя, и кровь еще сильнее забурилась в нем.

– А пока идите, – продолжала Фын-цзе, – не то хватятся, что вас нет, и заставят пить штрафной кубок!

Лишь после этих слов Цзя Жуй, который стоял как замороженный, почти не владея собой, стал медленно удаляться, все время оглядываясь на ходу. Фын-цзе подождала, пока он отошел на довольно значительное расстояние, и потом подумала: «Вот что значит «знать человека в

---

⁴⁶ Шэн – музыкальный инструмент.

лицо, но не знать его душу»! И откуда только берутся такие скоты! Если у него в самом деле подобное намерение, подохнет он от моих рук! Тогда убедится, на что я способна!»

Фын-цзе отправилась дальше. Огибая склон горки, она увидела нескольких взволнованных женщин, которые спешили ей навстречу.

– Госпожа очень обеспокоена вашим долгим отсутствием, – сказали они. – Она снова послала нас за вами.

– Какая же нетерпеливая ваша госпожа, – заметила Фын-цзе и, продолжая идти, спросила у женщин: – Сколько актов уже сыграно?

– Восемь или девять, – ответили те.

Разговаривая между собой, они подошли к задним воротам «башни Небесных благоуханий» и увидели Бао-юя, окруженного толпой девушек-служанок и молодых слуг.

– Брат Бао-юй, не балуйся, – наказала ему Фын-цзе.

– Госпожи наверху, – проговорила одна из служанок, – подымитесь, пожалуйста, к ним с этой стороны!

Фын-цзе подобрала полы халата и не торопясь поднялась на верхний этаж. У выхода на лестницу ее уже поджидала госпожа Ю.

– Хороши же вы! – упрекнула она Фын-цзе. – Как встретились, так и расстаться не можете! Ты бы уж совсем переехала к ней. Садись, я поднесу тебе кубок вина.

Фын-цзе подошла к госпоже Син и госпоже Ван и попросила разрешения сесть. Госпожа Ю протянула Фын-цзе программу спектакля и предложила выбрать несколько актов для исполнения.

– Как же я посмею выбирать, если госпожи находятся здесь, – проговорила Фын-цзе.

– Мы уже выбрали по нескольку актов, – сообщили ей госпожа Син и госпожа Ван, – теперь твоя очередь, а мы слушаем.

Фын-цзе согласилась, встала и взяла программу. Прочитав ее, она выбрала два акта: «Возвращение души» и «Ария под аккомпанемент».

– Когда окончится акт «Указ о назначении двух чиновников», – сказала она, возвращая программу, – пусть сыграют эти два акта, и пора будет расходиться.

– В самом деле! – согласилась госпожа Ван. – Надо дать отдохнуть твоему старшему брату и его жене, у них и без того достаточно хлопот.

– Вы не очень часто у нас бываете, – возразила ей госпожа Ю. – Нам будет приятнее, если вы еще немного посидите, ведь время раннее.

Фын-цзе встала, поглядела вниз с башни и спросила:

– Куда же ушли все господа?

– Они на «террасе Яркого блеска», – пояснила одна из служанок. – Они взяли с собой музыкантов и пьют там вино.

– Здесь им неудобно, так они ушли втихомолку творить невесть что! – произнесла Фын-цзе.

– Неужто ты думаешь, что все такие праведники, как ты! – засмеялась госпожа Ю.

Пока они шутили и смеялись, все избранные акты были сыграны, со столов убрали вина и закуски и подали рис. После еды госпожа Син и госпожа Ван покинули сад и перешли в дом, где выпили чаю, и велели подавать коляски, намереваясь возвращаться домой. Они попрощались с матерью госпожи Ю, а госпожа Ю со служанками вышла их провожать.

Цзя Чжэнь, его сыновья и племянники, стоявшие возле колясок, просили их:

– Завтра приезжайте непременно, тетуски!

– Нет, хватит! – оборвала госпожа Ван. – Мы сегодня и так весь день провели здесь, утомились. Завтра нужно отдохнуть.

Все стали садиться в коляски. Цзя Жуй все время не сводил глаз с Фын-цзе.

Как только Цзя Чжэнь удалился, Ли Гуи подвел коня, Бао-юй сел верхом и тронулся следом за госпожой Ван. Цзя Чжэнь еще отобедал вместе с братьями и племянниками, и лишь после этого все разошлись.

О том, как вся семья провела второй день праздника, рассказывать незачем. Следует упомянуть лишь, что с этих пор Фын-цзе стала часто навещать госпожу Цинь. Иногда госпожа Цинь по нескольку дней чувствовала себя лучше, затем состояние ее снова ухудшалось. Цзя Чжэнь, госпожа Ю и Цзя Жун были крайне озабочены.

Между тем Цзя Жуй уже несколько раз приходил во дворец Жунго, но всякий раз случалось, что Фын-цзе в это время уезжала во дворец Нинго.

Наступил тридцатый день одиннадцатого месяца – сезон зимнего солнцестояния⁴⁷. В последние дни этого сезона матушка Цзя, госпожа Ван и Фын-цзе ежедневно стали присылать служанок навещать госпожу Цинь. Возвращаясь оттуда, служанки неизменно докладывали:

– Состояние прежнее.

– Если в такой сезон года состояние не ухудшается, значит есть надежда на выздоровление, – говорила матушке Цзя госпожа Ван.

– Да, конечно, – соглашалась с ней матушка Цзя. – Милое дитя! Если с ней что-нибудь случится, мы все умрем с горя.

Она расстроилась и сказала Фын-цзе:

– Ты с ней дружишь, завтра первый день нового месяца, и, к сожалению, дел много, но послезавтра непременно навести ее. Посмотри внимательно, как она выглядит: если лучше – скажешь мне. Вели посылать ей кушанья, какие это дитя любит.

На каждое приказание старой госпожи Фын-цзе только почтительно поддакивала.

Когда наступило второе число, Фын-цзе позавтракала и приехала во дворец Нинго навещать госпожу Цинь. Хотя она не заметила признаков ухудшения болезни, в глаза ей бросилась необычайная худоба больной. Фын-цзе присела возле госпожи Цинь, стала болтать с нею о всякой всячине, стараясь уверить ее, что болезнь не опасна.

– Поправлюсь ли я – увидим весной, – сказала ей госпожа Цинь. – Уже миновал период зимнего солнцестояния, а изменений незаметно. Но все же передай старой госпоже и госпоже, чтобы они не беспокоились. Недавно я съела два кусочка пирожка с начинкой из фиников, который прислала вчера старая госпожа, и как будто ничего – перевариваются.

– Завтра я еще пришлю, – обещала Фын-цзе. – А сейчас я зайду повидаться с твоей свекровью, а потом надо пойти к старой госпоже.

– Передай от меня поклон старой госпоже и госпоже, – попросила госпожа Цинь.

Фын-цзе кивнула и вышла. Затем она отправилась к госпоже Ю.

– Ты беспристрастно осмотрела мою невестку, – сказала ей госпожа Ю. – Как по-твоему, она поправится?

Фын-цзе долго сидела с опущенной головой.

– Ничего не поделаешь, – проговорила она наконец. – Придется подумать о будущем и приготовить все необходимое на случай похорон.

– Я уже давно приказала слугам тайком все приготовить, – призналась госпожа Ю. – Правда, пока еще не удалось достать хорошего дерева для гроба, но, думаю, постепенно все подготовим.

Фын-цзе выпила чаю, поболтала немного с госпожой Ю и сказала:

– Мне надо поскорее доложить обо всем старой госпоже.

– Только говори осторожно, – предупредила госпожа Ю, – а то, гляди, напугаешь старую госпожу.

---

⁴⁷ Сезон зимнего солнцестояния – с 11 по 26-е число одиннадцатого месяца по лунному календарю, что соответствует периоду с 22 декабря по 6 января.

– Сама знаю, – ответила Фын-цзе.

Она попрощалась и возвратилась во дворец Жунго. Явившись к матушке Цзя, она сказала:

– Жена Цзя Жуна шлет вам поклон, она просила справиться о вашем здоровье и передать, что ей немного лучше и потому не стоит беспокоиться. Если почувствует облегчение, первым делом придет сама поклониться вам.

– Как ее состояние? – спросила матушка Цзя.

– Пока ничего страшного, – ответила Фын-цзе, – настроение неплохое.

Выслушав ее, матушка Цзя долго охала и сокрушенно вздыхала и в конце концов сказала:

– Ладно, иди переоденься и отдохни!

Фын-цзе кивнула, вышла от матушки Цзя, повидалась с госпожой Ван и вернулась домой. Пин-эр сразу же подала ей согретое платье, которое Фын-цзе обычно носила дома.

– Ну, что произошло во время моего отсутствия? – поинтересовалась Фын-цзе.

– Ничего, – ответила Пин-эр, подавая ей чай. – Только жена Ван-эра принесла проценты на триста лян серебра, и я их приняла. Да еще господин Цзя Жуй присылал человека разузнать, дома ли вы – он намеревается прийти справиться о вашем здоровье и поговорить с вами.

– Гибели своей ищет, скотина! – рассердилась Фын-цзе, услышав эту новость. – Ладно, посмотрим!

– Что это господин Цзя Жуй зачастил к нам? – поинтересовалась Пин-эр.

Тогда Фын-цзе рассказала ей о своей встрече с Цзя Жуюм в саду дворца Нинго и о том, что он ей тогда говорил.

– Паршивая лягушка захотела полакомиться небесным лебедем! – возмутилась Пин-эр. – Негодяй, позабывший правила приличия! Если уж он такое задумал, пусть издохнет собачьей смертью!

– Погоди, – остановила ее Фын-цзе. – Пусть придет, я знаю, что делать.

Если вы хотите узнать, что произошло, когда пришел Цзя Жуй, прочтите следующую главу.

Глава двенадцатая, повествующая о том, как безжалостная Ван Си-фын устроила ловушку тому, кто мечтал о ней, и как Цзя Жуй смотрелся в лицевою сторону «Драгоценного зеркала любви»

В то время, когда Фын-цзе разговаривала с Пин-эр, вошла служанка и сообщила:

– Пришел господин Цзя Жуй.

– Проси, – приказала Фын-цзе.

Услышав, что его приглашают, обрадованный Цзя Жуй вошел и, представ перед Фын-цзе, справился о ее здоровье. На лице его сияла довольная улыбка. Фын-цзе нарочно старалась оказывать ему всяческие знаки внимания, предложила сесть, угостила чаем. Глядя, как Фын-цзе за ним ухаживает, Цзя Жуй совсем растаял и, прищутив глаз, спросил:

– Что это второй старший брат до сих пор не вернулся?

– Не знаю, – ответила Фын-цзе.

– Не иначе как дорогой его кто-нибудь попутал и он не в силах распрощаться, – улыбаясь, высказал предположение Цзя Жуй.

– Конечно, бывают такие мужчины, которые с первого взгляда влюбляются в первую встречную женщину, – согласилась Фын-цзе.

– Ну нет, – смеясь, возразил Цзя Жуй. – Меня к таким отнести никак нельзя.

– А сколько на свете может быть таких, как вы? – проговорила Фын-цзе. – Едва ли найдется один из десятка!

От радости Цзя Жуй совершенно перестал владеть собой.

– Вам, наверное, постоянно приходится скучать? – продолжал спрашивать он.

– В самом деле, – подтвердила Фын-цзе, – я только и надеюсь, что кто-нибудь придет поговорить, рассеять мою скуку.

– А я как раз целыми днями свободен! Вы не против, если я буду каждый день приходить развлекать вас? – любезно предложил Цзя Жуй.

– Вы меня обманываете! Неужели вы действительно согласились бы приходить сюда каждый день?

– Пусть меня тут же гром поразит, если я лгу! – горячо начал клясться Цзя Жуй. – Прежде я боялся приходить только потому, что слышал, будто вы опасная женщина и в вашем присутствии нужно быть всегда настороже. Сейчас я убедился, что вы добродушны и отзывчивы – почему же мне не навещать вас? Непременно буду приходить, если бы мне за это грозила даже смерть!

– Вы в самом деле очень умны! – воскликнула Фын-цзе с притворным восхищением. – Куда Цзя Жуну и его брату до вас! Прежде, когда я видела их изящные манеры, я думала, что у них тонкая душа, а оказалось, это два бесчувственных дурака.

Каждое слово Фын-цзе глубоко западало в сердце Цзя Жуя. Он уже не мог сдерживать своих чувств, встал с места, сделал несколько шагов вперед и, уставившись масляными глазами на вышитую сумочку Фын-цзе, ни с того ни с сего спросил:

– Какие кольца вы носите?

– Будьте осторожнее! – тихо сказала ему Фын-цзе. – Не нужно, чтобы служанки что-нибудь заподозрили.

Эти слова прозвучали для Цзя Жуя как «высочайшее повеление и святейшее поучение», и он быстро отступил назад.

– Вам уже пора уходить, – проговорила Фын-цзе.

– Если разрешите, я побуду еще немного, – взмолился Цзя Жуй. – Жестокая сестрица!

– Днем здесь постоянно люди, – осторожно продолжала Фын-цзе, – если вас заметят, будет неудобно. Лучше ждите меня вечером в западном проходном зале.

– Только не обманите! – торопливо произнес Цзя Жуй, которому казалось, будто он обрел драгоценную жемчужину. – А как там спрятаться? Ведь там тоже полно людей.

– Об этом можете не беспокоиться, – поспешила заверить его Фын-цзе. – Всех ночных слуг я отпущу, а двери с обеих сторон мы запрем, и никто ходить не будет.

Цзя Жуй пришел в восторг; он попрощался с Фын-цзе и ушел в полном убеждении, что одержал победу. Насилу дождавшись вечера, он украдкой проскользнул во дворец Жунго и, воспользовавшись тем, что двери еще не запирали, проник в проходной зал. Там стояла крошечная тьма и действительно не было ни души. Дверь, ведущая из зала в покои матушки Цзя, давно была заперта на замок, и открытой оставалась лишь дверь с восточной стороны. Цзя Жуй внимательно прислушался, но вокруг было тихо. Потом послышалось щелканье – это запирали на замок восточную дверь.

Цзя Жуй не осмелился издать ни звука, бесшумно вышел из своего укрытия и слегка толкнул дверь – она не поддавалась. Теперь, если бы он даже захотел выйти, это было невозможно: с севера и с юга высились глухие стены, через которые нельзя перелезть, ибо не за что было уцепиться.

По пустому залу свободно разгуливал ветер. Это было в двенадцатом месяце, когда ночи стояли самые длинные. Холодный северный ветер пронизывал Цзя Жуя до костей, и к утру он чуть не замерз.

Едва забрезжил рассвет, пришла старуха-служанка, отперла восточную дверь и прошла через зал, чтобы отпереть западную. Как только она повернулась спиной, Цзя Жуй, весь съевшись, молниеносно выскочил наружу. К счастью, в такую рань еще все спали, и он, беспрепятственно миновав задние ворота, со всех ног бросился домой.

Надо вам сказать, что родители Цзя Жуя давно умерли и его воспитывал дед – Цзя Дай-жу. Цзя Дай-жу строго присматривал за внуком, не позволяя ему сделать лишнего шага, пуще смерти боялся, как бы Цзя Жуй не начал пить и играть в карты, ибо это могло отразиться на его занятиях. И сейчас, когда старик обнаружил, что внука всю ночь нет дома, первой его мыслью было, что тот пьет где-нибудь или играет в азартные игры, а может быть, и ночует с проститутками. Разве мог он додуматься до того, что произошло в действительности?

Всю ночь Цзя Дай-жу от возмущения не находил себе места. Видя деда в таком состоянии, Цзя Жуй, не успевший еще вытереть со лба пот, выступивший от быстрого бега, соврал ему:

– Я вчера пошел к дядюшке, но, так как стемнело, он оставил меня ночевать у себя.

– Сколько раз я тебя предупреждал, чтоб ты не смел уходить без моего разрешения! – загремел Цзя Дай-жу. – Почему ты у меня не спросился? Уже за одно это бить тебя надо, а ты еще и врешь!

Он сгреб внука в охапку, беспощадно отколотил палкой и, не дав даже поест, велел ему встать на колени посреди двора и стоять до тех пор, пока тот не вызубрит уроки на десять дней вперед.

Бедный Цзя Жуй! Как невыносимы были его страдания! Целую ночь он дрожал от холода, перетерпел побои и вдобавок должен был на коленях стоять на открытом дворе и читать вслух на голодный желудок!

Однако и это нисколько не умерило страсть Цзя Жуя. Ему и в голову не приходило, что Фын-цзе издевается над ним. Через два дня он, улучив момент, как ни в чем не бывало вновь отправился к Фын-цзе. Она сделала вид, будто сердится на него за то, что он нарушил обещание, и взволнованный Цзя Жуй опять начал клясться. Видя, что он сам лезет в расставленные для него сети, Фын-цзе придумала другой план, чтобы заставить его исправиться.

– Сегодня вечером туда не ходите, – сказала она Цзя Жую. – Ждите меня в пустом домике у дорожки, что проходит за моим домом. Только смотрите, не подводите меня больше!

– Вы правду говорите? – недоверчиво спросил Цзя Жуй.

– Если сомневаетесь, можете не приходить!

– Обязательно приду, непременно! – поспешил заверить Цзя Жуй. – Приду, даже если мне будет грозить смерть!

– А сейчас уходите, – приказала Фын-цзе.

Цзя Жуй ушел, уверенный, что на этот раз все будет в порядке, а Фын-цзе, как говорится, «отобрала войска и назначила полководцев» и подготовила для него западню.

Цзя Жуй с нетерпением ждал вечера. Но тут, как назло, пришли родственники и засиделись до самого ужина. Уже после ужина, когда настало время зажигать лампы и дед лег отдыхать, Цзя Жуй осторожно пробрался во дворец Жунго, проник в домик возле дорожки и стал ждать, от нетерпения мечась по комнате, как муравей, попавший в раскаленный котелок. Вокруг не слышно было ни звука, не чувствовалось ни малейшего признака присутствия человека. Цзя Жуй встревожился и стал строить догадки: «Наверное, не придет. Неужели она решила проморозить меня еще одну ночь?»

Предаваясь таким размышлениям, Цзя Жуй неожиданно заметил кого-то в дверях. Уверенный, что это Фын-цзе, он даже не стал всматриваться и, как только фигура приблизилась, бросился на нее, как тигр на добычу или как кошка на мышь.

– Дорогая сестрица! – восклицал он. – Я совсем тебя заждался!

Целуя и лихорадочно шепча «милая», он повалил свою «любимую» на кан и сдернул с нее штаны. Она молчала. Цзя Жуй стал торопливо раздеваться. Возбужденный до предела и всецело поглощенный желанием, он ничего не замечал вокруг. Вдруг в дверях мелькнул свет, и на пороге появился Цзя Цян со свечой в руке.

– Эй, кто здесь?

С кана послышался смех:

– Это дядюшка Цзя Жуй собрался меня изнасиловать!

Цзя Жуй готов был сквозь землю провалиться от стыда. Как вы думаете, кто лежал перед ним?.. Цзя Жун!

Цзя Жуй хотел бежать, но Цзя Цян загородил ему дорогу.

– Стой! Вторая госпожа нынче рассказала старой госпоже, что ты с нею заигрываешь, и она заманила тебя сюда. Старая госпожа страшно рассердилась и послала меня за тобой. Идем!

От слов «старая госпожа» у Цзя Жую душа ушла в пятки, и он смог только вымолвить:

– Дорогой племянник, скажи, что меня здесь нет! Я тебя завтра щедро вознагражу!

– Отпустить тебя мне ничего не стоит, но сколько ты мне дашь за это в награду? – спросил Цзя Цян. – Да и на устное обещание я не слишком полагаюсь, пиши расписку.

– Как писать?

– Очень просто, – сказал Цзя Цян. – Пиши, что проиграл и взял в долг столько-то лян серебра.

– Это не трудно, – согласился Цзя Жуй.

Цзя Цян вышел. Через минуту он появился с бумагой и кистью и велел Цзя Жую писать. Поторговавшись немного, они сошлись на пятидесяти лянах, и Цзя Жуй поставил свою подпись. Цзя Цян взял расписку и стал подтрунивать над Цзя Жуном. Цзя Жун вышел из себя и, скрежеща зубами от злости, твердил:

– Завтра же расскажу всем, пусть судят, как хотят!

Напуганный Цзя Жуй стал кланяться ему до земли. Цзя Цян сделал вид, что хочет уладить дело миром, и уговорил Цзя Жую написать и на имя Цзя Жуна расписку на пятьдесят лян серебра. На этом все и кончилось.

Затем Цзя Цян обратился к Цзя Жую:

– Я буду виноват, если отпущу тебя. Ворота, ведущие на сторону старой госпожи, давно уже заперты, а в гостиной старый господин рассматривает недавно привезенные из Нанкина вещи, так что и той дорогой пройти невозможно. Лучше всего тебе пройти через заднюю калитку, но и там сейчас кто-нибудь может встретиться. Придется немного подождать, я посмотрю, а потом проведу тебя. Здесь оставаться нельзя, того и гляди, могут нагрять. Постой, сейчас я найду место!

С этими словами он погасил свечу и, увлекая за собой Цзя Жуя, вышел во двор. Они ошупью добрались до крыльца, и Цзя Цян сказал:

– Сядь под крыльцом и подожди моего возвращения. Только смотри, ни звука!

Цзя Цян и Цзя Жун удалились. Цзя Жую, который совсем лишился присутствия духа, не оставалось ничего иного, как забраться под крыльцо. Он начал обдумывать свое положение, как вдруг наверху послышался шум, и кто-то выплеснул ведро нечистот, да так ловко, что Цзя Жуй оказался облитым с головы до ног. Он невольно охнул, но тут же спохватился и зажал себе рот рукой. Облитый мочой, он всем телом дрожал от холода. Потом прибежал Цзя Цян.

– Идем, идем скорее!

Цзя Жуй кое-как выбрался из-под крыльца и опрометью бросился домой. Это было уже во время третьей стражи, и ему пришлось кричать, чтобы открыли дверь.

– Что случилось? – спрашивали люди, увидев Цзя Жуя в таком состоянии.

– Было очень темно, – солгал он, – я оступился и упал в отхожее место.

Добравшись до своей комнаты, Цзя Жуй умылся и переоделся. Только теперь он понял, что все это время Фын-цзе лишь играла с ним, и его охватила ярость. Но, вновь и вновь вспоминая красоту Фын-цзе, он чувствовал досаду, что не может заключить ее в свои объятия, и всю ночь не сомкнул глаз. Хотя он не мог забыть Фын-цзе, однако больше не осмеливался ходить во дворец Жунго.

Цзя Жун и Цзя Цян чуть не каждый день приходили к нему требовать деньги, и Цзя Жуй боялся, как бы дед не узнал о его похождениях. Страсть к Фын-цзе по-прежнему пылала в нем, а тут еще прибавились долги. И при всем том ему целыми днями приходилось усиленно заниматься.

Несмотря на свои двадцать лет, Цзя Жуй все еще не был женат, и мысль о том, что Фын-цзе так и не попала в его руки, извела его настолько, что у него, как говорят, «ломота в пальцах появилась». Вдобавок ему пришлось дрогнуть на морозе и потом спастись бегством. В результате он заболел. Внутри у него все горело, он лишился аппетита, ноги стали какими-то

слабыми, в глазах рябило, по ночам подымался жар, днем он чувствовал постоянное недомогание, появилось недержание мочи, кровохарканье... Все это вспыхнуло у него менее чем за месяц. Он уже был не в состоянии держаться на ногах и лежал в постели; когда закрывал глаза, мысли его путались, он начинал болтать всякие глупости, чего-то страшно пугался. Его осматривали врачи, прописывали лекарства. Он принял несколько десятков цзиней циннамона, аконита, вытяжки из черепашьего щита, корня майдун, купены, но все оставалось по-прежнему.

Год кончался, приближалась весна, и болезнь Цзя Жуя еще более обострилась. Цзя Дай-жу сбился с ног, приглашая врачей, но все было напрасно. Оставалось одно средство – пить настойку женишэня. Но разве у Дай-жу были на это деньги? Пришлось отправиться на поклон во дворец Жунго. Госпожа Ван приказала Фын-цзе отвесить два лян женишэня и дать ему.

– Мы ведь недавно готовили лекарство для старой госпожи, – сказала ей в ответ Фын-цзе. – Оставшийся целый женишэнь послали супруге военного губернатора Яна. Я еще вчера велела его отнести.

– Если нет у нас, спроси у своей свекрови, – приказала ей госпожа Ван. – Может быть, и у Цзя Чжэня есть. Собери немного и дай человеку – пусть лечится. Если ты спасешь человеку жизнь, тебе это зачтется!

Фын-цзе пообещала, но сама и не думала никуда посылать людей. Собрав несколько цзиней крошек женишэня, она велела отнести их Цзя Дай-жу и передать, будто это прислала госпожа и что, мол, больше нет.

А после этого она отправилась к госпоже Ван и сказала ей:

– Я искала женишэнь повсюду, собрала больше двух лян и все отослала.

Цзя Жуй в это время находился в полном отчаянии, он перепробовал все средства, но ничего не помогало и только напрасно тратились деньги.

И вдруг однажды у ворот дома появился хромоу даосский монах, просивший милостыню; он заявил, что лечит болезни, ниспосланные на человека как возмездие за грехи.

– Скорее зовите этого святого, – закричал Цзя Жуй, как только услышал об этом, – пусть он спасет мне жизнь!

Он вскочил на постели, стал низко кланяться и биться головой о подушку. Слугам не оставалось ничего иного, как привести даоса.

– Милосердный Бодисатва, спаси меня! – умолял Цзя Жуй, уцепившись за рукав монаха.

– Твою болезнь никакими лекарствами не излечить! – со вздохом произнес даос. – Но я дам тебе одно сокровище, и если ты будешь каждый день смотреться в него, жизнь твоя спасена.

С этими словами он вытащил из сумы небольшое зеркальце. На оборотной стороне его было нацарапано «Драгоценное зеркало любви». Подавая зеркальце Цзя Жую, даос пояснил:

– Это зеркальце из храма Кунлин, который находится в «Области Небесных грез», его сделала бессмертная Цзин-хуань. Оно излечивает от болезней, вызванных грешными мыслями и безумными поступками, оно обладает способностью наставлять человека на путь истины и сохранять ему жизнь. Я принес его в этот мир для того, чтобы в него смотрелись умные и талантливые люди из знатных семей. Но предупреждаю тебя, никогда не смотришь в лицевую сторону зеркальца, а только в его обратную сторону. В этом самое главное! В этом самое главное! Когда через три дня я приду за зеркальцем, ты будешь здоров!

И он ушел, несмотря на то что Цзя Жуй уговаривал его остаться.

Цзя Жуй взял зеркальце и подумал:

«Интересный этот даос! Почему бы мне не попробовать посмотреться?»

С этой мыслью Цзя Жуй поднял «драгоценное зеркало», посмотрелся в его обратную сторону и увидел перед собой скелет. Он быстро опустил зеркальце и обругал монаха:

– Негодяй! Еще вздумал пугать меня! Посмотрюсь-ка я в лицевую сторону – что будет там?

Он перевернул зеркальце и увидел Фын-цзе, которая манила его рукой. Цзя Жуя охватила безумная радость. Вдруг ему почудилось, что он сам входит в это зеркальце, соединяется с Фын-цзе, а потом Фын-цзе выводит его обратно. Но едва он добрался до своей кровати, как зеркальце перевернулось и перед ним стоял скелет. Цзя Жуй почувствовал, что весь покрыт холодным потом. Однако душа его не удовлетворилась, он снова повернул зеркальце лицевой стороной и увидел, что Фын-цзе опять манит его. Так повторялось три или четыре раза. В последний раз, когда он хотел выйти из зеркала, перед ним появились два человека, которые надели на него железные цепи и куда-то потащили.

– Пойдите, я возьму зеркальце! – истошно закричал Цзя Жуй.

Больше он не мог произнести ни слова.

Люди, которые за ним ухаживали, видели, как он упал навзничь, но по-прежнему широко раскрытыми глазами продолжал смотреть в руку, из которой давно выпало зеркальце и показилось по полу.

Когда к нему подбежали, он уже не дышал; под ним была только холодная клейкая лужа. Его поспешно одели и положили на кровать.

Цзя Дай-жу и его жена рыдали навзрыд и на чем свет стоит проклинали даоса:

– Это злой волшебник!

Цзя Дай-жу даже приказал развести огонь и бросить в него зеркальце. Но тут же услышал голос:

– А кто велел ему смотреться в лицевую сторону и принимать ложное за действительное?! Зачем же жечь мое зеркальце?

Вслед за тем зеркальце взвилось в воздух и вылетело из дома. А когда Цзя Дай-жу вышел за ворота, он увидел босого даосского монаха, который кричал:

– Верните мне мое драгоценное зеркало!

Как только зеркальце вылетело из дома, он подобрал его и исчез.

Цзя Дай-жу вынужден был заняться похоронами внука. Он разослал извещения родственникам, на третий день началось чтение молитв, а на седьмой день состоялось погребение. Гроб с телом отнесли и поставили позади «кумирни Железного порога». Потом стали приходить члены семьи Цзя с выражением соболезнования.

Цзя Шэ из дворца Жунго пожертвовал на похороны двадцать лян серебра, Цзя Чжэн тоже пожертвовал двадцать лян, как и Цзя Чжэнь из дворца Нинго. Остальные родственники, в зависимости от достатка, пожертвовали, кто один-два лян, кто три-четыре лян. Из посторонних – соученики Цзя Жуя внесли свою долю, которая в целом составила двадцать – тридцать лян. При такой помощи Цзя Дай-жу, несмотря на скромные доходы, сумел устроить вполне приличные похороны.

В конце года неожиданно тяжело заболел Линь Жу-хай, он прислал письмо, в котором просил Линь Дай-юй приехать к нему.

Узнав об этом, матушка Цзя опечалилась. Но так как другого выхода не было, ей пришлось собрать Дай-юй в дорогу.

Бао-юй тоже огорчился, но помешать дочери выполнить свой долг по отношению к отцу ему было неудобно.

Матушка Цзя решила, что Дай-юй непременно должна ехать в сопровождении Цзя Ляня, который и привезет ее обратно.

Что же касается путевых расходов и затрат на подарки, то об этом говорить не приходится – матушка Цзя все брала на себя. Тотчас же был выбран счастливый день для отъезда. Цзя Лянь и Дай-юй, попрощавшись со всеми, в сопровождении слуг сели в лодку и отплыли в Янчжоу.

Если хотите знать, чем кончилась эта поездка, прочтите следующую главу.

Глава тринадцатая, рассказывающая о том, как после смерти госпожи Цинь муж ее получил звание офицера императорской охраны и как Ван Сифын взяла на себя управление дворцом Нинго

Здесь мы расскажем о том, как после отъезда Цзя Ляня и Дай-юй в Янчжоу, Фын-цзе утратила интерес ко всему и каждый вечер, поболтав немного с Пин-эр, ложилась спать.

Однажды вечером, погревшись у жаровни, она приказала Пин-эр согреть атласное одеяло, забралась под него и стала на пальцах высчитывать, до какого места уже доехал Цзя Лянь. В это время пробили третью стражу. Вскоре Пин-эр уснула крепким сном. Фын-цзе едва сомкнула веки, как неожиданно ей почудилось, будто вошла Цинь Кэ-цин.

– Спокойного сна, тетушка! – сдерживая улыбку, сказала госпожа Цинь. – Я уйду навсегда, а ты не хочешь меня даже проводить! Но мы всегда дружили с тобой, поэтому я не могу уйти, не попрощавшись с тобой. Кроме того, у меня есть одна просьба, с которой можно обратиться только к тебе.

– Какая просьба? – услышав ее слова, торопливо спросила Фын-цзе. – Говори, я все исполню.

– Тетушка, – продолжала тогда госпожа Цинь, – ведь ты самая выдающаяся среди женщин, и даже мужчины, которые носят чиновничий пояс и шапку, не в состоянии превзойти тебя. Почему же ты не можешь понять пословиц: «Полная луна всегда идет на ущерб», «Вода из переполненного сосуда переливается через край» или «Чем выше подымешься, тем больше падать». Вот уже почти сто лет, как наша семья знатна и могущественна, но, возможно, придет день, когда «великая радость сменится горем». Если вспомнить пословицу «Когда дерево падает, обезьяны разбегаются», не будет ли это означать, что старинная родовитая семья перестанет оправдывать свое имя?

Фын-цзе была взволнована, но внешне сохраняла полное спокойствие.

– Ты совершенно права, – заметила она, – однако что нужно сделать, чтобы навсегда сохранить благосостояние нашей семьи?

– Ну и глупа же ты, тетушка! – холодно усмехнулась госпожа Цинь. – «Горе всегда сменяется радостью», позор и слава издревле следуют друг за другом – неужели человек в силах вечно хранить свое счастье? Но ныне, в период процветания, еще можно найти средства, чтобы обеспечить состояние на время упадка и уберечь себя от нищеты. У вас в порядке все дела, кроме двух. Но их тоже можно уладить, и если ты это сделаешь, то избавишься от несчастий.

– Какие это дела? – с удивлением спросила Фын-цзе.

В ответ госпожа Цинь сказала ей:

– Хотя вы четырежды в год совершаете жертвоприношения на могилах предков и содержите домашнюю школу, точная сумма расходов на эти нужды у вас не установлена, и каждый дает сколько может. Но если в период расцвета у вас нет недостатка в средствах на совершение жертвоприношений предкам и на содержание школы, то откуда вы их возьмете в период упадка? Чем вы будете их пополнять? Вот я и решила, что нет ничего лучше, как направить имеющиеся у вас богатства на то, чтобы создать побольше имений и усадеб вблизи могил предков, построить побольше домов и развести побольше огородов, чтобы из них черпать средства для существования, для жертвоприношений предкам и на содержание школы. Нужно установить твердый порядок, чтобы старшие и младшие члены вашего рода попеременно каждый год ведали этими пашнями, жертвоприношениями и средствами на содержание школы. Если вы будете строго придерживаться такой очередности, прекратятся всякие споры и никто не

будет отдавать имущество под залог. Если даже кто-нибудь провинится по службе и его личное имущество будет конфисковано, все равно общее имущество, доходы с которого предназначаются для совершения жертвоприношений предкам, останется неприкосновенным и власти не смогут его конфисковать. Если наступит полный крах семьи, у детей и внуков будет выход – они смогут уехать в деревню учиться и заниматься хозяйством, а жертвоприношения предкам будут продолжаться вечно. Думать, что слава и процветание никогда не окончатся и не заботиться о будущем – значит проявлять недалекость. Вскоре тебе предстоит быть свидетельницей необычайно радостного события, встречать которое с чрезмерной роскошью так же излишне, как подливать масло в ярко пылающий огонь или украшать цветами и без того пеструю узорчатую ткань. Знай же, это – мгновенный расцвет, кратковременная радость, и не забывай поговорку: «Даже самый роскошный пир когда-нибудь кончается»! Если заранее не позаботиться о будущем, потом раскаиваться будет бесполезно!

– О каком радостном событии ты говоришь? – поспешно спросила Фын-цзе.

– Небесные тайны разглашать нельзя, – ответила ей Цинь Кэ-цин. – Но так как мы с тобой дружили, я перед расставанием прочту тебе две фразы – запомни их хорошенько!

И вслед за тем она громко прочла:

Все три весны⁴⁸ навеки ушли,
и нет ароматов теперь;
Отныне каждый ищет свое,
своя у каждого дверь.

Фын-цзе снова хотела задать ей вопрос, но в этот момент у вторых ворот четыре раза ударили в «облачную доску», и эти скорбные звуки пробудили Фын-цзе.

– В восточном дворце Нинго скончалась супруга господина Цзя Жуна, – сообщили служанки.

От испуга все тело Фын-цзе покрылось холодной испариной. Но раздумывать было некогда, нужно было поскорее одеваться и идти к госпоже Ван. Вскоре о смерти стало известно всей семье, все опечалились, и вместе с тем каждого охватило чувство какой-то тревоги. Старшие вспоминали, как почтительна и покорна всегда была госпожа Цинь, ровесники думали о ее сердечности и отзывчивости, младшие по возрасту думали о том, как ласково она обращалась с ними. Что же касается слуг и служанок, то все они, независимо от возраста, вспоминали о том, как она всегда жалела бедных и несчастных, как уважала престарелых и была добра с детьми. Во всем доме не было человека, который не скорбел бы и не оплакивал покойную.

Но не будем слишком распространяться о второстепенном и расскажем о Бао-юе. Оставшись в одиночестве после недавнего отъезда Линь Дай-юй в Янчжоу, Бао-юй совсем перестал играть и забавляться и, как только наступал вечер, сразу ложился спать.

В эту ночь, услышав сквозь сон, что умерла госпожа Цинь, он хотел подняться, но вдруг почувствовал, будто в сердце ему вонзили нож. Он только вскрикнул и выплюнул изо рта сгусток крови. Си-жэнь и другие служанки переполошились, бросились поднимать его, стали расспрашивать, что с ним, хотели пойти к матушке Цзя и пригласить врача.

– Не волнуйтесь, пустяки, – остановил их Бао-юй. – Это у меня от волнения огонь проник в сердце, и кровь перестала поступать в жилы.

С этими словами он встал, потребовал одежду и заявил, что пойдет к матушке Цзя просить разрешения тотчас взглянуть на покойницу. Хотя Си-жэнь не очень хотелось его отпустить, но удерживать юношу она не осмеливалась и предоставила ему возможность поступать

---

⁴⁸ Под тремя веснами подразумеваются три девушки: Юань-чунь, Ин-чунь, Тань-чунь («чунь» в переводе означает «весна»).

так, как ему угодно. Но когда матушка Цзя узнала, что он собирается во дворец Нинго, она принялась отговаривать его:

– Она только что умерла, там грязно, не успели убрать. Да и ветер сейчас сильный, пойдемь утром.

Однако Бао-юй продолжал настаивать, и матушка Цзя в конце концов распорядилась заложить для него коляску и послала множество слуг сопровождать его.

Добравшись до дворца Нинго, Бао-юй увидел, что дворцовые ворота широко распахнуты, от фонарей, ярко горящих по обе стороны, светло как днем, взад и вперед в суматохе снуют люди. Из дома доносились вопли, от которых, казалось, содрогались горы.

Бао-юй вышел из коляски и бросился в зал, где стоял гроб. Поплакав там, он отправился повидаться с госпожой Ю, но у нее неожиданно начался приступ старой болезни, и она лежала в постели. Бао-юй вышел от нее и стал разыскивать Цзя Чжэня.

Вскоре пришли Цзя Дай-жу, Цзя Дай-сю, Цзя Чи, Цзя Сяо, Цзя Дунь, Цзя Шэ, Цзя Чжэн, Цзя Цун, Цзя Пянь, Цзя Хэн, Цзя Гуан, Цзя Чэнь, Цзя Цюнь, Цзя Линь, Цзя Цян, Цзя Чан, Цзя Лин, Цзя Юнь, Цзя Цинь, Цзя Чжэнь, Цзя Пин, Цзя Цао, Цзя Хен, Цзя Фэнь, Цзя Фан, Цзя Лань, Цзя Цзюнь, Цзя Чжи и другие родственники.

Цзя Чжэнь, рыдая, как настоящий плакальщик, говорил Цзя Дай-жу и всем остальным:

– Все в нашем роде, старые и малые, близкие и дальние родственники и друзья, знают, что наша невестка была в десять раз лучше моего сына! И сейчас, когда она умерла, особенно заметно, как опустел этот дом!

Он снова горестно заплакал. Все присутствующие принялись утешать его:

– Когда человек расстался с миром, плакать бесполезно. Надо подумать, как распорядиться насчет самого главного.

– Как распорядиться! – всплеснул руками Цзя Чжэнь. – Да я отдам все, что у меня есть!

В тот момент, когда он произносил эти слова, в зал вошли Цинь Бан-е, Цинь Чжун и несколько родственников и сестер госпожи Ю. Тогда Цзя Чжэнь приказал Цзя Цюню, Цзя Чэню, Цзя Линю и Цзя Цяню принимать гостей и тут же велел пригласить придворного астролога и гадателя, чтобы избрать день, благоприятный для похорон.

Было решено, что покойница будет лежать в гробу сорок девять дней, а через три дня разошлют извещения о ее смерти, и начнется траур. На эти сорок девять дней решили особо пригласить сто восемь буддийских монахов, которые должны были в зале читать молитвы по усопшей, чтобы спасти ее от наказания за грехи, совершенные в жизни; кроме того, было отдано распоряжение воздвигнуть алтарь в «башне Небесных благоуханий», где девяносто девять даосских монахов в течение девятнадцати дней должны были приносить жертвы и молить о прощении за несправедливо причиненные ей обиды. Гроб с телом покойницы установили в «саду Слияния ароматов» и перед ним на помостах, расположенных друг против друга, пятьдесят высокоправедных буддийских монахов и пятьдесят высокоправедных даосских монахов должны были отпевать покойницу и поочередно, через каждые семь дней, раздавать нищим остатки от жертвоприношений.

Когда Цзя Цзин узнал о смерти жены своего старшего внука, он счел, что рано или поздно сам должен вознестись на небо, и поэтому не захотел возвращаться к семье, боясь заразиться земной суетой и тем самым отрешиться от прежней подвижнической жизни. Он не стал вмешиваться ни в какие дела и всецело положился на Цзя Чжэня.

Между тем Цзя Чжэнь, которому предоставили право действовать по своему усмотрению, решил, не считаясь ни с чем, устроить пышные похороны. Набор кедровых досок для гроба пришелся ему не по вкусу. Тут как раз подвернулся Сюэ Пань. Узнав, что Цзя Чжэнь ищет хорошее дерево, он предложил:

– На моем лесном складе есть подходящее дерево. Говорят, его когда-то вывезли из гор Теваншань; если из него сделать гроб, он и за десять тысяч лет не сгниет. Это дерево достал еще мой покойный отец и собирался продать одному из родственников императорской фамилии – Преданному и справедливому вану, но впоследствии у того дела пошатнулись, поэтому дерево так и осталось на складе. До сих пор никто не в состоянии его купить. Если вам нужно, я велю принести его сюда.

Обрадованный Цзя Чжэнь приказал принести дерево. Оно оказалось толщиной в восемь вершков, по внешнему виду было похоже на орех, а запахом напоминало сандаловое дерево. Когда по нему щелкали пальцем, оно звенело, как яшма. Все хором выразили свое восхищение.

– Сколько стоит? – поинтересовался Цзя Чжэнь.

– Да такого дерева вы, пожалуй, не найдете нигде и за тысячу лян серебра, – с улыбкой ответил Сюэ Пань. – Стоит ли говорить о цене! Дайте несколько лян серебра мастерским за работу, и все.

Цзя Чжэнь стал благодарить его, велел распилить дерево и сделать гроб.

– Такие вещи не для нас, – пытался отговаривать его Цзя Чжэн, – вполне достаточно было бы для покойницы гроба из хороших кедровых досок.

Но разве Цзя Чжэнь слушал доводы?!

Неожиданно сообщили, что служанка госпожи Цинь – по имени Жуй-чжу, – узнав о смерти своей хозяйки, покончила с собой, разбив голову о колонну. Такое событие считалось весьма редким, и все члены рода преисполнились благоговением к преданной девушке. Цзя Чжэнь распорядился обрядить ее как свою внучку и положить в гроб со всеми церемониями, а гроб поставить в «башне Восхождения к бессмертию», которая находилась в «саду Слияния ароматов».

Вследствие того, что у госпожи Цинь не было детей, другая девушка-служанка, по имени Бао-чжу, выразила желание стать ее приемной дочерью и попросила разрешения разбить таз и идти перед гробом. Цзя Чжэнь был этим очень доволен и распорядился, чтобы отныне Бао-чжу называли «барышней». Бао-чжу, как полагается незамужней женщине, скорбела и рыдала перед гробом своей госпожи.

Все члены рода, согласно старому обычаю, тщательно выполняли свои обязанности, больше всего боясь что-нибудь перепутать.

Цзя Чжэнь между тем думал:

«Цзя Жун пока лишь студент, неудобно, что на траурном флаге нет титулов, да и регалий на похоронах будет немного»...

От подобных мыслей ему становилось не по себе.

В четвертый день первой недели евнух Дай Цюань из «дворца Великой светлости» при-слал людей со всем необходимым для жертвоприношений, а вслед за тем и сам прибыл в боль-шом паланкине под грохот гонгов.

Цзя Чжэнь незамедлительно принял его, усадил на «террасе, Привлекающей пчел» и стал угощать чаем. Он уже давно принял решение и сейчас, когда представился случай, стал выска-зываться. Он заявил, что хочет купить должность для Цзя Жуна.

– Хотите придать больше блеска похоронной церемонии? – спросил его Дай Цюань.

– Вы угадали, – ответил Цзя Чжэнь.

– Это кстати, – сказал Дай Цюань, – есть хорошая вакансия. Не хватает двух офицеров в императорской дворцовой охране. Правда, вчера ко мне обратился с просьбой третий брат Сяньянского хоу и дал мне полторы тысячи лян серебра. Вы сами знаете, что мы с ним старые друзья, и я, приняв во внимание высокое положение его деда, подумал и согласился. Осталась еще одна вакансия. Но неожиданным образом правитель области Юнсин вдруг захотел купить должность для своего сына! Однако у меня не было времени ему ответить. Если вам нужна должность для сына, скорее пишите родословную.

Цзя Чжэнь тут же велел подать лист красной бумаги и написал. Дай Цюань стал читать:

«Студент Цзя Жун, двадцати лет от роду, уроженец уезда Цзяннин области Интяньфу в Цзяннани. Прадед – Цзя Дай-хуа, полководец Божественного могущества и столичный генерал-губернатор с наследственным титулом первого класса. Дед – Цзя Цзин – получил степень цзиньши на экзаменах в таком-то году. Отец – Доблестный и Могущественный полководец Цзя Чжэнь с наследственным титулом третьего класса».

Дай Цюань прочитал бумагу и сказал стоявшему рядом слуге:

– Когда вернемся, передашь эту бумагу начальнику ведомства финансов и скажешь, что я прошу его составить свидетельство офицера императорской дворцовой охраны и выписать соответствующую бумагу с занесением в нее всей этой родословной. Деньги я взвешу и пришлю завтра.

На все приказания слуга почтительно кивал головой.

Затем Дай Цюань стал прощаться, Цзя Чжэню никак не удалось удержать его – пришлось проводить гостя до ворот дворца.

Когда Дай Цюань садился в паланкин, Цзя Чжэнь спросил его:

– Мне самому сходить в казначейство и взвесить серебро или прислать вам на дом?

– В казначействе больше хлопот, – ответил Дай Цюань, – лучше отвесьте точно тысячу лян и пришлите мне домой.

Цзя Чжэнь принялся благодарить его.

– Как только окончится срок траура, мы со своим щенком придем к вам, чтобы лично выразить свою признательность.

Не успел он закончить фразу, как послышались крики и шум – это прибыла жена Преданного и почтительного хоу Ши Дина со своей племянницей Ши Сян-юнь. Но едва госпожа Син, госпожа Ван и Фын-цзе успели встретить ее и проводить в дом, как прибыли люди из семей Цзиньсянского хоу, Чуаньнинского хоу и Шоушаньского бо⁴⁹, чтобы совершить жертвоприношения перед гробом покойницы. Когда они вышли из паланкинов, их встретил Цзя Чжэнь и проводил в зал.

И так родные и друзья шли непрерывной чередой. Все сорок девять дней на улице, где находился дворец Нинго, царило оживление, сновали люди, толпами проходили чиновники.

Когда настал срок, Цзя Чжэнь велел Цзя Жуну нарядиться в праздничную одежду и поехать получить свидетельство. Потом перед гробом покойницы были расставлены вещи и совершались церемонии, какие положены при погребении жены чиновника пятого класса. На табличке значилось: «Местопребывание госпожи Цинь из семьи Цзя, супруги чиновника пятого класса».

Ворота из «сада Слияния ароматов», ведущие на улицу, были широко распахнуты, а по обе стороны от них сооружены помосты для музыкантов и выставлены топоры, секиры и мечи. Кроме того, на воротах висела большая красная доска с золотыми иероглифами, которые значили:

«Офицер императорской гвардии по охране дворцов Запретного города, несущий службу при особе государя».

Напротив высились алтари для буддийских и даосских монахов. На досках крупными иероглифами было написано: «На похоронах супруги чиновника пятого класса урожденной Цинь, жены старшего внука потомственного Нинго-гуна из рода Цзя, офицера императорской гвардии по охране дворцов Запретного города, несущего службу при особе государя, в месте наивысшей справедливости четырех материков, в государстве великого спокойствия, навеки созданного велением Неба, праведный буддийский монах, смиренный служитель Пустоты и

---

⁴⁹ Бо – титул знатности III степени в старом Китае.

Спокойствия – Вань, и проповедник единственно истинной веры даос Е, благоговейно соблюдая пост, с почтением обращаются к Небу и вызывают к Будде».

Затем следовала другая надпись:

«Место, где почтительно просят духов-хранителей учения Будды излить свою божественную милость, распространить свое могущество и избавить за сорок девять дней душу покойницы от наказаний и возмездий за прежде совершенные грехи и дать ей успокоение».

Следовали и другие надписи, которые незачем перечислять.

Цзя Чжэнь испытывал удовлетворение, но в то же время чувствовал беспокойство, так как госпожа Ю была больна и не могла принимать знатных дам и он опасался каких-нибудь упущений в церемониях.

Бао-юй, находившийся возле него, спросил:

– Почему вы печалитесь, брат мой? Ведь все дела как будто улажены?

Тогда Цзя Чжэнь рассказал ему, что он беспокоится потому, что некому распоряжаться приемом гостей.

– Что вы! – воскликнул Бао-юй. – Я назову вам человека, который справится со всеми делами очень просто!

Цзя Чжэнь спросил, кто же это. В комнате было много родственников, и Бао-юй не осмелился говорить громко, а нагнулся к уху Цзя Чжэня и что-то прошептал ему.

Цзя Чжэнь не мог скрыть своей радости.

– Теперь действительно все будет в порядке! – воскликнул он. – Идем сейчас же!

Он попрощался с присутствующими и, увлекая за собой Бао-юя, направился в верхнюю комнату.

Это происходило в будничный день, когда родственников и друзей пришло мало и в зале находилось лишь несколько человек своих близких. Госпожа Син, госпожа Ван и Фын-цзе разговаривали с близкими родственниками.

Услышав «Старший господин идет!», находившиеся здесь служанки испуганно ахнули и быстро спрятались. Фын-цзе с достоинством встала навстречу Цзя Чжэню.

Цзя Чжэнь вошел медленно, опираясь на палку, ибо он был тоже немного болен и, кроме того, сильно убит горем.

– Вам следовало бы отдохнуть, – посоветовала ему госпожа Син. – Вы плохо себя чувствуете, а уже несколько дней так усиленно хлопчете. Зачем вы пришли?

Цзя Чжэнь с трудом поклонился ей, справился о здоровье и попросил извинения за причиненное беспокойство.

Госпожа Син велела Бао-юю поддержать его и распорядилась, чтобы служанки подали стул.

Цзя Чжэнь не захотел садиться. Сделав над собой усилие, он улыбнулся и сказал:

– Я пришел с просьбой ко второй тетушке и старшей сестрице.

– В чем дело? – спросила госпожа Син.

– Тетушка, конечно, поймет меня, – начал Цзя Чжэнь. – Сейчас, когда умерла жена моего сына, а моя жена лежит больная, в доме никак не удастся достойно соблюсти все положенные церемонии. Поэтому я и хочу просить уважаемую сестрицу, чтобы она на месяц взяла все дела в свои руки, тогда я буду спокоен.

– Так ты, оказывается, за этим! – улыбнулась госпожа Син. – Ведь сестра Фын-цзе живет у твоей второй тетушки, вот и разговаривай с ней!

– Фын-цзе еще ребенок, разве ей когда-нибудь приходилось заниматься подобным делом? – вмешалась госпожа Ван. – А если она сделает что-нибудь не так и люди будут насмехаться? Нет уж, лучше побеспокой кого-либо другого!

– Я понял вас, тетушка! – воскликнул Цзя Чжэнь. – Вы хотите сказать, что сестре Фын-цзе будет трудновато. Я не думаю, чтобы вы считали, будто она допустит промахи или не упра-

вится. Ведь она с самого детства отличалась аккуратностью и не допускала ни малейших ошибок, а сейчас, будучи замужем и ведая хозяйством всего вашего дворца, она обрела опыт и умение. Я твердо убежден, что, кроме нее, никто не справится. Если уж вы не уважаете меня и мою жену, сделайте это из уважения к покойной!

Из глаз Цзя Чжэня покатались слезы.

До сих пор Фын-цзе ни разу не распоряжалась похоронами, и госпожа Ван действительно опасалась, что она не управится и люди ее осмеют. Но сейчас, когда Цзя Чжэнь так настойчиво упрашивал, она заколебалась и бросила взгляд на Фын-цзе. Фын-цзе вообще была властолюбива и не прочь похвастаться своими способностями. Она в душе сразу согласилась, но, заметив нерешительность госпожи Ван, сказала ей:

– Если старший брат так просит, соглашайтесь, госпожа!

– А ты сможешь? – осторожно осведомилась госпожа Ван.

– Что тут мудреного! – воскликнула Фын-цзе. – Все наиболее важные дела старший брат уже уладил, и присмотреть нужно только за делами в доме. Если встретится какое-нибудь затруднение, я в любой момент могу обратиться к вам.

Она говорила разумно, и госпожа Ван замолчала. Поняв, что Фын-цзе согласна, Цзя Чжэнь проговорил:

– Если сестрица не сумеет управиться со всеми делами, пусть делает хоть то, что сможет. Я заранее признателен ей за все, а когда эти церемонии окончатся, я приеду во дворец лично поблагодарить ее.

С этими словами он низко поклонился. В ответ Фын-цзе тоже несколько раз поклонилась ему.

Тогда Цзя Чжэнь приказал принести доверительный знак дворца Нинго и велел Бао-юю отдать его Фын-цзе.

– Делайте все по своему усмотрению, – сказал он. – Если вам что-нибудь понадобится, предъявите доверительный знак и берите – меня спрашивать не нужно. Но только прошу вас: не будьте чересчур экономны – для меня главное, чтобы все было красиво. Кроме того, обращайтесь со слугами точно так же, как вы обращались у себя во дворце, и не бойтесь, что они будут роптать. Меня волнует только это, за все остальное я спокоен.

– Что ж, если брат тебя просит, постарайся! – проговорила госпожа Ван, обращаясь к Фын-цзе. – Но только не бери на себя чрезмерную власть и во всех важных делах советуйся с братом и его женой.

Бао-юй взял из рук Цзя Чжэня доверительный знак и вручил его Фын-цзе.

Цзя Чжэнь спросил:

– Сестрица, вы будете жить здесь или приезжать каждый день? Ежедневно приезжать трудно. Если хотите, я прикажу обставить для вас отдельный домик, и вы сможете спокойно прожить у нас некоторое время.

– Не нужно, – ответила Фын-цзе. – Ведь у нас без меня тоже не обойдутся, поэтому лучше уж я буду приезжать.

– Пусть будет по-вашему, – согласился Цзя Чжэнь.

Они еще немного поговорили, и Цзя Чжэнь ушел.

Вскоре все родственники разошлись, и тогда госпожа Ван спросила у Фын-цзе:

– Что ты теперь намерена делать?

– Не беспокойтесь, госпожа, возвращайтесь домой, – сказала Фын-цзе, – я сначала приножусь к делу, а потом тоже приеду.

Госпожа Ван и госпожа Син уехали. Но об этом мы рассказывать не будем.

Между тем Фын-цзе ушла в трехкомнатный флигель и принялась размышлять: во-первых, людей много, а вещи пропадают; во-вторых, у людей нет твердо установленных обязанностей, и при случае каждый старается увильнуть от работы; в-третьих, расходы чрезмерны, и слуги, получая деньги, часть их присваивают себе; в-четвертых, обязанности между слугами распределены неравномерно – одни выбиваются из сил, другие бездельничают; в-пятых, совестливых слуг ограничивать не следует, а всех бессовестных нужно прижать. Такие правила издавна существовали во дворце Нинго.

Если вы не знаете о том, как управлялась с делами Фын-цзе, прочтите следующую главу.

Глава четырнадцатая, в которой будет рассказано о том, как тело Линь Жу-хая перевезли в Сучжоу и как на дороге Цзя Бао-юй был представлен Бэйцзинскому вану

Когда Лай Шэн, главный управитель дворца Нинго, узнал, что Фын-цзе будет распоряжаться всеми делами, он собрал подчиненных ему слуг и сказал им так:

– Из западного дворца Жунго пригласили супругу господина Цзя Ляня ведать у нас хозяйственными делами. Слушайтесь ее во всем! Приходите пораньше, уходите попозже, лучше побольше потрудитесь в этом месяце, а потом сможете отдохнуть. Смотрите, не ударьте перед нею лицом в грязь! Она строга и вспыльчива, угодить ей трудно, если рассердится, ни с кем не считается.

– Верно, – согласились все.

И лишь один из слуг усмехнулся и возразил:

– На что ж это будет похоже, если мы ей во всем станем угождать?

Как раз во время этого разговора пришла жена Лай Вана с доверительным знаком на получение бумаги для прошений, молитв и извещений и с распиской, на которой было точно указано количество необходимой бумаги. Ей тут же предложили сесть, налили чаю, а людям приказали выдать бумагу в соответствии с требованием. Ее взял Лай Ван, донес до вторых ворот и только там передал жене.

Между тем Фын-цзе приказала Цай-мин сшить прихода-расходную книгу, затем вызвала жену Лай Шэна, потребовала у нее поименный список прислуги и назначила время на следующий день, когда все слуги и служанки дворца должны были явиться к ней за указаниями. Подсчитав по списку число прислуги, она задала несколько вопросов жене Лай Шэна, села в коляску и уехала.

На следующее утро Фын-цзе снова приехала во дворец Нинго. Все слуги и служанки уже были в сборе, но не осмеливались войти, а только под окном внимательно прислушивались, как Фын-цзе с женой Лай Шэна распределяют обязанности. Послышался голос Фын-цзе, которая говорила жене Лай Шэна:

– Раз уж мне поручили это дело, я буду вести его по-своему, не считаясь с тем, нравится это вам или нет, у меня не такой характер, как у вашей госпожи Ю, при которой вы можете делать все, что вздумается. Получая от меня распоряжения, не возражайте, что у вас во дворце прежде было не так – теперь все будет делаться по-моему. Всякого, кто нарушит мой приказ, я буду наказывать, невзирая на его положение и заслуги.

Она приказала Цай-мин читать поименный список и по очереди вызывать слуг и служанок, чтобы познакомиться с ними. Как только знакомство окончилось, Фын-цзе приказала:

– Этих двадцать человек разбить на две смены по десять человек в каждой; они будут встречать гостей и родственников и подавать чай, прочие дела их не касаются. Этих двадцать человек тоже разделить на две смены, они будут подавать чай и кушанья только для своих господ. Этих сорок человек тоже разделить на две смены, они будут ставить перед гробом жертвенный рис и чай, воскуривать благовония, подливать масло в светильники, вешать занавесы и охранять гроб, а в случае необходимости – выполнять роль плакальщиков. Четыре человека будут ведать посудой в комнатах для чаепития, и если пропадет хоть одна вещь, стоимость ее будет возмещена за счет их жалованья. А эти четверо будут ведать кубками, чарками и обеденной посудой и за любую недостачу отвечают вместе. Восемь слуг будут следить только за приемом даров и подношений. Восемь других будут ведать фонарями, свечами, жертвен-

ной утварью и бумажными деньгами⁵⁰ – необходимое я выдам сразу на всех, а затем каждому в отдельности укажу место, где он должен находиться. Двадцать человек будут поочередно нести ночное дежурство в разных местах, присматривать за входами во дворец, следить за тем, чтобы всюду горели светильники, и подметать пол в комнатах. Оставшихся я распределяю по разным помещениям, за каждым закреплю определенное место, и если там исчезнет или окажется испорченной какая-нибудь вещь, начиная от столов, стульев и старинных украшений и кончая плевательницами и метелками для смахивания пыли, убыток будет возмещаться за счет того, кто за этим местом присматривал. Жена Лай Шэна ежедневно будет проверять всех, кто осмелится нерадиво относиться к своим обязанностям, играть в азартные игры, пьянствовать, учинять драки или сквернословить, – таких немедленно отправлять ко мне. Если ты из личных соображений что-нибудь скроешь, – предупредила она жену Лай Шэна, – а я об этом дознаюсь – берегись! Пусть у тебя будет самая лучшая репутация, заслуженная в течение трех или четырех поколений, я ни на что не посмотрю! Теперь каждая группа точно знает свои обязанности, у кого обнаружится непорядок, с тех и буду взыскивать. У служанки, которая постоянно состоит при мне, есть часы, и все, начиная от мелочи и кончая серьезным делом, будет делаться в точно установленное время. И у вас в господском доме тоже есть башенные часы. Так вот: в половине шестого я делаю перекличку, в девять часов завтрак. Со всеми докладами и требованиями на получение необходимых вещей обращайтесь ко мне только в полдень. В семь часов вечера зажигаете фонари, я все проверяю, и вступающие на ночное дежурство сдают мне ключи. Говорить не приходится – в эти дни всем нам придется как следует потрудиться. Но как только окончатся похороны, господин безусловно вас наградит.

Окончив свою речь, Фын-цзе распорядилась выдать в нужном количестве чай, масло для светильников, метелки из куриных перьев для смахивания пыли, метелки для подметания полов и так далее; она велела также принести вещи, необходимые в домашнем обиходе: скатерти, чехлы для стульев, матрацы для сидения, циновки, плевательницы, подставки для ног и тому подобное. Производя выдачу, она тотчас же записывала: такой-то и такой-то присматривает за таким-то местом, такой-то и такой-то получил такие вещи – все было точно и ясно. Получив указания, каждый шел заниматься своим делом, – не то что раньше, когда все старались получить работу полегче, а как только случалось что-нибудь потруднее – никого не дозовешься. Теперь нельзя было терять вещи и, сославшись на суматоху, оставаться безнаказанным. Даже когда приходили гости, все было спокойно, исчезла прежняя путаница. Никто не отлынивал от работы, кражи полностью прекратились.

Фын-цзе с достоинством отдавала приказы и распоряжения, и это доставляло ей необычайное удовольствие.

Так как госпожа Ю была больна, а Цзя Чжэнь от чрезмерного горя и расстройства ел мало, Фын-цзе вынуждена была каждый день дома заказывать для себя горячие блюда и закуски, которые ей приносили во дворец Нинго. Кроме того, Цзя Чжэнь распорядился ежедневно посылать во флигель, в котором жила Фын-цзе, самые отборные яства, специально для нее приготовленные.

Фын-цзе не жалела сил для выполнения возложенных на нее обязанностей, каждое утро в точно установленное время собирала прислугу и устраивала перекличку, отдавала указания. Она жила во флигеле одна и не общалась с невестками и золовками из дворца Нинго, и если иногда ей приходилось иметь с ними дело, она не встречала их и не провожала.

В пятый день пятой недели приглашенные на похороны буддийские монахи совершали обряд проводов души в потусторонний мир, просили Янь-цзюня⁵¹ обуздать злых демонов и умоляли Ди Цзан-вана открыть золотой мост и с траурными флагами провести по мосту душу

⁵⁰ Бумажные деньги – бумажки в форме монет, которые сжигались во время похорон.

⁵¹ Янь-цзюнь (Янь-ван) – владыка подземного мира, согласно поверьям китайцев, судивший души умерших.

покойницы. Даосские монахи, пав ниц, молились верховному божеству, обращались к трем высшим мирам и зывали к Яшмовому владыке. Буддийские праведники воскуривали благовония, насыщали огненные пасти демонов, совершали покаяние омовением, а в это время двенадцать молодых буддийских монахинь, одетых в расшитые узорами одеяния и обутых в красные туфли, бормотали «Прими и введи» и другие заклинания.

Зная, что в этот день будет много гостей, Фын-цзе встала в пять часов утра, быстро оделась, умылась и причесалась. Едва она успела выпить несколько глотков молока, как было уже половина шестого и жена Лай Вана со всеми слугами и служанками ожидала ее.

Фын-цзе вышла из дому и села в коляску. Впереди шли две служанки с зажженными фонарями, на которых крупными иероглифами было написано: «Дворец Жунго». Вскоре Фын-цзе подъехала ко дворцу Нинго. На воротах висели яркие фонари, а по обе стороны от ворот на специальных подставках стояли переносные фонари, поэтому вокруг было светло, как днем. Дальше двумя рядами стояли слуги в ослепительно-белых траурных одеждах. Как только коляска Фын-цзе остановилась у главных ворот, сопровождающие ее слуги отошли назад, а женщины-служанки бросились поднимать полог на коляске.

Опираясь на руку Фын-эр, Фын-цзе вышла из коляски и направилась во дворец; две служанки с фонарями шли впереди и освещали ей путь, остальные следовали сзади. Служанки из дворца Нинго вышли ей навстречу и справились о здоровье.

Медленными шагами Фын-цзе прошла в «сад Слияния ароматов» и приблизилась к «башне Восхождения к бессмертию». Когда она увидела гроб, из глаз ее, словно жемчуг с оборванной нитки, покатались слезы.

В глубине двора наготове стояла целая толпа слуг, ожидая начала церемонии сожжения бумажных денег.

– Подавайте чай и сжигайте деньги, – отрывисто приказала Фын-цзе.

Раздались удары в гонг, заиграла музыка. Фын-цзе опустилась на круглый стул, заранее поставленный для нее перед гробом, и во весь голос заплакала. Следом за нею заголосили слуги.

По приказанию госпожи Ю и Цзя Чжэня люди бросились утешать Фын-цзе, и только после этого она вытерла слезы. Жена Лай Вана подала ей чаю, чтобы прополоскать рот. Фын-цзе встала, простилась со всеми и удалилась во флигель.

Все слуги, которых поименно вызывала Фын-цзе, были уже в сборе, не пришел только один из тех, которым было поручено встречать и принимать гостей. Фын-цзе немедленно велела послать за ним. Тот перепугался.

– Что же это ты нарушаешь мои приказания? – с холодной усмешкой спросила его Фын-цзе. – Или, может быть, ты считаешь себя важной особой, которой дозволяется не слушать меня?

– Я приходил всегда раньше всех, госпожа, – начал оправдываться тот. – Только сегодня немножко опоздал, простите меня на первый раз.

В этот момент в дверь просунулась голова жены Ван Сина из дворца Жунго.

– Тебе чего? – спросила Фын-цзе, не отпуская провинившегося.

Жена Ван Сина подошла к ней поближе и сказала:

– Я пришла за разрешением на получение шелковых ниток для вязания сеток на коляски и паланкины.

С этими словами она протянула Фын-цзе лист бумаги. Фын-цзе приказала Цай-мин читать.

– «Для двух больших, четырех малых паланкинов и четырех колясок столько-то больших и малых сеток, – прочла Цай-мин. – На каждую сетку столько-то цзиней ниток».

Выслушав до конца, Фын-цзе сочла цифры вполне подходящими, приказала Цай-мин все записать и выдать жене Ван Сина доверительный знак дворца Жунго на право получения необходимого. Жена Ван Сина поклонилась и вышла.

Фын-цзе хотела вернуться к прерванному разговору, но тут из дворца Жунго пришли четыре управителя за разрешением на получение кое-каких вещей. Фын-цзе спросила, что им нужно, и те представили ей четыре письменных требования. Прочитав их, Фын-цзе вернула обратно два и при этом сказала:

– Здесь подсчитано неправильно. Пересчитайте еще раз, потом получите.

Заметив, что рядом стоит жена Чжан Цая, Фын-цзе спросила у нее:

– А у тебя какое дело?

Женщина поспешно протянула ей бумагу и доложила:

– Да вот недавно сшили пологи для колясок и паланкинов, о которых только что говорили, а за работу нужно заплатить столько-то лян серебра.

Фын-цзе выслушала ее, приняла счет и приказала Цай-мин занести его в книгу. Она велела жене Чжан Цая подождать прихода жены Ван Сина, которая могла бы удостоверить подпись посредника, а потом уже они вместе должны были пойти получить деньги. Жена Чжан Цая напонила, что нужны обои и клей, чтобы устроить кабинет для Бао-юя, Фын-цзе распорядилась занести требования в книгу и выдать все необходимое жене Чжан Цая после того, как та отчитается в полученном прежде.

Когда все ушли, Фын-цзе снова обратилась к слугам и продолжала прерванную речь:

– Предположим, завтра он снова опоздает, послезавтра опоздаю я, а потом все и вовсе перестанут приходить вовремя! Если я на первый раз окажу снисхождение и прошу его, как я потом управлюсь с другими? Нет! Его надо проучить!

Фын-цзе опустила голову, немного подумала и приказала:

– Уведите и дайте двадцать палок!

Видя, что Фын-цзе сильно разгневана, люди схватили провинившегося, вытащили во двор и дали назначенное число ударов, а потом пришли и доложили. Тогда Фын-цзе передала Лай Шэну доверительный знак и сказала, чтобы с виновного удержали месячное жалованье.

– А теперь расходитесь! – приказала она.

Слуги и служанки разошлись. Побитый, стораая со стыда и глотая слезы, поплелся следом за ними.

Из дворцов Жунго и Нинго к Фын-цзе непрерывной чередой приходили люди со счетами и расписками, и Фын-цзе каждому давала указания.

Теперь во дворце Нинго все убедились, что Фын-цзе чрезвычайно строга и не терпит никаких возражений. Никто больше не смел уваливать от работы. Но об этом мы рассказывать не будем.

Бао-юй, опасаясь, как бы кто-нибудь не обидел Цинь Чжуна, вместе с ним отправился к Фын-цзе.

Когда они пришли, Фын-цзе обедала.

– Ах, бездельники! – воскликнула она. – Ну, входите! Будете кушать?

– Мы уже поели, – сказал Бао-юй.

– Где – здесь или дома? – полюбопытствовала Фын-цзе.

– Да стоит ли есть с твоими глупцами! – шутливо проговорил Бао-юй. – Мы ели дома у старой госпожи.

С этими словами он сел.

Едва Фын-цзе окончила обед, как к ней пришла служанка за доверительным знаком, чтобы получить лампадки.

– Я помню, что ты сегодня должна была прийти! – усмехнулась Фын-цзе. – Но я подумала, что ты забыла! Впрочем, если б ты забыла, с тебя и взыскали бы!

– А вы думаете, я не забыла? – созналась женщина. – Только что вспомнила! Стоило мне чуть опоздать, и я ничего не получила бы!

Фын-цзе протянула ей доверительный знак, и та ушла. Это сразу же было записано в книгу.

– Дорогая сестрица, – неожиданно обратился к ней Цинь Чжун, – у вас только один доверительный знак! А если кто-нибудь подделает другой и по нему получит деньги?

– Послушать тебя, выходит, что у нас нет законов! – засмеялась Фын-цзе.

– А почему никто из нашего дворца не приходит за доверительным знаком? – с недоумением спросил Бао-юй.

– Когда за доверительным знаком приходят, ты еще спишь, – снова засмеялась Фын-цзе. – Но позволь тебя спросить, когда ты собираешься заниматься по вечерам?

– Могу начать хоть сегодня! – ответил Бао-юй. – Только они не смогут приготовить для меня кабинет.

– А ты бы попросил меня, и все было бы готово, – заметила Фын-цзе.

– Бесполезно, – возразил Бао-юй. – Они ведь не сделают больше, чем могут.

– Даже если сделают, – сказала Фын-цзе, – все равно кое-что потребуется, чего они не получают без доверительного знака. Вот в чем самое главное!

Услышав это, Бао-юй бросился Фын-цзе на шею.

– Дорогая сестрица! – умолял он. – Дай им доверительный знак, пусть они получают все, что необходимо, и устроят мой кабинет.

– Я и так еле держусь на ногах от усталости, а ты еще меня сдавил! – воскликнула Фын-цзе. – Не беспокойся, сегодня получают клей и обои! Неужели я настолько глупа, чтобы всякий раз дожидаться, пока твои служанки раскачаются?

Бао-юй не поверил, что Фын-цзе говорит серьезно, и тогда Фын-цзе приказала Цай-мин показать ему приходо-расходную книгу.

Но тут вошел слуга и доложил:

– Возвратился Чжао-эр, который вместе со вторым господином ездил в Сучжоу.

– Почему он вернулся? – спросила Фын-цзе.

Чжао-эр вошел и сказал ей:

– Второй господин Цзя Лянь послал меня сообщить вам, что отец барышни Линь Дай-юй скончался утром третьего дня девятого месяца. Второй господин Цзя Лянь вместе с барышней Линь повезли гроб отца барышни Линь в Сучжоу и сказали, что вернутся к концу года. Второй господин прислал меня, чтобы я справился у вас о здоровье, попросил указаний старой госпожи и передал вам его просьбу прислать ему теплый халат и еще кое-какие вещи.

– Ты уже видел кого-нибудь из господ? – поинтересовалась Фын-цзе.

– Всех видел, – ответил слуга и тут же вышел.

Фын-цзе с улыбкой обратилась к Бао-юю:

– Уж теперь твоя сестрица Дай-юй долго будет жить у нас!

– Ай-ай-ай, какая беда! – всплеснул руками Бао-юй. – Представляю себе, как она убивается по отцу!

Он нахмурил брови и тяжело вздохнул.

Фын-цзе, стеснявшаяся расспрашивать Чжао-эра о Цзя Ляне в присутствии посторонних, была рассеянна. Ей хотелось поскорее вернуться домой, но мешали неоконченные дела.

Насилу дождавшись вечера, Фын-цзе возвратилась во дворец Жунго, вызвала к себе Чжао-эра и расспросила его, все ли было благополучно в дороге. Она тотчас же собрала теплую одежду на меху, вместе с Пин-эр проверила приготовленные для Цзя Ляня вещи, потом подумала, что еще может ему понадобиться, и, наконец, упаковав все в узел, отдала Чжао-эру.

– Получше заботься о господине, не раздражай его, – еще раз наказала она Чжао-эру. – Пусть он не пьет и не заводит пашни с девками. Если что-нибудь узнаю, ноги тебе переломаю, когда вернешься!

Чжао-эр, улыбаясь, кивнул и вышел.

Фын-цзе легла спать уже во время четвертой стражи и не успела уснуть, как наступило утро. Она поспешно встала, причесалась, умылась и отправилась во дворец Нинго.

Так как приближался день похорон Цинь Кэ-цин, Цзя Чжэнь вместе с гадателем отправился в «кумирню Железного порога», чтобы выбрать место для могилы. Он приказал настоятелю кумирни Сэ-куну приготовить новую ритуальную утварь и пригласить побольше известных монахов, чтобы принятие гроба происходило торжественно.

Сэ-кун распорядился подать ужин. Цзя Чжэнь не имел желания ни пить, ни есть, но так как время уже было позднее и он не успел бы возвратиться в город, пришлось остаться и переночевать в келье.

На следующее утро, едва рассвело, Цзя Чжэнь поспешно вернулся в город и сделал последние распоряжения, касающиеся выноса гроба.

Кроме того, он послал людей в «кумирню Железного порога», чтобы они дополнительно украсили место, где будет установлен гроб, и доставили туда все необходимое для приготовления угощений и чая.

Фын-цзе тоже распределила обязанности между людьми, которые должны были принимать гроб с телом покойной, и назначила кучеров и паланкинщиков, которые должны были сопровождать госпожу Ван к месту похорон, а также снять для нее, Фын-цзе, помещение, где можно было бы отдохнуть во время похоронной церемонии.

В эти дни умерла жена Шаньго-гуна, поэтому госпожа Син и госпожа Ван ездили на ее похороны и совершали жертвоприношения. Были также отправлены подарки второй жене Сианьского цзюньвана по случаю дня ее рождения. Потом родной брат Фын-цзе, по имени Ван Жэнь, с семьей уезжал на юг и написал ей письмо с просьбой собрать все необходимое в дорогу. А тут еще заболела Ин-чунь, нужно было ежедневно приглашать к ней врача, ухаживать за ней, наблюдать за приготовлением лекарств. Дела были сложные, да и было их так много, что всего не перечислишь.

Из-за всех этих хлопот Фын-цзе потеряла аппетит и сон. Стоило ей прибыть во дворец Нинго, как люди из дворца Жунго бежали за ней следом; как только она возвращалась во дворец Жунго, из дворца Нинго тотчас же прибегали за ней.

Несмотря на то что у Фын-цзе было столько хлопот, она, обладая самолюбивым характером, больше всего опасалась стать предметом толков и пересудов. Поэтому она не жалела сил, чтобы поддерживать строгий порядок, и отдавала лишь точные и тщательно продуманные распоряжения. Вот почему все члены рода – и старшие и младшие – восхищались ее способностями.

Вечером, за день до выноса гроба, в зале собралось множество родственников и друзей, и так как госпожа Ю все еще была больна и лежала во внутренних покоях, все заботы по приему гостей взяла на себя Фын-цзе. Правда, в роду было еще немало невесток, но одни из них были глуповаты, другие слишком легкомысленны, третьи чересчур робки и не привыкли бывать в обществе, четвертые вообще боялись появляться на глаза знатым и чиновным людям. На их фоне еще более выделялась своими изящными и непринужденными манерами Фын-цзе, которая поистине была «единственным алым цветком среди десяти тысяч зеленых кустов». Где ей было обращать внимание на остальных и считаться с ними?! Все делалось так, как она приказывала.

О том, как в эту ночь при свете фонарей и факелов встречали и провожали гостей, как шумно и оживленно было во дворце Нинго, разумеется, рассказывать незачем.

На рассвете, когда наступил счастливый час, шестьдесят четыре служанки приняли гроб и подняли перед ним траурный флаг, на котором крупными иероглифами было написано:

«Гроб с телом почившей супруги чиновника пятого класса урожденной Цинь, жены старшего внука потомственного Нинго-гуна из рода Цзя, офицера императорской гвардии по охране дворцов Запретного города, несущего службу при особе государя».

Вся необходимая для совершения погребальной церемонии утварь была сделана заново и сейчас ослепительно сверкала.

Бао-чжу, исполнявшая церемонии, положенные для незамужней дочери покойницы, разбила таз у дверей и с горькими рыданиями двинулась впереди похоронной процессии.

Среди гостей, провожавших гроб с телом покойной, находились: внук гуна Умиротворителя государства Ню Цина, носящий наследственный титул бо первого класса, – Ню Цзи-цзун; обладатель наследственного титула цзы⁵² первого класса Лю Фан, внук гуна, Внесшего порядок в управление государством – Лю Бяо; обладатель наследственного звания третьего класса полководец, Подавляющий своим могуществом – Чэнь Жуй-вэнь, внук Чэнь Си-гуна, Установившего равновесие в стране; обладатель наследственного звания третьего класса полководец, Внушающий страх отдаленным странам – Ма Шан-дэ, внук Ма Куя – гуна, Установившего порядок в стране; обладатель наследственного титула цзы первой степени Хоу Сяо-кан, внук гуна Совершенного правителя – Хоу Сяо-мина (вследствие смерти жены Шаньго-гуна его внук Ши Гуан-чжу, соблюдавший траур, не смог приехать). Эти шесть гунов вместе с семьями Жунго-гуна и Нинго-гуна носили краткое наименование «восемь гунов». Кроме того, здесь были: внук Наньаньского цзюнь-вана⁵³; внук Сининского цзюнь-вана, Преданный и почтительный хоу Ши Дин; внук Пинъюаньского хоу, наследственный обладатель титула нань⁵⁴ второго класса Цзян Цзы-нин; внук Динчэнского хоу, обладатель наследственного титула нань второго класса Се Кунь; внук Сяньянского хоу, обладатель наследственного титула нань второго класса Ци Цзянь-хуэй; внук Цзинтяньского хоу; начальник военной палаты пяти городов Цю Лян. И далее: сын Цзиньсянского бо – Хань Ци; сыновья полководцев Божественной воинственности – Фын Цзы-ин, Чэнь Е-цзюнь, Вэй Жо-лань и многие другие знатные люди, которых невозможно перечислить поименно. Гости женского пола съехались в десяти больших паланкинах и в тридцати или сорока малых паланкинах, и сопровождали их не менее ста колясок и паланкинов со служанками. Паланкины и всевозможные ритуальные предметы растянулись на три-четыре ли.

По дороге на небольших расстояниях друг от друга были возведены навесы, под которыми стояли столы с угощениями, были разостланы циновки, расположились музыканты, – все это были подношения, сделанные к похоронам друзьями и знакомыми.

Первый навес был поставлен Дунпинским цзюнь-ваном, второй – за счет Наньаньского цзюнь-вана, третий – за счет Сининского цзюнь-вана, четвертый – Бэйцзинским цзюнь-ваном.

Из этих четырех ванов лишь Бэйцзинский ван обладал самыми высокими заслугами, и вплоть до нынешнего времени его сыновья и внуки наследовали его титул.

Нынешний Бэйцзинский ван Шуй Жун еще не достиг того возраста, когда надевают шапку⁵⁵, он обладал красивой внешностью, отличался скромностью и добротой. Когда он узнал, что скончалась жена внука Нинго-гуна, и вспомнил о том, что их деды когда-то были связаны тесной дружбой, делили между собой и горести и славу, он не посчитался со своим положением вана, ибо сам знал, что такое траур, и велел чиновникам соорудить на дороге навес и устроить угощение. Ранним утром он побывал при дворе, быстро закончил все служебные дела, а затем, переодевшись в траурную одежду, в большом паланкине с зонтом прибыл на то место, где

⁵² Цзы – титул знатности V степени при династии Цин.

⁵³ Цзюнь-ван – титул знатности II степени в старом Китае.

⁵⁴ Нань – титул знатности IV степени в старом Китае.

⁵⁵ То есть еще не достиг совершеннолетия.

стоял навес, и приказал опустить паланкин на землю. Подчиненные ему чиновники выстроились рядами по обе стороны паланкина и прислуживали ему, не разрешая солдатам и простому народу толкаться поблизости.

Вскоре показалась приближавшаяся с севера огромная похоронная процессия, которая напоминала поток расплавленного серебра, разлившийся по земле.

Люди из дворца Нинго, расчищавшие путь для процессии, доложили Цзя Чжэню о прибытии Бэйцзинского вана. Цзя Чжэнь тотчас приказал всем остановиться, а сам в сопровождении Цзя Шэ и Цзя Чжэна поспешил к тому месту, где находился ван, и приветствовал его со всеми положенными церемониями.

Бэйцзинский ван привстал в паланкине и со сдержанной улыбкой отвечал на приветствия. Отбросив высокомерие, он сделал Цзя Чжэню и остальным знак приблизиться.

– Чем я, ничтожный, живущий заслугами своих предков, смогу отблагодарить вас за честь, которую вы оказали мне своим присутствием на похоронах жены моего недостойного щенка?! – воскликнул Цзя Чжэнь.

– Мы ведь с вами старые друзья, – сказал ему Бэйцзинский ван, – к чему такие слова?

Затем он повернул голову и приказал одному из своих старших чиновников заняться совершением жертвоприношений. Цзя Шэ и все остальные снова принялись благодарить его.

Между тем Бэйцзинский ван учтиво обратился к Цзя Чжэню и спросил его:

– Кто это у вас родился с яшмой во рту? Я давно хотел его видеть, и если он сейчас здесь, почему бы не привести его ко мне?

Цзя Чжэн торопливо отошел в сторону, приказал Бао-юю переодеться, затем привел его поклониться Бэйцзинскому вану.

Бао-юй уже слышал о мудрости и добродетелях Бэйцзинского вана, о его совершенных талантах и необыкновенной красоте, о том, что он со всеми держится непринужденно, не стесняя себя чиновничьими обычаями и государственными церемониями, и давно мечтал с ним познакомиться. Только строгость отца мешала ему осуществить свое желание. Теперь же, когда Бэйцзинский ван сам позвал его, Бао-юй обрадовался и поспешил к нему, на ходу обдумывая, как вести себя при встрече.

О том, как держал себя Бао-юй в присутствии Бэйцзинского вана, вы можете узнать из следующей главы.

Глава пятнадцатая, повествующая о том, как Ван Си-фын в «кумирне Железного порога» показала свою власть и как Цинь Чжун наслаждался в монастыре Пампушек

Еще издали Бао-юй окинул взглядом Бэйцзинского вана Шуй Жуна и увидел, что тот одет в шелковый халат с узором из пятипалых драконов, плотно облегающий стан, подпоясан красным кожаным поясом с кистями, украшенными лазоревой яшмой, а на голове у него шапочка с серебряными крылышками – обычный головной убор вана. Лицо его цветом напоминало лучшую яшму, а глаза сияли, как звезды. Поистине, это был красавец.

Представ перед ним, Бао-юй низко поклонился. Вечнопроцветающий, не выходя из паланкина, положил руку на плечо юноше. Бао-юй был одет в белый с узорами из драконов халат с узкими рукавами, подпоясан серебряным поясом с украшениями из жемчужин, на голове его красовалась шитая серебром шапочка, а на лбу повязка с изображением двух драконов, выходящих из моря; лицо походило на цветок, распустившийся весной, а глаза сверкали, точно капельки застывшего черного лака.

– Недаром о нем идет молва! – с улыбкой сказал Бэйцзинский ван. – Он и в самом деле похож на драгоценность и подобен яшме! А где же то сокровище, которое было у него во рту при рождении?

Бао-юй вынул из-под одежды свою яшму и протянул вану. Бэйцзинский ван Шуй Жун внимательно осмотрел ее, прочитал написанные на ней иероглифы, а затем спросил:

– Эта яшма в самом деле чудотворная?

– По крайней мере, так говорят, – ответил Цзя Чжэн. – Но сам я пока от нее никаких чудес не видел.

Выражая вслух свое восхищение, Бэйцзинский ван расправил бахрому у тесьмы, на которой была подвязана яшма, и собственноручно надел яшму на шею Бао-юя. Затем, взяв Бао-юя за руку, он стал расспрашивать, какие книги тот изучает, сколько ему лет. Бао-юй на все подробно отвечал ему.

Красноречие и рассудительность Бао-юя привели в восторг Бэйцзинского вана, и он сказал Цзя Чжэну:

– Сын ваш поистине напоминает мне детеныша дракона и птенца феникса! Не считите мои слова за болтовню, но, может быть, в будущем «молодой феникс затмит славу старого феникса»!

– Ну разве мой щенок достоин столь лестного отзыва! – воскликнул Цзя Чжэн. – Я был бы счастлив всю жизнь, если бы ваше предсказание сбылось.

– Да, да! – проговорил Бэйцзинский ван. – Но вот что я думаю: за такие достоинства бабушка безумно любит вашего внука, а молодым чрезмерная любовь может принести только вред. Если мальчика любят – значит мешают ему учиться. Все это я испытал на себе, и мне кажется, что ваш сын ничем не отличается от меня. Но если вашему сыну трудно заниматься дома, что мешает вам прислать его ко мне? Сам я, правда, ни на что не способен, но меня удостаивают своим посещением самые знаменитые и ученые люди всей страны. Когда они прибывают в столицу, то в первую очередь бывают у меня. Если ваш сын будет приезжать ко мне и беседовать с ними, я уверен, его кругозор еще больше расширится!

– Совершенно верно! – согласился Цзя Чжэн и отвесил ему поклон.

Тогда Бэйцзинский ван снял висевшие у него на руке четки и, подавая их Бао-юю, с улыбкой произнес:

– Мы сегодня встретились впервые, и я даже не захватил с собой подарка, так что пусть эти четки, подаренные мне Высочайшим, послужат знаком уважения, пока я не поднесу вам своего подарка.

Бао-юй принял подарок и тотчас же передал его Цзя Чжэну. Затем оба они поблагодарили вана.

Подшли Цзя Шэ, Цзя Чжэнь и все остальные и стали просить Бэйцзинского вана не утруждать себя и возвращаться домой.

– Покойная уже давно вознеслась в мир бессмертных, не то что мы, обитатели бренного мира, – произнес Бэйцзинский ван. – Хотя я и удостоился небесной милости, незаслуженно унаследовал титул и должность отца, все равно я не могу пересечь дорогу перед колесницей с гробом святой.

Когда Цзя Шэ услышал, что Бэйцзинский ван наотрез отказывается исполнить их просьбу, ему осталось лишь поблагодарить вана за милость. Затем он распорядился прекратить музыку, пронести гроб вперед и снова пригласил вана пересечь путь погребальной процессии. Но это не столь важно.

А теперь расскажем о том, что после выноса гроба из дворца Нинго на всем пути царило необыкновенное оживление. Добравшись до городских ворот, Цзя Шэ, Цзя Чжэн и Цзя Чжэнь приняли под навесом приношения от равных с ними, а также стоявших ниже по положению чиновников и их семей, каждого в отдельности поблагодарили и лишь тогда выехали из города и быстро двинулись по большой дороге в направлении «кумирни Железного порога».

Цзя Чжэнь и Цзя Жун пригласили родственников старшего поколения следовать за ними. Цзя Шэ и его ровесники заняли места в колясках и паланкинах, а ровесники Цзя Чжэна сели верхом на коней. Все двинулись дальше.

Фын-цзе очень беспокоилась, что Цзя Чжэн не сможет усмотреть за Бао-юем, когда придут в кумирню, и Бао-юй начнет шалить и может наделать неприятностей. Поэтому она приказала слуге немедленно позвать юношу. Бао-юю ничего не оставалось, как подъехать к ее коляске.

– Дорогой братец, – сказала ему Фын-цзе, – ты знатен и благороден, а манеры у тебя женские, и не пристало тебе изображать мартышку на коне. Лучше садись ко мне в коляску, поедем вместе. А?

Бао-юй соскочил с коня и сел в коляску рядом с Фын-цзе. Разговаривая между собой, они продолжали путь.

Вскоре два всадника с двух сторон подскакали к коляске, спешились и доложили:

– Неподалеку есть подходящее место для остановки. Госпожа может там отдохнуть и переодеться.

Фын-цзе велела им сначала спросить указаний у госпожи Син и госпожи Ван.

– Госпожи сказали, что отдыхать не будут, – проговорили всадники, – а вы можете поступать по своему усмотрению.

Тогда Фын-цзе заявила, что немного отдохнет, а потом поедет дальше. Мальчик-слуга тотчас взял коня под уздцы, выбрался с коляской из толпы и пошел в северном направлении.

Бао-юй приказал слугам разыскать Цинь Чжуна.

В это время Цинь Чжун ехал верхом следом за паланкином своего отца. Вдруг он увидел бежавшего к нему мальчика-слугу. Мальчик передал ему приглашение Бао-юя немного отдохнуть и закусить. Цинь Чжун давно заметил, что лошадь Бао-юя, покрытая попоной, вслед за коляской Фын-цзе повернула в северном направлении, и понял, что Бао-юй едет в коляске вместе с Фын-цзе. Он подхлестнул своего коня, поскакал вдогонку и настиг коляску у ворот деревенской усадьбы.

В усадьбе было всего несколько жилых комнат, и женщинам негде было уединиться. Фын-цзе, Бао-юй и Цинь Чжун с их изящными манерами и роскошным одеянием казались деревенским женщинам и девушкам ангелами, спустившимися на землю.

Войдя в небольшую крытую камышом хижину, Фын-цзе велела Бао-юю и всем остальным пойти погулять. Бао-юй сразу понял, почему она их отсылает, и тотчас же вышел, сопровождаемый Цинь Чжуном и слугами.

До сих пор Бао-юю никогда не приходилось бывать в деревне, он никогда не видел даже самых простых в крестьянском обиходе вещей, не знал, как они называются и для чего служат. Все казалось ему удивительным. Среди слуг нашелся один, которому все эти вещи были знакомы, он сообщал Бао-юю их названия и объяснял, для чего они предназначены.

Бао-юй только кивал головой и говорил:
– Недаром древние писали:

Кто мог бы подумать:

для пищи на этом блюде
Над зернышком каждым
усердно трудились люди.

Оказывается, так и есть!

Он вошел в дом, увидел на кане прялку и еще более удивился.

– Эта вещь предназначена для прядения ниток, из которых ткут материю, – объяснили ему слуги.

Бао-юй взобрался на кан и покрутил прялку. В тот же момент к нему подскочила девушка лет шестнадцати-семнадцати и закричала:

– Не сломай!

Слуги цыкнули на нее, а Бао-юй тотчас отдернул руку и сказал:

– Я таких вещей никогда не видел и просто из любопытства хотел попробовать.

– Все равно ты не умеешь с ней обращаться, – сказала в ответ девушка, – но если хочешь, я тебе покажу.

Цинь Чжун осторожно дернул Бао-юя за рукав и насмешливо шепнул:

– А в деревне тоже много интересного!

– Помолчи! – оттолкнул его Бао-юй. – Не то побью.

Девушка взяла прялку и начала пряхть, да так ловко, что любо было смотреть. Но тут вдруг раздался голос старухи:

– Эй, дочка, скорей поди сюда!

Девушка бросила прялку и убежала.

Бао-юй сразу утратил интерес ко всему. В это время Фын-цзе прислала за ними человека. Фын-цзе уже успела вымыть руки и переодеться и спросила, переоделись ли они.

– Нет, – ответил Бао-юй.

На этом, собственно, все и кончилось.

Служанки поставили на стол печенье, налили душистый чай. Фын-цзе выпила чаю, подождала, пока соберут со стола, потом вышла и села в коляску. Ван-эр уже заранее вручил подарки хозяевам усадьбы, и те вышли благодарить Фын-цзе.

Бао-юй внимательно осмотрелся кругом, но нигде не увидел девушки, которая только что пряха. Однако, когда они немного проехали, он заметил ее у выхода из усадьбы – она стояла там с двумя другими девочками и держала на руках маленького ребенка. Бао-юй почувствовал, что не владеет собой, но так как он сидел в коляске, то не мог дать волю своим чувствам, и лишь искоса бросил на девушку ласковый взгляд. Тут налетел порыв ветра, и Бао-юй зажмурил глаза, а когда открыл их и повернул голову, девушка исчезла.

Между тем они догнали похоронную процессию. Впереди слышался грохот гонгов и барабанов, колыхались траурные флаги и зонты, а по обе стороны от дороги рядами выстроились буддийские монахи из «кумирни Железного порога».

Вскоре въехали в ворота кумирни. Тотчас же послышались буддийские молитвы, были расставлены алтари с курильницами, а гроб с телом покойницы пронесли и установили в боковом зале храма. Бао-чжу, как спутница покойной, легла возле гроба.

Перед кумирней Цзя Чжэнь принимал гостей. Из числа близких и друзей кое-кто остался здесь, другие же стали прощаться с Цзя Чжэнем, который каждого в отдельности благодарил за доставленное беспокойство. Таким образом, к концу дня почти все гости, строго соблюдая принцип старшинства, разошлись.

Гостей женского пола принимала Фын-цзе. Из женщин первыми разъехались жены титулованных сановников, а за ними остальные. Лишь несколько близких родственниц осталось до окончания трехдневных церемоний.

Зная, что Фын-цзе не сможет сразу вернуться домой, госпожа Син и госпожа Ван хотели забрать Бао-юя и уехать в город. Однако Бао-юю, случайно попавшему за город, разумеется, не хотелось возвращаться обратно. Пришлось оставить его вместе с Фын-цзе. Госпожа Ван передала его на попечение Фын-цзе, а сама уехала.

«Кумирню Железного порога» когда-то отстроили Нинго-гун и Жунго-гун, здесь еще и поныне воскуривались благовония и имелось кладбище для всех членов рода Цзя, которые умирали в столице. В кумирне были также помещения для покойников и для временного пребывания тех, кто их сопровождал.

Отстраивая кумирню, предки совсем не предполагали, что в период расцвета их потомки будут разниться между собой, как Цань и Шан⁵⁶: те, кто был победнее, оставались жить здесь, более богатые и влиятельные, да еще любившие удобства, старались подыскать себе место вне кумирни – либо в какой-нибудь окрестной деревне, либо в женском монастыре – и жили там, пока оканчивались погребальные церемонии.

И вот сейчас на похоронах госпожи Цинь некоторые члены рода Цзя остались в кумирне, другие устроились недалеко от нее. Фын-цзе тоже сочла, что в кумирне неудобно, и послала людей к монахине Цзин-суй в монастырь Пампушек договориться, чтобы ей приготовили несколько комнат.

Собственно говоря, это был монастырь Шуйюэ, но, так как в нем прекрасно готовили пампушки, ему и дали это нелепое название. Монастырь Пампушек находился неподалеку от «кумирни Железного порога».

В это время монахи уже окончили службу и принесли Цзя Чжэню чай и вечернюю трапезу. Цзя Чжэнь послал Цзя Жуна передать Фын-цзе, чтобы та ложилась отдыхать. Так как в кумирне находилось несколько невесток из рода Цзя, которые могли заботиться о женщинах, принимавших участие в церемонии, Фын-цзе попрощалась со всеми и вместе с Бао-юем и Цинь Чжуном отправилась в монастырь Пампушек.

Цинь Чжун находился здесь без отца потому, что Цинь Бан-е был в преклонном возрасте и чувствовал себя плохо; он приказал сыну дожидаться в кумирне окончания погребальной церемонии, а сам уехал. Цинь Чжун по первому зову последовал за Фын-цзе и Бао-юем.

Когда они добрались до монастыря Пампушек, навстречу им вышла монахиня Цзин-суй в сопровождении послушниц Чжи-шань и Чжи-нэн. Когда все поздоровались, Фын-цзе прошла в келью, переделась и вымыла руки. Заметив, что за последнее время Чжи-нэн выросла и похорошела, Фын-цзе спросила ее:

– Что это вы с настоятельницей перестали приходить к нам?

– Недавно во дворце господина Ху родился наследник, – ответила за нее Цзин-суй, – и госпожа Ху прислала нашей настоятельнице десять лян серебра, чтобы та прочла «сутры над тазом новорожденного»⁵⁷. Вот почему, госпожа, я была занята и не могла прийти узнать о вашем здоровье.

Но мы не станем рассказывать, как старая монахиня прислуживала Фын-цзе, а поведаем о Цинь Чжуне и Бао-юе.

Играя с Цинь Чжуном в зале, Бао-юй заметил проходившую мимо них Чжи-нэн.

– Пришла Чжи-нэн, – сказал он.

– А мне какое дело? – удивился Цинь Чжун.

– Не хитри! – засмеялся Бао-юй. – Ты обнимал ее тайком в комнатах у старой госпожи? А сейчас вздумал меня морочить!

– Это выдумки! – смутился Цинь Чжун.

---

⁵⁶ *Цань* и *Шан* – названия звезд, расположенных на противоположных краях неба. Здесь употребляется в переносном смысле.

⁵⁷ В старом Китае существовал обычай принимать новорожденного в таз.

– Выдумки или нет – меня не интересует! – возразил Бао-юй. – Ты только позови ее и скажи, чтобы она налила мне чашку чая, а потом не вмешивайся.

– Странно! – заметил Цинь Чжун. – Неужели ты боишься, что, если позовешь ее сам, она тебе не налет? Почему должен звать ее я?

– Если ты ее позовешь, это будет сделано с чувством, – засмеялся Бао-юй, – а если позову я, она не обратит внимания.

Цинь Чжуну ничего не оставалось, как позвать:

– Чжи-нэн, налей чашку чая!

Чжи-нэн издавна приходила во дворец Жунго, и все знали, что она часто играла с Бао-юем и Цинь Чжуном. Сейчас она выросла, познала любовь, и ей нравилось любезное обхождение Цинь Чжуна. Цинь Чжуну в свою очередь нравились свежесть и красота Чжи-нэн. Таким образом, оба они питали друг к другу взаимную симпатию.

Чжи-нэн принесла чай.

– Дай мне, – сказал Цинь Чжун.

– Нет, мне, – запротестовал Бао-юй.

– Вы спорите из-за чашки чая, которую я держу в руках! – воскликнула Чжи-нэн. – Неужели мои руки намазаны медом?

Бао-юй первый выхватил у нее чашку и стал пить. Но как только он захотел обратиться к Чжи-нэн с вопросом, пришла Чжи-шань и позвала ее подавать к столу. Вслед за тем явились служанки и пригласили Цинь Чжуна и Бао-юя пить чай и есть фрукты. Они немного поели, затем вышли погулять.

Тем временем Фын-цзе в сопровождении Цзин-суй удалилась отдыхать в специально убранную для нее комнату. Женщины-служанки тоже разошлись, и возле Фын-цзе осталось лишь несколько девушек.

Воспользовавшись этим, старая монахиня сказала:

– У меня есть одно дело. Я хотела пойти к вам во дворец и посоветоваться со старой госпожой, но потом решила сперва поговорить с вами.

– Какое дело? – заинтересовалась Фын-цзе.

– Амитофо! – воскликнула старая монахиня. – Когда я постриглась в «монастыре Прекрасных талантов» в уезде Шанцай, у меня был благодетель по фамилии Чжан, большой богач. Его дочь, которую в детстве звали Цзинь-гэ, в те годы приходила в наш храм на богослужение и случайно увиделась с младшим дядей правителя области Чанъань – молодым господином Ли. Едва увидев Цзинь-гэ, молодой господин влюбился в нее и тотчас послал к ней сватов. Однако Цзинь-гэ была уже посватана за сына бывшего чанъаньского начальника стражи. Семья Чжан хотела расторгнуть договор, но опасалась, что начальник стражи не согласится, и поэтому заявила, что у девушки есть жених. Господин Ли захотел непременно жениться на девушке. Ее родители, оказавшись между двух огней, не знали, что делать. В семье начальника стражи тоже узнали об этом, не разобрались, в чем дело, и затеяли скандал. «Сколько тебе женихов нужно на одну ночь?» – говорили они. Они отказались расторгнуть договор и подали в суд. Семья невесты встревожилась не на шутку, пришлось снарядить людей в столицу и искать покровительства. Брачный договор решено было расторгнуть. Вот я и подумала: ваша семья в хороших отношениях с нынешним генерал-губернатором Чанъани господином Юнь Гуаном; если б вы попросили старую госпожу и ее сына написать письмо господину Юню, чтобы он поговорил с начальником стражи, тот определенно согласился бы. Если вы поможете уладить дело, семья Чжан готова будет разориться, лишь бы отблагодарить вас.

– Дело само по себе пустяк, – промолвила Фын-цзе, – только старая госпожа не захочет в него вмешиваться.

– Тогда, может быть, вы замолвите словечко? – попросила старая монахиня.

– Мне денег не надо, и вмешиваться в такое дело я не стану, – заявила Фын-цзе.

Услышав это, Цзин-сюй задумалась и после продолжительного молчания сказала:

– В семье Чжан знают, что я должна просить вас. Если вы не поможете им, они не поверят, что у вас нет времени или вы не нуждаетесь в деньгах, а подумают, что ваш род дошел до такого состояния, что даже подобную мелочь вы не можете сделать.

Слова монахини задела Фын-цзе:

– Пусть меня ждет какое угодно возмездие после смерти! Если я сказала – сделаю, значит сделаю. Скажи им только, чтобы принесли три тысячи лян серебра.

– Очень хорошо! – воскликнула старая монахиня, услышав слова Фын-цзе. – Все будет сделано!..

– Но не думай, что я помогаю им из-за денег! – предупредила Фын-цзе. – Эти три тысячи лян серебра потребуются на разъезды слуг, которых я буду посылать. Мне ни гроша не надо. Если даже у меня самой потребуют тридцать тысяч лян, я сию же минуту выложу!

– В таком случае окажите милость, госпожа! – снова стала молить старая монахиня.

– Чего ты так торопишься? Разве не видишь, как я занята? Ведь нигде не могут обойтись без меня! – воскликнула Фын-цзе, а затем, обращаясь к монахине, добавила: – Не беспокойся, уж если я обещала, так все устрою!

– Конечно, конечно, – согласилась монахиня. – Если бы это пустяковое дело доверить кому-нибудь другому, он бы с ног сбился! А вы, сколько на вас дел ни взваливают, со всем справляетесь! Ведь пословица гласит: «Способный всегда много трудится». Старая госпожа видит, что у вас такие способности, и все поручает вам, а вам нужно позаботиться и о своем здоровье.

Ее льстивые речи нравились Фын-цзе, и она, невзирая на усталость, стремилась продолжить разговор.

Между тем Цинь Чжун, воспользовавшись темнотой, отправился искать Чжи-нэн. Войдя во внутренние покои, он увидел молодую монахиню, которая совершенно одна мыла чайную посуду. Цинь Чжун привлек ее к себе и поцеловал.

– Что ты делаешь? – испуганно воскликнула Чжи-нэн и хотела закричать.

– Милая сестрица, как ты мучаешь меня! – воскликнул Цинь Чжун. – Если ты сейчас не согласишься, я умру на этом месте!

– Я соглашусь только при условии, если ты избавишь меня от этой тюрьмы и уведешь от этих людей, – возразила Чжи-нэн.

– Это сделать очень легко! – заявил Цинь Чжун. – Но только если вода далеко, нельзя утолить жажду!

С этими словами он погасил светильник, и комната погрузилась в мрак. Тогда он обнял Чжи-нэн и повалил на кан. Чжи-нэн пробовала сопротивляться, но это оказалось бесполезным. Кричать было неудобно, и как-то получилось, что нижняя одежда с нее спала. Но в тот самый момент, когда Цинь Чжун, как говорится, «вошел в порт», кто-то подкрался сзади и молча навалился на них. Они обомлели от страха. Но тут послышался смехок, и они узнали голос Бао-юя.

Цинь Чжун вскочил и недовольным тоном произнес:

– Как это называется?

– Если ты не удовлетворишь мое желание, я подниму скандал! – заявил Бао-юй.

Сгорая от стыда, Чжи-нэн незаметно выскользнула из комнаты. Бао-юй потащил за собой Цинь Чжуна.

– Ты еще упрямисься? – спрашивал он.

– Дорогой брат, только не шуми, – умолял Цинь Чжун, – я сделаю все, что ты захочешь.

– Молчи, – сказал Бао-юй, – ляжем спать, тогда я рассчитаюсь с тобой!

Вскоре Фын-цзе разделась и собралась спать. Бао-юй и Цинь Чжун в это время находились в передней. Для них женщины постелили на полу матрацы.

Фын-цзе опасалась, как бы не потерялась «яшма, в которую вселилась душа», поэтому, дождавшись, пока Бао-юй уснул, она приказала забрать у него яшму и положить к себе под подушку.

О том, как Бао-юй рассчитывался с Цинь Чжуном, нам точно неизвестно, и сами мы не видели, поэтому не будем заниматься измышлениями.

Между тем на следующее утро матушка Цзя и госпожа Ван прислали людей с наказом Бао-юю потеплее одеваться, и если он ничем особенным не занят, возвращаться домой. Но разве Бао-юй мог согласиться? Да и Цинь Чжун, который привязался к Чжи-нэн, всячески побуждал Бао-юя упросить Фын-цзе оставить их здесь еще на день. Фын-цзе подумала, что есть кое-какие мелкие дела, и решила немного задержаться, несмотря на то что все похоронные церемонии были уже окончены. Ей хотелось, чтобы Цзя Чжэнь остался всем доволен, кроме того, нужно было закончить дело, о котором просила Цзин-суй, да и хотелось угодить Бао-юю.

– Я свои дела окончила, – сказала она Бао-юю. – Если ты удержишься здесь, только доставишь мне лишние хлопоты. Завтра необходимо уехать.

– Только один день, – упрасивал ее Бао-юй, – завтра я непременно уеду.

Таким образом, они остались в монастыре еще на одну ночь.

Фын-цзе осторожно разъяснила Лай Вану просьбу старой монахини, Лай Ван сразу смекнул, в чем дело, тотчас отправился в город, нашел там стряпчего, который составил письмо, а затем якобы по поручению Цзя Ляня отвез его в Чанъань. Расстояние до Чанъани не превышало ста ли; таким образом, через два дня дело было улажено.

Генерал-губернатор Чанъани Юнь Гуан долгое время пользовался милостями рода Цзя, поэтому без промедления исполнил все, о чем его просили. О том, как Лай Ван получил от него ответное письмо и как он вернулся к Фын-цзе, мы рассказывать не станем.

Фын-цзе прожила в монастыре еще один день, потом распрощалась со старой монахиней, приказав ей через три дня прийти во дворец Жунго за ответом.

Незачем подробно рассказывать, как Цинь Чжуну тяжело было расстаться с Чжи-нэн, с которой он тайно встречался.

Фын-цзе еще раз побывала в «кумирне Железного порога» и осмотрела, все ли там в порядке. Бао-чжу решительно заявила, что останется здесь и не вернется домой, и Цзя Чжэню пришлось послать другую девушку сопровождать Фын-цзе.

О том, что произошло впоследствии, вы узнаете из следующей главы.

Глава шестнадцатая, повествующая о том, как Цзя Юань-чунь была избрана во Дворец Больших Стилистов и как в молодые годы Цинь Чжун ушел в иной мир

Бао-юй и Цинь Чжун сопровождали Фын-цзе при обходе «кумирни Железного порога», затем они сели в коляску и возвратились в город. Повидавшись с матушкой Цзя и госпожой Ван, все отправились спать по своим комнатам, и за всю ночь не произошло ничего такого, о чем стоило бы рассказывать.

На следующий день Бао-юй осмотрел комнату, которую ему приготовили для занятий, и решил заниматься здесь вместе с Цинь Чжуном по вечерам.

К несчастью, у Цинь Чжуна оказалось слишком слабое здоровье. За городом он простудился, да потом еще несколько раз тайно сходил с Чжи-нэн. Все это нарушило привычный для него образ жизни и подорвало силы, и сейчас, когда он вернулся во дворец Жунго, у него начались кашель и насморк, он чувствовал сильное недомогание, потерял аппетит. Ходить в школу он не мог, и целыми днями сидел дома и лечился. Это испортило Бао-юю настроение, но ему ничего не оставалось, как ждать, пока друг поправится.

Когда Фын-цзе получила ответное письмо Юнь Гуана, старая монахиня не замедлила сообщить в семью Чжан, что дело улажено. Начальник стражи сразу прикусил язык и принял обратно подарки, которые преподнес при сватовстве.

Но кто бы подумал, что такие честолобивые и падкие на богатство родители способны вырастить столь благородную дочь? Узнав о том, что ее прежний жених отвергнут, а ее сватают за молодого человека из рода Ли, Цзинь-гэ покончила с собой, повесившись на поясе... А сын начальника стражи, до безумия любивший невесту, узнав о ее смерти, утопился в реке. Таким образом, обе семьи стали несчастными. Верно говорит пословица: «Лишились и богатства, и детей».

Фын-цзе получила три тысячи лян серебра. Госпожа Ван ничего об этом не знала. Окрыленная первым успехом, Фын-цзе расхрабрилась и после этого уладила еще немало подобных дел.

Наступил день рождения Цзя Чжэна. Когда все родственники из дворцов Нинго и Жунго собрались, чтобы поздравить его, неожиданно среди шума и веселья вошел привратник и доложил:

– Прибыл главный евнух Шести дворцов⁵⁸ господин Ся, чтобы объявить высочайший указ.

Не зная, в чем дело, Цзя Шэ и Цзя Чжэн встревожились, тотчас же распорядились прекратить пир, расставили столики с курильницами и, распахнув парадные двери, на коленях встретили императорского посланца.

Старший евнух Ся Бин-чжун прибыл верхом в сопровождении множества слуг. Прежде ему никогда не приходилось развозить указы, и поэтому, когда он подъехал к залу, все лицо его сияло самодовольной улыбкой. Он вошел в гостиную, обратился лицом к югу и произнес:

– Мне дано повеление передать господину Цзя Чжэну, чтобы он немедленно прибыл ко двору и предстал перед государем во Дворце Выражения Почтительности.

---

⁵⁸ Жены и наложницы императора делились на шесть классов, причем для каждого класса был отдельный дворец.

Отказавшись даже выпить чаю, он вышел, сел на коня и ускакал. Так и не догадавшись о причинах этого необычного посещения, Цзя Чжэн торопливо переоделся и отправился ко двору.

Охваченная страхом и сомнениями, матушка Цзя не выдержала и послала вслед за Цзя Чжэном нескольких слуг, которым поручила разузнать, что случилось. Прошло довольно много времени, и неожиданно ко вторым воротам, запыхавшись, прибежали Лай Да и еще несколько слуг и сообщили радостную весть.

– Мы получили приказ нашего господина, – говорили они, – он просит старую госпожу и всех госпож прибыть ко двору, чтобы выразить благодарность государю за великую милость.

В это время взволнованная матушка Цзя стоя дожидалась вестей. Вместе с нею в большом зале находились госпожа Син, госпожа Ван, госпожа Ю, Ли Вань, Фын-цзе, Ин-чунь и остальные сестры.

Матушка Цзя подозвала Лай Да, чтобы подробно расспросить его, в чем дело.

– Мы только слуги и не знаем, что произошло во дворце, – ответил ей Лай Да. – К нам вышел евнух и сообщил, что нашей старшей барышне пожаловано звание первой управительницы Дворца Больших Стилистов и титул Мудрой и Добродетельной супруги государя. Затем вышел сам наш господин и сказал то же самое. Сейчас господин отправился в восточный дворец, а вас просит поскорее приехать и выразить государю благодарность за оказанную милость.

Только теперь матушка Цзя успокоилась, и лицо ее осветилось радостью. Нарядившись, как полагалось в соответствии со званием, матушка Цзя в сопровождении госпожи Син, госпожи Ван и госпожи Ю в паланкине отправилась во дворец.

Цзя Шэ и Цзя Чжэн тоже переоделись в придворное платье, и, захватив с собой Цзя Цяна и Цзя Жуна, последовали за ними, чтобы прислуживать матушке Цзя.

Всех обитателей дворцов Нинго и Жунго, начиная от хозяев и кончая слугами, охватила неопишуемая радость. И только один Бао-юй оставался безучастным ко всему. В чем же была этому причина? А вот в чем. Недавно Чжи-нэн тайком убежала из монастыря в город и пришла к Цинь Чжуну. Цинь Бан-е, отец Цинь Чжуна, догадался, в чем дело, и выгнал девушку, а Цинь Чжуну задал хорошую трепку. От гнева и расстройства старик заболел и через несколько дней скончался.

Цинь Чжун и без того обладал слабым здоровьем, и сейчас не успел еще поправиться, как его высекли; а когда умер отец, он огорчился, стал бесконечно раскаиваться в своем поведении, и это привело к обострению болезни. Все это печалило Бао-юя, и даже весть о возвышении старшей сестры Юань-чунь не смогла отвлечь его от грустных мыслей. Его одного не интересовало, как матушка Цзя благодарила государя за милость, как она вернулась домой, как потом приходили с поздравлениями родственники и друзья; он был вдали от веселья, царившего во дворцах Жунго и Нинго в эти дни, и держал себя так, будто ничего значительного не произошло. Все подшучивали над ним, считая, что за последнее время он совсем поглупел.

К счастью, приехал человек и привез письмо, в котором сообщалось, что Цзя Лянь и Дай-юй должны приехать на следующий день. Эта весть немного обрадовала Бао-юя. Потом, когда стали выяснять подробности, оказалось, что вместе с ними едет и Цзя Юй-цунь, получивший рекомендации Ван Цзы-тэна; он должен был явиться на аудиенцию к государю, а потом ожидать назначения на вакантную должность в столице. Цзя Юй-цунь поехал с ними потому, что когда-то был учителем Дай-юй и приходился родственником Цзя Ляню. Что касается Линь Жу-хая, то он, как полагалось, был похоронен на родовом кладбище.

Если бы Цзя Лянь останавливался на всех станциях, он добрался бы до дому лишь в следующем месяце. Однако, узнав радостную весть о возвышении Юань-чунь, он заторопился и продолжал путь, нигде не останавливаясь, благодаря чему был уже почти дома.

Однако Бао-юй все подробности пропустил мимо ушей, и только справился, как чувствует себя Дай-юй.

В следующий полдень доложили:

– Второй господин Цзя Лянь и барышня Линь Дай-юй прибыли во дворец.

При встрече все стали рассказывать друг другу о своих радостях и невзгодах, не обошлось без вздохов и горестных слез. Потом начались поздравления и утешения.

Бао-юй внимательно поглядел на Дай-юй и заметил, что она стала более непринужденной, чем прежде. Она заботливо подмела комнату, расставила украшения и безделушки, разложила привезенные книги. Потом она подарила Бао-юю, Бао-чай, Ин-чунь и другим сестрам бумагу, кисточки для письма и прочие письменные принадлежности. В ответ Бао-юй осторожно, как драгоценность, вытащил подаренные ему Бэйцзинским ваном четки из ароматного дерева и отдал Дай-юй, но девочка неожиданно вспылила:

– Мне не нужно! Эти четки до меня, наверное, держал в руках какой-то грязнуля! – и швырнула подарок на пол.

Бао-юй был вынужден взять четки обратно. Но об этом мы подробно рассказывать не будем.

Между тем Цзя Лянь, повидавшись со всеми родными, пошел к себе. Фын-цзе не имела ни минуты свободного времени. Однако Цзя Лянь прибыл с дальней дороги, и ей пришлось отложить все дела и прислуживать ему. В комнате не было посторонних, и Фын-цзе шутливо заметила:

– Поздравляю вас с великой радостью, государев зятек! Вы, наверное, устали с дороги! Я еще вчера, как только прибыл ваш посланец, приготовила для вас чарочку вина! Не знаю только, соблаговолите ли вы принять мое скромное угощение!

– Что вы! Что вы! Да разве я посмею? – заулыбался Цзя Лянь. – Премного вам благодарен, премного благодарен!

Тут вошли Пин-эр и другие служанки, которые ему поклонились, а затем был подан чай.

Расспросив обо всем, что произошло после его отъезда, Цзя Лянь еще раз поблагодарил Фын-цзе за хлопоты.

– И как только мне справляться со всеми этими делами! – начала жаловаться ему Фын-цзе. – Ведь я неопытна, изворачиваться не умею, душа у меня прямая, если меня ударят палкой, я воспринимаю это лишь как укол иголкой! Да и характер у меня слабый – стоит кому-нибудь сказать мне ласковое слово, как я смягчаюсь. Мне никогда не приходилось ведать такими большими делами, поэтому и смелости не хватает; если старая госпожа выражает малейшее недовольство чем-нибудь, я всю ночь не могу уснуть. Я несколько раз отказывалась, но госпожа и слушать не хочет, говорит, будто я стремлюсь увильнуть от дел, не желаю учиться. Откуда ей знать, что я совсем с ног сбилась! Дошло до того, что я даже слова лишнего не смею сказать, шага не смею сделать, не подумав! Вы же знаете, каких трудов стоит постоянно держать в руках наших женщин-управительниц? Немного ошибешься, они начинают злословить и насмеяться; сделаешь то, что им не нравится, они принимают «ругать акацию, указывая на шелковицу». Они никогда не помогут в беде! «Стравить людей да глядеть, как они дерутся», «убить человека чужим ножом», «тушить огонь, подливая в него масло», «стоять на сухом берегу», «не поддержать бутылку с маслом, когда она падает», – вот на что способна вся эта компания! А я молода, никого не притесняю, поэтому не приходится обижаться, что со мной не считаются. Но еще более странно то, что когда во дворце Нинго умерла жена Цзя Жуна, Цзя Чжэнь трижды ползал на коленях перед старой госпожой и умолял ее, чтобы она разрешила мне помочь им! Конечно, я отказывалась, но старой госпоже такая просьба пришлась по душе, она приказала, и пришлось повиноваться. В конце концов я все перепутала, не сумела соблюсти всех церемоний, и, наверное, старший брат Цзя Чжэнь доныне выражает недовольство и раскаивается, что пригласил меня. Если вы завтра увидите его, извинитесь за меня и спросите, кто посоветовал ему поручить все хозяйственные дела такой молодой и неопытной девчонке?

В это время снаружи слышались голоса.

– Кто там? – спросила Фын-цзе.

– Это тетушка Сюэ присылала Сян-лин кое о чем спросить меня, – ответила Пин-эр, – я уже все объяснила ей и отослала обратно.

– Вот так дела! – воскликнул Цзя Лянь. – А я только что видел тетушку Сюэ – она проходила мимо меня с какой-то миловидной девочкой! Я сразу обратил внимание, что у нас в доме таких не было. Я поговорил с тетушкой и узнал, что это та самая девочка-служанка, из-за которой был суд над Сюэ Панем. Зовут ее Сян-лин, и она недавно стала наложницей Сюэ Паня. Какая же она прелестная! А этот дурак Сюэ Пань опозорил ее!

– О-о-ох! – Фын-цзе скривила губы. – Казалось бы, съездив в Сучжоу и Ханьчжоу, вы должны были познакомиться со светом, а вы остались таким же ненасытным, как и прежде! Но если она вам так уж нравится, нет ничего проще, чем обменять Пин-эр на нее! Вы же знаете, что Сюэ Пань «ест из чашки, а заглядывает в котел». Сколько раз за этот год он ссорился с тетушкой Сюэ из-за того, что не может завладеть Сян-лин! Тетушка Сюэ поразмыслила, что Сян-лин хороша внешне, ласкова и покорна и заурядным барышням из знатных семей далеко до нее, поэтому устроила угощение, созвала гостей и во всеуслышание объявила, что Сян-лин будет наложницей ее сына! А тот через полмесяца ее бросил, как бросал других!

Едва она успела произнести эти слова, как к дверям подбежал мальчик-слуга и доложил:

– Господин приглашает второго господина Цзя Ляня к себе.

Цзя Лянь тотчас же встал, оправил на себе одежду и вышел.

Фын-цзе спросила у Пин-эр:

– Зачем тетушка Сюэ прислала Сян-лин?

– Какая там Сян-лин? – сказала Пин-эр. – Это я все нарочно выдумала. Вы только подумайте, госпожа, ведь жена Ван-эра совсем сдурела...

С этими словами она подошла к Фын-цзе, наклонилась к ее уху и прошептала:

– Она принесла проценты как раз в то время, когда был дома второй господин! И что это ей вздумалось? Хорошо еще, что я встретила ее в прихожей, а то она вошла бы к вам и начала докладывать. Вы же знаете характер своего мужа – он готов вытащить деньги из кипящего котла! Если б он узнал, что это ваши личные деньги, разве он стал бы их беречь?! Я решила сама принять у нее деньги да еще обругала ее. Не думала я, что вы услышите! Вот почему мне и пришлось выдумать, будто сюда приходила Сян-лин!

– А я-то решила, что тетушка Сюэ узнала о приезде второго господина и прислала служанку! – засмеялась Фын-цзе. – Оказывается, это ты выдумала водить меня за нос!

Пока они разговаривали, успел вернуться Цзя Лянь. Фын-цзе приказала подать вино и закуски, и супруги сели друг против друга. Фын-цзе любила выпить, но в присутствии мужа не осмеливалась. И вдруг вошла кормилица Цзя Ляня – мамка Чжао. Фын-цзе и Цзя Лянь поспешно встали, поднесли ей вино и предложили сесть на кан. Мамка Чжао наотрез отказалась. Тогда Пин-эр поставила возле кана столик и скамеечку для ног, и мамка Чжао села на нее.

Выбрав на своем столе два нетронутых блюда, Цзя Лянь распорядился поставить их на столик мамки Чжао.

– Матушка этого не разжует, – остановила его Фын-цзе, – она может сломать зубы.

Обращаясь к Пин-эр, она спросила:

– Где та разваренная ветчина, о которой я говорила сегодня утром? Подай ее скорее! Почему ты заранее не велела ее разогреть?

Затем она предложила мамке Чжао:

– Матушка, отведай вина, которое привез твой сын!

– Я выпью! – сказала мамка Чжао. – Но и вы пейте, госпожа! Чего бояться? Не нужно только пить много. Собственно говоря, я пришла сюда не для того, чтобы выпить, а по важному делу. Прошу вас выслушать меня и проявить хоть чуточку участия. Наш господин Цзя Лянь

умеет только обещать, а как доходит до дела, сразу все забывает. Ведь я его выкормила! И когда я состарилась, он мог бы уделить немного внимания моим сыновьям, и никто не осудил бы его за это. Я уже несколько раз просила его за сыновей, он обещал, но ничего не сделал. Сейчас, когда с неба свалилась великая радость, неужели вам не понадобятся люди? Вот я и пришла поговорить с вами, а то, если положиться на господина Цзя Ляня, пожалуй, умрешь с голоду!

– Что ж, матушка, – промолвила Фын-цзе, – поручи сыновей на мое попечение! Неужели ты не знаешь нрав Цзя Ляня? Ты отдала свое молоко человеку для тебя чужому, который и думать о тебе не хочет. А разве твои сыновья лучше других? Кто посмеет сказать, что ты не любишь их и не заботишься о них? Получилось же так, что ты вырастила Цзя Ляня, а выгодами от этого пользуются чужие люди. Нет, я не совсем так сказала, – поправилась Фын-цзе, – может быть, те, на кого мы смотрим как на «чужих», в твоих глазах «свои»?

От этих слов все присутствующие рассмеялись. Мамка Чжао тоже не могла удержаться от улыбки и, помянув Будду, сказала:

– Вот теперь все стало ясно, как день! Если уж говорить о «своих» и «чужих», то наш господин на это не смотрит. Он по своей доброте не может отказать, когда его просят.

– А что, не так? – улыбнулась Фын-цзе. – Он особенно добр с мужчинами, у которых есть красивые жены, а с нами, женщинами, тверд и непреклонен.

– Я очень рада, госпожа, что вы так добры ко мне, – закивала головой мамка Чжао. – Давайте выпьем по чарочке! Поскольку вы взяли это дело на себя, мне теперь нечего беспокоиться!

Цзя Лянь почувствовал себя неловко, но только усмехнулся и произнес:

– Не болтайте глупостей! Лучше накрывайте на стол, а то мне еще надо пойти к старшему господину Цзя Чжэню кое о чем посоветоваться.

– Смотри, не задерживайся с главным делом, – предупредила его Фын-цзе. – Что говорил тебе старый господин, когда вызывал?

– Что государыня вскоре должна навестить родителей, – ответил Цзя Лянь.

– Значит, этот вопрос уже решен? – поспешно спросила Фын-цзе.

– Решен еще не совсем, но почти наверняка, – с улыбкой сказал Цзя Лянь.

– Как все же милостив наш государь! – воскликнула Фын-цзе. – Если судить по книгам, которые я читала, и по пьесам, которые мне доводилось смотреть, таких государей не бывало с самых древнейших времен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.